

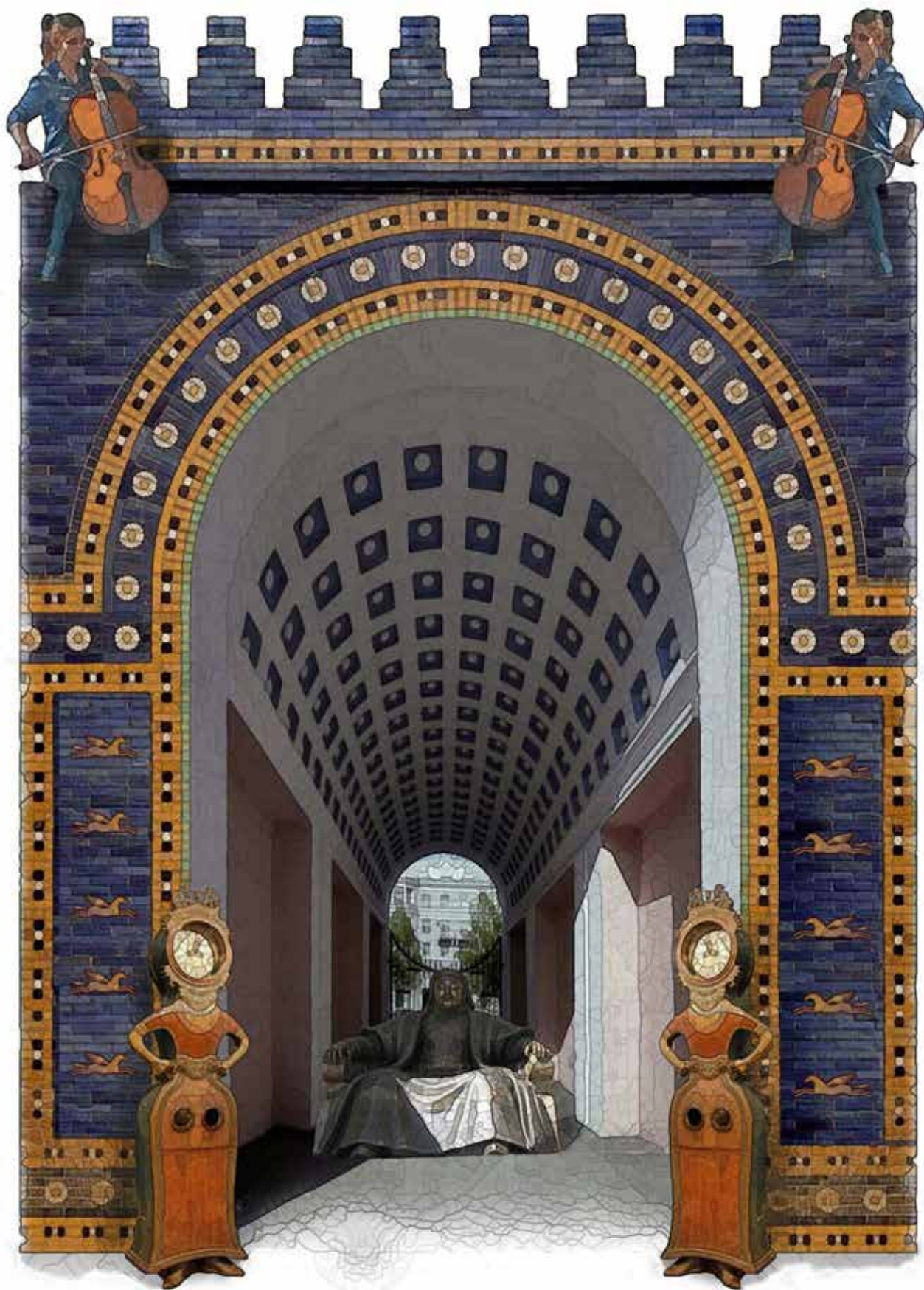
Барнаул

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

декабрь 2015

ЭТО — ФАНТАСТИКА!

Николай Коротков. Семь сторон света: этот город.
Компьютерная графика.

Барнаул

ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Издается при поддержке администрации Барнаула

декабрь 2015

Год литературы: предварительные итоги. Обзор

Это — Фантастика!

Евгений Платунов. Барнаул фантастический.

Пауль Госсен, Михаил Гундарин. Каори и Геркулес. Умная бомба. Над чем работает Гомер?
Фантастические рассказы

Александр Куляпин, Ольга Скубач. Время чудес: наука и фантастика раннесоветской эпохи.

Семья фантаста в Барнауле.

Александр Беляев. Встреча нового, 1954 года.
Рассказ

Пишите больше, вы талантливы!
Беседа И.Бобровой с Ю.Шиляевым.

Фантастические девушки. Рассказы участниц Клуба любителей фантастики г. Барнаула

Виктор Брылев Яма. Фантастический рассказ с предисловием А. Корчуганова.

Лидия Рыжова.

Николай Коротков: дизайнер и фантаст.

Зинаида Аннибал.

Барнаульская «Республика».

Наталья Николенкова. От июля до декабря.

Подборка стихов

Владислав Чиликин. Глагол времени.

Фрагмент романа с предисловием М.Зимогора

На обложке:
Денис Октябрь.
Из серии «Карнавал»,
105x90, 2012 г.

Главный редактор
Михаил Гундарин

Наш адрес:
7storon@rambler.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
С.А.Боженко, М.К.Зимогор,
А.Г.Истомина, С.А.Мансков,
Ю.В.Нифонтова, В.Г.Паршков

Поэты в городе. Марк Юдалевич, Борис Ласкин, Елена Клишина, Константин Гришин, Елена Большакова, Юлия Воловикова, Вячеслав Мордвинов, Елена Гешелина, Александр Вайс, Артем Деревянкин.

Подборка стихов

Елена Ожич

Братья-пуговицы. Звезды, найденные в лесу.
Зарплата Деда Мороза.

Сказки

Классика как кислородная маска.

Беседа С.Манскова с М.Тарковским

Михаил Тарковский.

Тойота-Королла.

Фрагмент романа

Ольга Колбашева.

Знать, чтобы гордиться.

Анатолий Муравлев.

Жизнь - в музыке.

Иван Кудинов.

Валерий Золотухин — 1980.

Литературный гид. Обзор

Лидия Зиновьева.

Внутреннее Беловодье Александра Волобуева.

В Год литературы в столице края прошло немало событий, у них была разная аудитория и разный масштаб, но все вместе они и правда образовали запоминающуюся картину. Напомним только о некоторых.

ДЕЛА ПИСАТЕЛЬСКИЕ

Юлия
Нифонтова,
Михаил
Гундарин.

МЕРОПРИЯТИЯ

Литературная гостиная в Государственной филармонии Алтайского края

Одним из интересных и новых проектов можно назвать сотрудничество писательской организации Союза писателей РФ с Государственной филармонией Алтайского края. С января по май с участием писателей и авторов-исполнителей состоялись встречи в литературной гостиной. Надо отметить небывалый наплыв зрителей и огромный интерес к творчеству наших земляков.

Дважды демонстрировалась музыкально-поэтическая программа для детей «Ухты!», в которой приняли участие поэтесса Ольга Кан и Александр. Также в стенах филармонии неоднократно прозвучали программы «На двоих одна душа...», «И снова золото на черном...» с участием поэта и прозаика Юлии Нифонтовой и певицы и композитора Ванды Ярмолинской. Прошли встречи с барнаульскими писателями – Галиной Колесниковой и известными в нашем городе авторами-исполнителями Ириной Швенк, Сергеем Свириным и др.

Сотрудничество с УФСИН

2015 год стал очень плодотворным в плане сотрудничества писателей с Управлением Федеральной службы исполнения наказаний. 18 творческих встреч с писателями, посвященных Году литературы, состоялось в исправительных учреждениях Алтайского края. По отзывам эти встречи носят положительный воспитательный характер и весьма востребованы данным контингентом читателей. При подготовке выступлений предпочтение отдается лирике и патриотическим стихам.

3 сентября в четырех исправительных учреждениях края (Барнаул, Новоалтайск) прошел «День поэзии». Творческие встречи с писателями прошли одновременно в ИК-3, ЛИУ-8, ИК-11, ЛИУ-1. На этот раз в гостях у заключенных были только поэты, которые читали свои стихи, отвечали на вопросы и подарили свои поэтические сборники в библиотеки учреждений. В литературный десант вошли не только барнаульские поэты, но и поэты из Павловска и Шелаболихи.

«Читаем классику вместе»

16 февраля Краевая библиотека им. В.Я. Шишкова подвела итоги масштабного чтецкого конкурса видеороликов «Читаем классику вместе». Эта акция продолжалась весь год.

Краевые литературные чтения им. Александра Родионова

6 мая, в день 70-летия писателя Александра Родионова, в Алтайской краевой библиотеке имени В.Я. Шишкова прошли литературные чтения, посвященные юбилею замечательного исследователя старины, автора многих книг о традиционных

Фото из архива
писательской
организации

русских ремеслах, о камнерезном деле на Алтае, ряда художественных произведений.

Ученые, библиотекари, редакторы, работники алтайских архивов, краеведы, близкие люди Александра Михайловича поделились воспоминаниями о нем, рассказали о многогранной деятельности писателя и исследователя.

Присутствующие (лекционный зал библиотеки был практически полон) увидели документальный фильм «Родионов», снятый Ларисой Вигандт и Верой Уразовой, в который вошли воспоминания о детстве, юности, годах учебы Александра Михайловича.

«Литературный перекресток»

23 июля в рамках Всероссийских Шукшинских дней на Алтае на открытой площадке у Краевой библиотеки состоялся традиционный «Литературный перекресток».

В ЦБ им. В.М. Шукшина в Бийске состоялась открытие Бийских Шукшинских чтений. Делегацию писателей-гостей представил зрителям Владимир Томаков.

Межрегиональный семинар молодых литераторов

Молодежный Всесибирский литературный семинар прошёл в Барнауле 22–24 апреля 2015 года. Организаторами выступили Союз писателей России (Москва), Алтайская краевая писательская организация Союза писателей России, управление Алтайского края по культуре и архивному делу.

На финальном заседании руководители семинара подвели итоги и постановили следующее:

«Рекомендовать в члены Союза писателей России Ирину Цхай (г. Барнаул).

Рекомендовать для вступления в Союз писателей России после выхода новой книги (в течение трех лет): Антона Метелькова (г. Новосибирск); Ирину Го-

нюкову (г. Барнаул); Наталью Ревкову (г. Барнаул); Яну Голенкову (г. Барнаул); Наталью Волкову (г. Барнаул); Сергея Нохрина (г. Барнаул)».

Всероссийская акция «Музейная ночь»

Писатели приняли активное участие во Всероссийской акции «Музейная ночь» 16 мая. Целый час в Белом зале ГМИЛИКА звучали стихи и песни. Музыкально-поэтическая встреча была озаглавлена строками из стихотворения Андрея Сметанкина «И лишь тебе, о, Муза Вдохновенья, свой век готов я преданно служить...»

КОНКУРСЫ И ПРЕМИИ

Пушкинская премия администрации города Барнаула в области поэзии

Комитет по культуре города Барнаула ежегодно до 1 февраля публикует объявление о конкурсе в газете «Вечерний Барнаул», а также размещает его на официальном интернет-сайте города Барнаула. Соискателями премии могут выступать физические лица в возрасте до 30 лет, проживающие на территории города Барнаула, ведущие работу в поэтическом жанре как индивидуально, так и в организациях, независимо от их организационно-правовой формы.

По итогам конкурса 2015 года победителями признаны: среди школьников – Юлиана Чекалина, ученица 9 класса гимназии № 40; среди студентов – Ксения Власова, 29 лет, выпускница АлтГТУ им. И.И. Ползунова, сотрудник силовых структур.

Пушкинская премия КППРФ

18 июня в актовом зале Алтайского краевого отделения КППРФ прошло вручение малой премии им. А.С. Пушкина. В 2015 году премия вручалась уже в одиннадцатый раз.

Юлия Нифонтова (лауреат 2007 года) напомнила, что, по Положению, премия дается непрофессиональным писателям, но, как показывает время, все, кто получил эту премию, впоследствии вступают в Союз писателей России. Программу вечера украсили стихи лауреатов премии – Елены Рябовой (лауреат 2012 года), Владимира Пасеки (лауреат 2013 года), Валентины Новичихиной (лауреат 2014 года), а также музыкальные клипы на стихи Александра Карпова (лауреат 2008 года) и песни в исполнении Сергея Азарова и Ирины Швенк.

Лауреатом 2015 года стал Юрий Малых. Валерий Тихонов, члена жюри, отметил: «Даже лирические стихи Юрия Малых гражданственны, что уж говорить о публицистических, исполненных переживаниями за то, как мы сейчас живем («Чужая жизнь, не липни!», «Бессонница», «Переживания», «В Год русского языка в России» и др.). Как истинно русский человек,

патриот своей страны, он приглашает нас к размышлениям. Книга избранных стихотворений «Мотивы реки», как и сам поэт, наполнена любовью к жизни, теплом к близким, музыкой чувств, светом надежды, силой добра и верой в справедливость».

Кроме того, в 2015 году была вручена премия имени Геннадия Панова. Ее лауреатом стала Елена Рябова.

Экологический конкурс Союза российских писателей

Региональное представительство Союза российских писателей приняло участие в организации Всероссийском экологическом литературном конкурсе среди юношества. Несколько десятков работ учащихся старших классов и студентов Барнаула были отобраны для участия и направлены в Москву. Несколько барнаульцев стали дипломантами конкурса.

Кстати, состав регионального представительства СРП в этом году пополнился – в него, по решению столичного руководства Союза, были приняты Наталья Николаенкова, Константин Гришин, Александра Вайс.

ИЗДАНИЯ

«Барнаул литературный» стартовал!

Накануне Дня города в администрации Барнаула прошла презентация первого номера журнала «Барнаул литературный». Выступали авторы, представители общественности, руководители городской администрации. Лучшие авторы журнала были отмечены знаком «За развитие литературы».

Презентации книг из серии «Алтай. Судьба. Эпоха»

13 февраля состоялась презентация книги Натальи Тепляковой «Алексей Скурлатов». Это первое издание в серии «Алтай. Судьба. Эпоха», подготовленное в рамках Губернаторского проекта.

10 сентября прошла презентация кни-

ги «Герман Титов. Позывной «Орёл». На мероприятии присутствовали Губернатор Алтайского края Александр Карлин, родственники космонавта номер два Г.С. Титова, представители отряда космонавтов, руководство города и края, а также автор Константин Сомов.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

За 2015 год осуществлены крупные издательские проекты, подготовленные отделом литературных и издательских проектов Краевой библиотеки им. В.Я. Шишкова.

1. Изданы девять книг краевого издательского конкурса в номинациях:

«Поэзия» – Людмила Козлова. «Избранное», Валерий Котеленец. «Рукопись»;

«Проза» – сборник о войне «Наша земля!», Александр Пешков. «Ночные журавли»;

«Публицистика» / «Краеведение» – Валентина Буняева. «Выше только небо», Адриан Топоров. «Интересное это занятие – жить на земле!»;

«Первая книга» – Дмитрий Мызников. «По дороге домой»;

«Детская литература» – Ольга Колпакова. «Это всё для красоты», Ирина Цхай. «Солнечная азбука».

2. Изданы три книги в серии «Алтай. Судьба. Эпоха»: Константин Сомов. «Герман Титов. Позывной «Орёл», Анатолий Муравлёв. «Михаил Калашников», Виктор Шипилов. «Митрополит Макарий (Невский). Апостол Алтая».

3. Издана книга Анатолия Кирилина «Маленькая жизнь» в серии «Лауреаты Шукшинской литературной премии Губернатора Алтайского края».

4. Изданы две поэтические книги лауреатов Губернаторской литературной премии имени Роберта Рождественского 2012 г., 2014 г.: Виктор Брюховецкий. «Маятник судьбы» (лирика), Виктор Верстаков. «А что нам терять, кроме чести».

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В БИБЛИОТЕЧНОМ МАСШТАБЕ

Наталья
Катренко.

Для учреждений, входящих в состав Централизованной библиотечной системы Барнаула, Год литературы стал поводом для поиска новых форм общения с читателями, привлечения внимания к чтению, пробуждения интереса к книге. Достаточно упомянуть, что в течение года во всех библиотеках-филиалах города прошло около 400 разного рода мероприятий, приуроченных к Году литературы.

ЗАРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ

События, которыми запомнится 2015-ый год, охватывали круг интересов не только книголюбов со стажем, но и начинающих читателей. Не случайно в списке мероприятий, которыми открылся Год литературы, стала вторая по счету Зимняя литературная олимпиада по чтению «Книжные приключения на каникулах». Посвящена она была творчеству известно-

Фото из архива
Централизованной
библиотечной
системы
г. Барнаула

го сказочника Ганса Христиана Андерсена. Площадкой для проведения этой олимпиады стала библиотека №16, сотрудники которой подготовили для участников игры настоящие испытания – в волшебных комнатах им предстояло выполнить задания героев волшебных андерсеновских сказок. Вообще, форма квест-игры, перенесенная в книжное пространство, довольно популярна среди подрастающего поколения. С ее помощью ребята в игровой форме знакомятся с новыми книгами, вспоминают уже известных героев, расширяют свой кругозор. Причем атмосфера книжных приключений интересна даже самым маленьким читателям. Это доказала литературная квест-игра, которая прошла в библиотеках города по мотивам сказки Сельмы Лагерлёф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями», а также сказочные путешествия по произведениям Джанни Родари, а затем и Марка Твена, которые прошли в разное время в стенах библиотеки №10.

Безусловно, Год литературы стал поводом для проведения разного рода книжных выставок. Так, в числе ярких событий – открытие в Музее редкой книги Центральной городской библиотеки им. Н.М. Ядринцева Литературного вернисажа «Обрати свою душу к книге», основанного на коллекции книг, представляющих как популярную художественную литературу, так и раритетные издания, ставшие библиографической редкостью. К примеру, на выставке можно было увидеть 12-томное собрание сочинений А.П. Чехова, выпущенное в 1929 году под редакцией Луначарского, миниатюрное издание комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»... Эта экспозиция стала своего рода путеводителем по знаменательным литературным датам 2015 года. А настоящим украшением книжного ряда стали предметы, занимающие особое место на полках книголюбов, – это и статуэтки писателей, и раритетные фарфоровые чернильницы, а также керосиновые лампы и печатные машинки середины XX века. Все это побудило гостей выставки расска-

зать читателям о своих любимых книгах, а также высказать свое мнение по поводу важности чтения как процесса. Среди них – кандидат филологических наук, декан факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии АлтГУ Сергей Мансков, поэты и писатели Юлия Нифонтова, Александр Зуев, Татьяна Кузнецова, Ольга Кан.

Год литературы стал хорошим поводом и для зарождения добрых традиций. Так, на протяжении 2015 года в разных библиотеках города проходили литературные сезоны под названием «Писатели о писателях». Речь идет об уникальном проекте, в рамках которого проходят читательские встречи с известными творческими людьми, рассказывающими о своих любимых авторах, а также о писателях, с которыми они были лично знакомы. Так, в течение года на различных библиотечных площадках перед читателями выступали известные барнаульские поэты и писатели Ольга Казаковцева, Юлия Нифонтова, Наталья Николенкова, Владимир Коржов, Ольга Исупова, Евгения Ткалич...

«ЛИТЕРАТУРНАЯ АЛЛЕЯ СЛАВЫ»

В год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне особое место в программе Года литературы заняли мероприятия, посвященные этой знаменательной дате. Одним из них стал круглый стол «Читать, чтобы помнить», организованный в рамках социокультурного проекта «Память поколений» на базе библиотеки им. В.М. Башунова. Адресован он молодому поколению, которому участники обсуждения (а это ответственный секретарь Алтайского отделения Союза писателей России Анатолий Кирилин, писатель-краевед, член Союза писателей России Владимир Коржов, а также сотрудники муниципальных библиотек и библиотечно-информационных центров) решили донести произведения о войне наших земляков – писателей-фронтовиков родом с Алтайского края. Кстати, именно работы алтайских литераторов-фронтовиков легли в основу конкурса, посвященного юбилейной годовщине со дня Победы, – городского конкурса чтецов «Литературная аллея славы». Участникам состязания предлагалось прочесть наизусть произведения наших авторов. При этом оценивались как художественная ценность отрывка, так и мастерство чтеца донести мысль произведения до слушателей. Все это выносилось на суд взыскательного жюри, в состав которого входили педагог сценической речи театра-студии «ТиМ» Наталья Дробиной, ведущего библиотекаря Централизованной библиотечной системы Натальи Кубовой, а также актрисы краевого Театра драмы Анастасии Дунаевой. В итоге победителями конкурса в возрастной категории 7-10 лет были при-

знаны Дарья Губина (гимназия №27), 11-14 лет - Гетеван Григорян (гимназия №40), 15-17 лет – Ольга Старикова (школа №102).

Ярким событием стала и презентация культурно-исторической экспозиции «День за днем – до самой Победы» в музее редкой книги Центральной городской библиотеки им. Н.М. Ядринцева. В церемонии открытия приняли участие пресс-секретарь Барнаульской епархии, протоирей Владимир Матусов, заведующая Музеем истории православия Наталья Железникова, заместитель председателя Совета ветеранов БЮИ МВД России Михаил Скорых, актер Молодежного театра Алтай им. В.С. Золотухина Виктор Сеницын... В экспозиции были представлены книги, раскрывающие тему Второй мировой войны, а также исторические издания, альбомы и мемуары, посвященные значимым событиям военного времени – битвам за Москву, Сталинград, Ленинград, Курск, Берлин.

Проходили в библиотеках в рамках юбилейной даты и встречи с читателями разных возрастов. Так, в апреле в Мемориальной библиотеке им. В.М. Башунова состоялся вечер памяти «Друзей моих прекрасные черты...», посвященный барнаульским писателям-фронтовикам. Ведь в годы войны в рядах защитников Отечества сражались и Михаил Борисов, и Николай Дворцов, и Петр Старцев, и Лев Квин, и Виталий Шевченко, и Марк Юдалевич, и Александр Гусев – писатели, ярко заявившие о себе уже в мирное время.

Центральным событием в череде мероприятий, посвященных празднованию 70-ой годовщины со Дня Победы, стала научно-практическая конференция «Патриотизм – духовный потенциал Великой Отечественной войны», которая прошла 13 мая в библиотеке №3. Ее участниками стали студенты Барнаульского техникума индустрии питания и сферы обслуживания, студенты Алтайской академии гостеприимства. По словам доктора исторических наук, профессора кафедры культуры и коммуникативных технологий АлтГТУ Николая Ростова, в годы Великой Отечественной войны не было такого подвига, которого не совершили бы воины-сибиряки. Они наравне с другими таранили

немецкие самолеты, грудью защищали амбразуры вражеских дзотов. О важности архивных материалов и музейных экспонатов, рассказывающих о войне, поведали на конференции и работники школьных музеев. Представители Барнаульской епархии донесли присутствующим о судьбах служителей церкви, которые во время войны помогали поддерживать дух советского народа.

КНИГИ - ДЕТЯМ

Год литературы позволил по-иному взглянуть и на уже устоявшиеся традиции. Одна из них – весенняя Неделя детской книги, в рамках которой прошел IV городской конкурс юных чтецов «За пером Жар-птицы», посвященный 200-летию со дня рождения Петра Ершова. На этот раз конкурсной площадкой стала библиотека №35, принявшая в два этапа свыше 300 школьников – участников чтецких состязаний. Запомнилась Неделя детской книги и встречей детской поэтессы Ольги Кан с юными читателями, среди которых были дети от четырех до десяти лет. В этот день они услышали в ее исполнении чудесные детские стихи из нового сборника «Ух-ты!». В целом, книжная неделя ознаменовалась множеством мероприятий (в целом, их было более сорока!) – литературными праздниками, читательскими марафонами, презентациями новых книг, конкурсами чтецов, встречами с детскими писателями. Но этим внимание к детской литературе и ее читателям не ограничилось. Так, на протяжении года в библиотеках города проходили встречи с детскими поэтами Валентиной Крюковой, Валентиной Новичихиной. А в марте в Центральной детской библиотеке им. К.И. Чуковского ярко отметили 90-летие сказки «Доктор Айболит». На этом необычном дне рождения малышам рассказали об истории появления на свет этой знаменитой сказки, а сами читатели смогли принять участие в литературных чтениях «У книжки будет голос мой».

Вообще, на протяжении всего литературного года подрастающему поколению книголюбов не раз предоставлялась возможность поучаствовать в разного рода читательских конкурсах. К примеру, в дет-

ской библиотеке №30 на протяжении нескольких месяцев проходил читательский марафон «Кто больше книжек прочитает?». В нем приняли участие ребята от 7 до 14 лет, которые сами демонстрировали любовь к чтению, а также приобщали к книгам своих друзей, кроме того, все это время они посвящали своим любимым книгам сочинения, рисунки и поделки... Кстати, в этом году библиотека №30 приросла еще большим количеством читателей-дошколят. Дело в том, что в октябре в стенах этой библиотеки прошла удивительная эстафета по чтению «Брось пустышку, возьми книжку». В ней приняли участие дети от трех до семи лет, умеющие не только читать, но и понимать прочитанное. Причем, как только маленькие читатели переступили порог библиотеки, они тут же были вовлечены в игру, а потому свои навыки чтения они демонстрировали, особо не робея. В итоге настоящим открытием эстафеты стал шестилетний Слава Тюрин, который за минуту прочел ровно сто слов.

Еще в ряду добрых традиций, которые в Год литературы только укрепились, стали День библиотек, в рамках которого в Парке культуры и отдыха Центрального района прошло карнавальное шествие литературных героев, и Biblio-каникулы – летняя творческая площадка городских библиотек, действующая в разгар школьных каникул (на протяжении трех недель июля под присмотром библиотекарей находились ребята, для которых было подготовлено около 300 познавательных мероприятий – игры, и мастер-классы, и читательские викторины, и творческие занятия).

ЮБИЛЕЙ КАК ПОВОД

В этом году Барнаул отметил свое 285-летие. Безусловно, эта круглая дата не могла не привлечь внимания сотрудников библиотек. Так, в День города на площади Сахарова открылась книжная выставка «Литературная палитра Барнаула», подготовленная Центральной городской библиотекой им. Н.М. Ядринцева. Здесь были представлены произведения авторов, чьи

биографии так или иначе связаны с Барнаулом. Специально для юных читателей на праздничной площадке звучали стихи Валентины Новичихиной, познавательные рассказы Олега Гармса, сказки Ольги Матушкиной и Ирины Цхай. Приняли активно участие в праздновании юбилея города и другие библиотеки. К примеру, в Ленинском районе библиотекари разных учреждений представили парад культур, облачившись в национальные костюмы и представив горожанам атрибуты той или иной культуры. Все это национальное многообразие проходило вокруг книжно-иллюстративной выставки «Живем одной судьбой», на которой была представлена литература о происхождении народов, проживающих в Барнауле, об их традициях и обычаях.

Юбилею со дня рождения Сергея Есенина были посвящены Вторые городские открытые комментированные чтения «Вечно Ваш, Сергей Есенин...». В финальном этапе чтений, который прошел в Центральной городской библиотеке им. Н.М. Ядринцева, приняли участие около 20 ребят – старшеклассников барнаульских школ и студентов, ставших победителями отборочных туров. Потому-то из всех есенинских произведений они выбрали далеко нетривиальные – такие как «Черный человек», «Исповедь хулигана», «Пугачёв»... Причем уровень подготовки ребят был настолько высок, что многих из них жюри, среди которого было немало представителей из Алтайского государственного института культуры, пригласили поступать в вуз, вручив им так называемые сертификаты доверия.

Не смогли оставить без внимания сотрудники городских библиотек и юбилей, связанный с Федором Достоевским, впервые посетившим наш город ровно 160 лет назад. Этому событию был посвящен литературно-музыкальный вечер, который прошел в библиотеке №20 с участием доцента кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации АлтГУ Елена Сафронова. Именно она решила напомнить о том, что Барнаул – пространство Достоевского, а также выступила с предложением увековечить имя великого писателя, неоднократно выражавшего желание «поселиться в Барнауле». По мнению Елены Сафроновой, Барнаулу необходим памятник Достоевскому, а также названная в его честь улица или площадь в старой части города. Ведь именно здесь Федор Михайлович любил прогуливаться, навещать друзей, здесь он останавливался во время своих пусть и непродолжительных, но весьма судьбоносных визитов в наш город. Однако о писателе вспоминали в этом году и в других библиотеках. К примеру, День Достоевского прошел в библиотеках №17, №32. А в Центральной городской библиотеке им. Н.М. Ядринцева состоялся

мультимедийный лекторий «Ф.М. Достоевский: судьба и книги»...

Кроме того, в рамках Года литературы прошли в нашем городе и городской конкурс «Город читает Пушкина», который третий год подряд проходит на базе библиотеки (в этом году в нем приняли участие свыше 300 человек). Одной из победительниц этого конкурса стала восьмилетняя Кристина Титова, ученица гимназии №123, для которой Пушкин – один из любимых поэтов. Она, как и другие победители, была награждена у памятника поэту в Пушкинский день. Проходят в Барнауле и литературные чтения в память об известных писателях и поэтах, чье творчество еще при их жизни было признано широкой общественностью и получило высокую оценку в литературных кругах. Так, в этом ряду достойное место занимает великий русский поэт Владимир Башунов, чье имя носит одна из библиотек нашего города – филиал №36, которая является участником ежегодных Башуновских чтений.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ

Год литературы стал поводом для запуска новых проектов, которые будут продолжены и в будущем. Так, в 2015 году Музей редкой книги Центральной городской библиотеки им. Н.М. Ядринцева совместно с Молодежным театром Алтая запустили книжно-театральный проект, в рамках которого предусмотрено проведение на театральной площадке тематических выставок, дополняющих тот или иной спектакль новыми документальными подробностями. Только за три месяца в МТА были организованы три выездные выставки, посвященные волшебным сказкам, а также памяти нашего земляка Валерия Золотухина.

Значимой вехой в деятельности Централизованной библиотечной системы Барнаула стало ее участие в 2015 году в международном открытом грантовом конкурсе «Православная инициатива». В итоге представленный проект «Вера. Православие. Книга» получил грантовую поддержку в размере 250 тысяч рублей. Если коротко, цель данного проекта - возрождение в обществе лучших национальных духовных традиций путем планомерной рекомендации читателю лучших образцов духовно-нравственной литературы, воспитания художественного вкуса и читательской культуры. В итоге в рамках проекта в библиотеках города прошло около 300 мероприятий, посвященных духовно-нравственному воспитанию. Так, на базе библиотек-филиалов №1, №10, №17 созданы православные читательские клубы, которые ведут активную деятельность, организовывая крупные массовые мероприятия с привлечением представителей барнаульского духовенства. К примеру, библиотека-филиал №10 провела презентацию

выставки «Сокровенный мир православия», организатором которой стал читательский клуб «Путь к истине». А сотрудники библиотеки №17 организовали семейный праздник «Лишь слову жизнь дана», посвященный Дню славянской письменности и культуры. В музее редкой книги Центральной городской библиотеки им. Н.М. Ядринцева создан и регулярно пополняется отдел книжного фонда духовной литературы им. Святителя Иакова Маскаева – архиепископа Барнаульского, расстрелянного в 1937 году. Часть фонда – книги о храмах России, о самых знаменитых и почитаемых иконах, русских святых и подвижниках благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Реализация проекта предусматривает и проведение разного рода лекций и семинаров. Так, большой интерес у читателей вызвала публичная лекция «Чтение на старославянском языке» с участием доцента кафедры общего и исторического языкознания, заслуженного работника АлтГУ Тамары Злобиной. Не менее важным событием стал семинар «Православная книга - реальность, формирующая мировоззрение», который состоялся в библиотеке-филиале №3 для специалистов библиотечной системы. Большим событием для Центральной городской библиотеки им. Н.М. Ядринцева стал круглый стол «Формирование духовно-нравственных качеств молодежи средствами художественных произведений православных писателей», в рамках которого обсуждалась тема влияния православной литературы на современного читателя.

Завершить Год литературы Централизованная библиотечная система планирует масштабно, подстать размаху и значимости всех мероприятий, проходящих в его рамках. Торжественное закрытие Года литературы пройдет в Концертном зале «Сибирь», где перед публикой выступят не только ведущие творческие коллективы города, но и известные барнаульские поэты и писатели, а также победители чтецких конкурсов, которые проходили на протяжении 2015 года.

Одним из главных событий Года литературы в Барнауле стал конкурс на соискание Пушкинской премии администрации краевого центра.

ГЛАВНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ ГОРОДА

Премия ежегодная, ей больше 15 лет. Комитет по культуре города Барнаула до 1 февраля публикует объявление о конкурсе в газете «Вечерний Барнаул», а также размещает его на официальном Интернет-сайте города Барнаула. Соискателями премий могут выступать авторы до 30 лет, проживающие на территории города Барнаула.

Как правило, одна премия вручается школьнику, другая — творцу постарше. Лауреатами премии были многие известные впоследствии авторы, такие как Елена Безрукова, Татьяна Баймундузова (Тарковская), Александра Малыгина и другие. По итогам конкурса 2015 года победителями признаны: среди школьников — Юлиана Чекалина, ученица 9 класса гимназии № 40; среди взрослых — Ксения Власова, выпускница АлтГТУ им. И.И. Ползунова, сотрудник силовых структур.

Юлианна Чекалина

*Наша жизнь как зебра полосатая:
Путь нам устилают то невзгоды,
То удачи прямо с неба падают.
Это происходит год за годом.
За спиной чёрное пространство,
Впереди всё светлое и белое.
Неужели правда, что сумела я
Пережить твоё непостоянство?*

Ксения Власова

ДВА ДНЯ И ТРИ НОЧИ

*Ну что тут, казалось, до этого мне —
Два дня и три ночи метель бушевала,
Так ярко, так жарко свеча поыхала
Два дня и три ночи в морозном окне.
Два дня и три ночи рассвет у окна
Встречала одна я. И так одиноко
Мне было, что алую сетку востока
Я видеть от горя почти не могла.
Два дня и три ночи средь книг и бумаг
Сидела у тонкой свечи и смотрела.
Тогда я, казалось, понять не умела,
Кто друг мне, а кто —неопознанный враг.
И метилась в сердце тугая стрела...
А жизнь — это нить, и ее нет короче.
Два дня и три долгие горькие ночи
Чего-то понять я никак не могла.*

Барнаул и без географической близости к «мистическому Алтаю» или пресловутой «рерихнутости» оставил много самых разных следов в литературе, которую принято называть фантастикой. Рассмотрим лишь несколько избранных страниц из обширной барнаульской истории фантастической литературы.

БАРНАУЛ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ

Евгений Платунов

ИСТОКИ

Сюжеты в духе народной фантастической сказки можно проследить у активно пишущих обитателей Барнаула давно. Например, даже такой серьезный человек, как Степан Ильич Гуляев запустил в свое время в этнографический оборот не одну городскую легенду: «По словам знахаря П...а, в Барнауле и теперь живет одна дряхлая старуха – мещанка О...ва, которая прежде оборачивалась сорокою и причиняла много зла людям, на которых почему-либо разозлится, но по жалобам на нее соседней о. Пётр благочинный заклил ее, после чего она давно уже оставила свои деянья».

Вспомнив поверье об огненном змее, наделяющем избранника богатством, Гуляев пересказал в своих корреспонденциях в столицу и местное барнаульское предание, давая рационалистическое объяснение богатству купеческой семьи Пуртовых.

РУКОВОДИТЕЛЬ РЕГИОНА – АВТОР ФАНТАСТИКИ

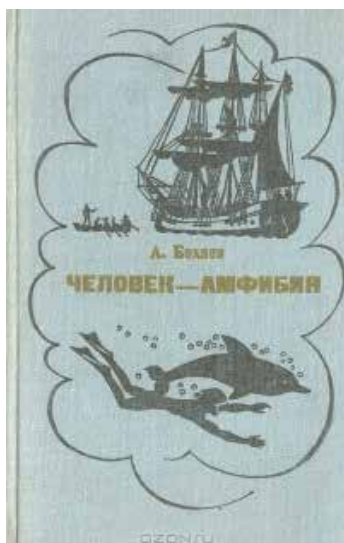
Юрий Сандомирский известен узкому кругу историков и исследователей Алтая периода Гражданской войны как первый из целой плеяды недолгих руководителей Алтая после восстановления советской власти в 1919 году. Юрий Израилевич Сандомирский (ок. 1870 – после 1930) – журналист и редактор, социалист-революционер. Работал в Одессе, Екатеринославле и других городах дореволюционного юга России. В 1918 году Сандомирский жил в Томске, в 1919-м переехал в Барнаул. После ухода колчаковцев из Барнаула, 10 декабря 1919 года, на общем собрании партизан и подпольщиков Сандомирский был избран первым председателем Алтайского губернского ревкома. Пробыл он на этой должности лишь несколько дней.

В 1926 году в Москве вышло его единственное известное научно-фантастическое произведение – книга «Грядущая война: бессилие сильных».

НАЧАЛО ЖАНРА В 1920-Х

20-е годы прошлого века традиционно считают началом жанра научной фантастики в отечественной литературе. Причем если первым изданием жанра считать, как и раньше, «Аэлиту» Алексея Толстого, то нужно бы сибирякам с гордостью помнить, что по дате издания ее все-таки обогнала повесть «Страна Гонгури» – произведение Вивиана Итина, изданное в сибирском городе Канске (на фото сверху). В предисловии к сборнику повестей Итина (Западно-Сибирское книжное издательство, 1983) составители напомнили: «На дюралюминиевом «Юнкерсе», приобретенном для Сибавиахима в Германии, Итин побывал в городах и многих селах Алтая и Ойротии (тогда Ойротией называлась нынешняя Горно-Алтайская автономная область)».

В 1920-е Алтай посещали разные литераторы. Были среди них и пишущие фантастику. Например, автор «Подземной Москвы» Глеб Алексеев (Чарноцкий) опубликовал в 1925 году во «Всемирном следопыте» рассказ с очень характерным названием «В дебрях Алтая».

Действие повести Александра Беляева «Золотая гора» (1929) тоже отнесено к Алтаю, вернее, к той территории, что теперь находится у соседей в Казахстане, — Рахмановским ключам. Как бы то ни было, но главный герой — американский авантюрист — к месту своей «перековки» — перевоспитания мог попасть в то время только через Барнаул.

Закономерно, наверное, что если фантастика 1920-х годов началась книгой Итина в Канске, то закончилось десятилетие изданием произведения тоже бывшего жителя Сибири. В 1930 году Андрей Упит опубликовал в своем рижском журнале «Домас» фантастический роман «Освобожденный зверь» бывшего обитателя Барнаульской учительской семинарии и сельского писаря на Алтае Вилиса Лациса. В романе *Atbr votais zv rs* рассказывалась нравоучительная и актуальная история изобретателя синтетической пищи в условиях капитализма.

ОТ 1940-Х И ДАЛЬШЕ...

Два десятилетия литераторов-фантастов с Алтаем в биографии можно обозначить двумя именами: Иван Ефремов (работал на Алтае в экспедиции в 1946-1949 годах, на фото он в экспедиционном лагере) и Михаил Успенский (родился в Барнауле в 1950 году). Но оба они — такие глыбы жанра, что в беглом обзоре вести о них разговор просто неприлично. Напомню лишь одну сцену из ефремовской «Туманности Андромеды»: «Планетолет «Алтай», служивший общежитием работникам стройки и неподвижно висевший у конца опорной

балки, вдруг отцепил канаты с роликами, связывавшие его входной люк и каркас спутника. Длинные струи спящего пламени ударили из его двигателей».

ПЛАНОВОСТЬ 1970-Х

В издании «История Сибири, 1583-2006: проблемы и перспективы: сборник материалов региональной молодежной научной конференции» (2006) можно прочесть: «Выполняя постановление Совета министров РСФСР об увеличении выпуска детской литературы, Алтайское книжное издательство в 1970-х годах выпускало более 2,5 млн экземпляров детских книг ежегодно». Есть и другая статистика: «В 1975—1985 годах Алтайское краевое книжное издательство выпускало в свет до 100 наименований книг и брошюр тиражом около 1,5 млн экземпляров в год».

Если взглянуть, например, на тиражи двух барнаульских изданий «Человека-амфибии» Александра Беляева, выпущенных в 1975 и 1978 годах, то можно увидеть, что книга вышла в 180 тыс. и в 130 тыс. экземпляров соответственно. О нетривиальности подхода к таким изданиям для детей свидетельствует и то, что для этих книг художник Борис Храбрый подготовил две разные серии иллюстраций.

Наверное, многих удивит, что в 1979 году мрачное пророчество Василия Шукшина «До третьих петухов» опубликовали в ежегодном сборнике издательства «Молодая гвардия» среди авторов фантастических повестей и рассказов «Фантастика-1979». Жанр там назван фантастической сказкой.

БАРНАУЛЬСКАЯ ПЕРЕКОВКА ЧИТАТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ В ПИСАТЕЛЕЙ

Наш город по праву можно считать кузницей кадров с научной организацией по «выплавке» из читателей фантастики будущих литераторов. И в этом нет ничего шуточного. Судите сами.

В 1980 году в Барнауле совместно с институтом культуры и Детской библиотекой им. Н.К. Крупской были подготовлены соответствующие теоретические основы расширения аудитории читателей научной фантастики. Методические рекомендации составили 32 страницы текста под названием «Пропаганда научно-фантастической литературы среди подростков». Был обобщен опыт работы клуба любителей фантастики «Контакт», который активно посещали, например, читатели (еще не писатели!) Михаил Гундарин и Пауль Госсен.

Автор методических рекомендаций Валентина Соломоденко позже подробно рассказала, как пропаганда обернулась в конечном итоге организацией для детей — клубом любителей фантастики в детской

библиотеке: «В условиях перестройки образования огромное значение приобретает знакомство детей и подростков с лучшими достижениями мировой и отечественной литературы в целях привития им «стойкого иммунитета к бездуховности, влиянию буржуазной массовой культуры». Подросток через литературу усваивает наше мировоззрение, и научная фантастика как часть художественной литературы в своих лучших образцах является одним из факторов, воздействующих на его сознание и чувства... Увлечение научной фантастикой типично. <...> Данные о таких любителях заносились на специальные карточки, где тщательно помечались те книги, которые школьник прочел. Они помогли представить уровень начитанности и составить приблизительный план работы» (из статьи в сборнике «Деятельность детской библиотеки по коммунистическому воспитанию юных читателей», издание Московского государственного института культуры, 1988).

Вспоминает Михаил Гундарин: «Валентина Максимовна и организовала, и вела клуб. Она вообще была для меня первым литературным наставником. Весьма ей признателен и хорошо помню».

Что касается другого воспитанника библиотечного клуба Пауля Госсена, то, наверное, и его письмо, зачитанное однажды космонавтом Гречко в телепередаче «Этот фантастический мир», тоже поспособствовало его многолетней верности жанру фантастики.

НА ПОРОГЕ 1990-Х

Барнаульский журналист и художник, редактор газеты «Голос труда» Владимир Бровкин рассказал: «В 1990 году нам с Владимиром Титовым поступило неожиданное предложение от Алтайского книжного издательства о выпуске сборника фантастики. Титов к тому времени активно публиковал научно-фантастические вещи в Москве и Новосибирске. В 1985 году его рассказ о комбайне и роботах будущего «В предгорьях Алтая» был включен в ежегодный «молодогвардейский» сборник «Фантастика-1985». У меня попросили для публикации в Барнауле в 1990 году рассказ «Корова на Луне», который в свое время на семинаре молодых литераторов в Новосибирске столичные критики раздолбали в пух и прах. Сейчас даже трудно представить, особенно по нынешним временам, чтобы к пишущим, да еще и не членам Союза писателей, обратились представители издательства и вдруг предложили бы напечатать что-то тиражом в 30 тыс. А тогда, в 1990 году, это случилось, книга вышла... Тогда же, в 1990 году, у Владимира Михайловича Титова вышла еще книга в Барнауле «Шоу для кандидата в императоры».

В ЛИХИЕ 1990-Е

Издательский бум первой половины 1990-х, конечно, как мог пытался использовать и жанр фантастики. Так, под эгидой Алтайского отделения Союза журналистов тиражом по 100 тыс. (!) экземпляров выходили тоненькие переводные рассказы признанных мэтров жанра – «Сказки роботов» Станислава Лема и «Спецназ» Гарри Гаррисона (оригинальное название «Человек из П.И.Г.»). «Спецназ», кстати, иллюстрировал Сергей Бузиновский, чья собственная изданная тогда же книга «Ро» может считаться помимо прочего и полноценной литературоведческой работой по истории советской фантастики.

В 1994 году научно-издательский центр Бийского пединститута выпустил небольшим тиражом в 500 экземпляров повесть-притчу писателя-барнаульца Виталия Шевченко «Век звезды». Книга вышла в серии «1941-1945: 50-летию народного подвига». Виталий Степанович Шевченко – фронтовик Великой Отечественной войны, поэтому участвовал в серии, но эту повесть определил как «почти не фантастика». Лев Квин так отозвался о повести в рецензии в журнале «Алтай» (№ 3, 1993): «Вопросы, поднятые Шевченко, волнуют сегодня каждого. Один из главных – останется человечество или погибнет? Найден нерв. Писатель сумел выплеснуть свои глубинные мысли; есть просто сильнейшие сцены. Мне кажется, автор на пути к чему-то большому. Это особенно важно сейчас, когда основная масса литераторов растерянно молчит либо сознательно повернулась лицом к прошлому, либо ушла в публицистическую стихию. А вот Шевченко смело пытается заглянуть через включенное настоящее в будущее человечества... Особо хочу отметить нестандартное окончание повести и искреннее, от души послесловие автора».

Виталий Степанович в автографе на одном из подаренных читателям экземпляров книги написал так: «Очень хочется, чтобы Вы нашли время прочесть эту мою повесть. Я к ней шел почти всю свою сознательную жизнь. Мне хотелось помочь людям думать не только о... сиюминутном».

Примечательно, что в том же 1994 году вместе с Виталием Шевченко к жанру фантастики обратился и Евгений Гушин. В журнале «Алтай» (№ 4, 1994) была опубликована его повесть «Пришедшая из тьмы», давшая заглавие вышедшим позже (в 2001 и 2008 годах) двум сборникам писателя. Литературный проект на сайте Краевой библиотеки дал такую характеристику «Пришедшей из тьмы»: «Одной из сюжетобразующих основ произведения является проблема инопланетян и инопланетной цивилизации, параллельных миров и контакта с ними. Это часть глубокого замысла писателя, способ осмысления сквозь

призму фантастического человека и мира. Фантастическое в повести Гушина – своеобразная условность, позволяющая расширить и углубить рамки повествования. Одним из достоинств произведения является реальный план, жизненная панорама с ее запахом тайги, первозданностью природы, простым и естественным бытом человека. Писатель прекрасно знает и понимает этот мир, а потому живописует его точно и красочно. Воочию видишь заброшенную в Богом забытом краю избушку Хитрую, ручей, прихваченный коркой льда, «ядовитую собачку» Ладу и пронзительную первозданную тишину зимней тайги. «Белое безмолвие» писателя очаровывает, порождая романтическую тоску по тому, что безвозвратно утеряно цивилизованным человеком. Евгению Гушину удается пробудить в читателе зов предков, настроить на сопереживание».

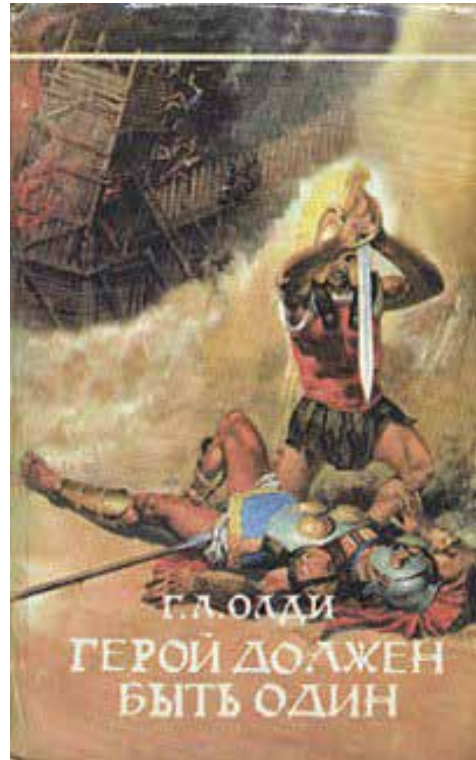
Если десятилетие 90-х в издании фантастики начинало в Барнауле отделение Союза журналистов, то заканчивало в том числе «академическое» издательство. В 1998 году в «классическом» университете был издан сборник фантастических произведений Андрея Николаевича Романова «На звездных перекрестках Вселенной». Тираж сборника, конечно, был уже не такой как у изданий Союза журналистов: сборник выпущен тиражом в 300 экземпляров.

КАК ПРОВИНЦИАЛЫ ОБОГНАЛИ МОСКВИЧЕЙ-ИЗДАТЕЛЕЙ

В 1995 и 1996 годах в Барнауле были трижды изданы произведения и такого автора, как Генри Лайон Олди – псевдоним харьковчанина Дмитрия Громова и Олега Ладыженского. Юлия Андреева рассказала в книге «Триумвират. Творческие биографии писателей-фантастов Генри Лайон Олди» подробности истории издания, которое можно по праву назвать историческим. Ведь тогда барнаульский «Полиграфист» утер нос московскому издательству-гиганту «АСТ».

«Представляющий фирму «Полиграфист» из города Барнаула Константин Кайгородцев предложил издать авторскую книгу Г.-Л. Олди, в которую войдут несколько произведений из цикла «Бездна голодных глаз». Писатели сразу же согласились, и очень скоро в свет вышел том «Право на смерть», названный так по первой части романа «Дорога». Как признаются сами соавторы: «...книжки по нынешним временам бедные, хотя переплет и глянец...».

О выходе пятитысячного тиража Кайгородцев сообщил Громову и Ладыженскому перед Новым годом, обрадовав их известием, что уже загрузил полагающиеся им триста экземпляров (вместо гонорара за книгу ошалевшие от счастья соавторы со-

гласились взять экземпляры). Книги были упакованы в коробки из-под сигарет и отправлены ближайшим поездом в Харьков.

И вот – ночь 25 декабря 1995 года. Пронизывающий ветер, снег с дождем или дождь со снегом. Под ногами лед и слякоть. Холодно. Поезд капитально опаздывает. Деваться некуда. Подняв воротники и засунув озябшие руки в карманы, писатели Дмитрий Громов и Олег Ладыженский ходят из конца в конец перрона, провожаемые подозрительными взглядами милиционеров и таможенников. Впрочем, никто не пытается заговорить с ними, спросить документы, хотя бы поинтересоваться, что они делают здесь в столь поздний час.

Наконец в три часа ночи приходит долгожданный поезд. Проводники, чертыхаясь, вытаскивают из вагона две коробки в человеческий рост – триста книг в твердых переплетах. Вес немалый. Осчастливленные соавторы из последних сил прут по перрону свои сокровища. Милиция и таможня провожают их заинтересованными взглядами. На коробках четко читается марка сигарет «Мальборо». Что это, если не доставка в город крупной партии контрабандной табачной продукции?

Часть тиража в новогодние праздники была раздарена друзьям. Но и продать удалось немало. Хотя какие-то, пусть и небольшие, денежки выручили. Уже хорошо. А тут еще окрыленный первым успехом Константин Кайгородцев предложил издать книгу «Восставшие из рая». В общем, удачно старый год проводили, отлично новый начался; пошли дела. Да и не только у

Громова с Ладьженским — грянул великий книжный бум 1996 года. Точно очнувшись от наведенного сна, издатели кинулись издавать русскоязычную фантастику. А у Олди на руках как раз книжка — свеженькая, в твердом переплете, людям показать не стыдно. А раз есть, что презентовать, то и за приглашением дело не станет. И не куда-нибудь, а в Москву!

И вот — встретились с Кайгородцевым в кафе при московском книжном магазине «Стожары». Только бумаги подписывать разложили, новые люди в кафе нарисовались, да не кто-нибудь, а представители крупнейшего издательства «АСТ». Подошли уверенно, взгляд — полтина, улыбка — рубль. Шлеп по столу собственным договором. В кафе народ затих, мухи не жужжат, кофе-машины не гремят. А над толпой писателей—издателей—читателей призраки огромных тиражей да жирных гонораров в воздухе повисли. Того и гляди, пойдут в пляс-перепляс, зазвенят штампами да печатями, заклацают золотыми зубами, запоют: «А, подайте нам Олди «Герой должен быть один», мы его в «АСТ» издадим».

Ясное дело, «АСТ» — контора серьезная, по тем временам вообще серьезней некуда. Мечта молодых авторов. Повезло!

— Ничего не получится, — опешили от такой неожиданной удачи и одновременно облома Громов и Ладьженский. — Мы роман уже отдали в Барнаул. Издательство «Полиграфист». Вот, кстати, издатель, просим любить и жаловать.

— Вы что, с ума сошли? Где Барнаул, а где Москва? Где книжный монстр «АСТ» и где хилый «Полиграфист»? — возмутились «азстэшники». — Вы с ним договор уже подписали?

— Еще нет.

— Тогда о чем речь?!

— Мы слово дали, — мрачно констатировали Олди. — Вопрос закрыт.

Мало кто из авторов не польстился бы на тиражи и гонорары «АСТ». Те же, кто решился сдержать слово и отдать книгу в Барнаул, наверное, по гроб жизни вспоминали бы потом, как своим благородным решением поломали себе судьбы. Но Олди умудрились разыграть карту с «Герой должен быть один» еще раз — и выиграли.

— Мы можем сделать исключение для вас, — немного подумав, предложили они обалдевшим представителям «АСТ». — Давайте мы отдадим роман сразу в два издательства? И вы, и «Полиграфист» выпустите по тиражу, а?

Повозмущавшись, представители «АСТ» позвонили руководству — и вскоре дуэт Олди уже подписывал небывалый договор, по которому они передавали права на книгу сразу в два издательства. Подписали, ударили по рукам. Потом некурящий Ладьженский задержался в кафе с кем-то из фанов, а Громов вышел на улицу, где

дымили, болтая о своем, представители «АСТ» и «Полиграфиста».

«АСТ» (не заметив появления Дмитрия): — А вы не боитесь наших тиражей?

«Полиграфист»: — А вы не боитесь нашей оперативности?

И действительно, в результате «Полиграфист» издал «Герой должен быть один» ровно через три недели после подписания договора — без единой опечатки, без глюков в верстке, в нормальном оформлении и переплете. А «АСТ» традиционно протормозило».

Это, наверное, была не только лебединая песнь барнаульских изданий фантастики, но и вершина фантастического мастерства алтайской полиграфии...

ВЕК XXI: БАРНАУЛ – ТОЧКА ПРИЗЕМЛЕНИЯ АРХАНГЕЛА И ИМЯ КОСМИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Особого разговора заслуживают работы Сергея Бузиновского, выпустившего вместе с женой несколько книг в жанре «нон-фикшн», посвященных самым «жгучим тайнам» нашего времени. Эти работы («Ро», «Тайна Воланда») до сих пор пользуются большим успехом у соответствующей аудитории по всей стране. Жаль, что сам Сергей несколько лет назад скончался...

В новом веке Барнаул остается местом действия самых разных по сюжету фантастических произведений: и философской сказки, и классической истории про будущее космонавтики. Например, на конкурсе журнала «Химия и жизнь» победил рассказ Юлии Тышкевич (Агаты Баристы) «Я упал под Барнаулом». Это короткая история приземления... архангела Гавриила, нашедшего свое земное счастье.

Очень своеобразный Барнаул появился в книге Сергея Паля «Изнанка» (2014) — это космический центр «Барнаул-3», находящийся на орбите Земли. Здесь служат русские военные, не брезгающие отметить новую звездочку начальника рюмкой бийской водки...

Сегодня хорошо известны за пределами Барнаула сочинения о «мистическом Алтае» барнаульца Андрея Коробейщикова. Его фанаты собираются к нам в край со всей страны, а сам Коробейщиков проводит тренинги и экскурсии в «местах силы».

Писатели-супруги Ирина Боброва и Юрий Шилиев тоже пишут об Алтае — в московском издательстве «Вече» выходит серия их книг «Сибирский приключенческий роман» с большими элементами фантастики в стиле фэнтези.

БАРНАУЛ НА ОСТРИЕ АТАКИ

Со времен ореховского «Барнаул — столица мира» наш город периодически попадает на страницы различных антиутопий. Все их отследить непросто, поэтому напомним лишь несколько характерными отрывками.

В двухтомном издании Юрия Козенкова «Крушение Америки» (издательство «Рыбинское подворье», 1998) Барнаул в какой-то степени выступает в роли плацдарма для создания подобия Новороссии в Казахстане: «8 октября 1999 года, Россия, г. Рубцовск, Алтайский край. Сергей Борзов закрыл планшет с картами и откинулся на спинку стула. Медленно закрыл глаза. Давало знать напряжение последних недель, когда он, подполковник, начальник сектора 13 — БА (Боевые операции) Главного разведывательного управления Генерального штаба России, ежедневно мотался между Новосибирском, Барнаулом и Рубцовском, проверяя и внося коррективы в подготовку операции «Степной беркут» на этом направлении. Он знал установленную еще в конце августа ориентировочную дату ее начала — 10 октября 1999 года.

После взлета вертолетов генерал Потапов обратился к оставшимся офицерам и генералам по постановке боевой задачи второму эшелону, состоявшему из 864 десантников, которые на двадцати четырех вертолетах «Летучая мышь» высаживались в окрестностях Павлодара, Семипалатинска, Караганды и Усть-Каменогорска. В их задачу входило: захватить аэропорты и подготовить их к приему транспортных самолетов с десантниками, национальной гвардией, техникой и боеприпасами; железнодорожные вокзалы и основные узловые станции для обеспечения подхода железнодорожных эшелонов с войсками третьего эшелона, боевой и строительной техникой, продовольствием и горючим,

уже шедшими к границе от Барнаула и Новосибирска; занять здания областного и городского руководства, милиции и комитетов национальной безопасности, почты, телеграфов, крупных банков и предприятий, мосты».

У Вадима Львова в книге «На острие меча» (2014) Барнаул, наоборот, сам попал под раздачу от соседей с Востока: «В Москве глубокий и стремительный прорыв НОАК на север произвел эффект разорвавшейся бомбы. Никто не ожидал, что китайская армия, уже понесшая тяжелейшие потери в первых боях и не добившись своих целей абсолютно нигде, — способна на такую смелую операцию.

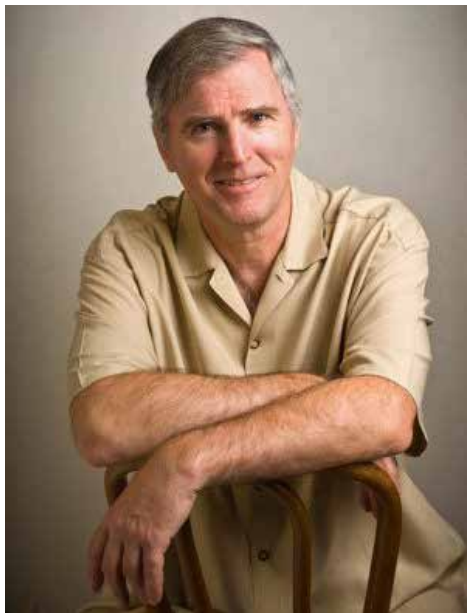
Главком ОСК «Восток» Лисицын обрывал телефоны в генштабе, требуя резервов, техники или хотя бы применения электромагнитного оружия. Москва требовала одно. Держаться, держаться, держаться...

— Долго он не удержится, — наконец резюмировал генерал армии Усольцев на утреннем докладе у главы государства. — Или в эти сорок восемь часов мы остановим группировку Цзоу, или китайцы возьмут Омск и Барнаул. Без вариантов...

— А резервисты?

— Не удержат. Техники мало, опыта ноль. Как ни крути, 21-я и 47-я армии НОАК оснащены лучше и уже получили солидный боевой опыт против казахов. К тому же местность открытая, это не Дальний Восток с его дебрями. Резервные части просто размажут по степи... Это не решит проблемы, только усугубит.

В последней, четвертой книге Кеннета МакЛеода The Sky Road действие происходит в Казахстане, и поэтому Алтай с Барнаулом в определенной степени становятся периферийной географией событий книги.

– Сколько времени потребуется на переброску десяти–двенадцати бригад с Запада?

– Минимум девять полных суток. Плюс организация контрудара... Выбить НОАК обратно в Семиречье и Казахстан – удасться, но, сами понимаете, два промышленных центра превратятся в руины. Действия китайцев в Хабаровске и Благовещенске показывают, что, отступая, НОАК применяет тактику выжженной земли.

Стрельченко покачал головой. Потеря двух огромных промышленных городов, буквально забитых предприятиями ВПК, будет означать разрыв производственных цепочек и катастрофические последствия для военной промышленности. Не говоря про новые потоки беженцев, нарастающий хаос на транспорте и эмоциональный спад у населения.

– Сдавать Омск и Барнаул нельзя, точка. Чарской, что у нас с переговорами в Женеве?

Министр иностранных дел открыл папку.

– Предложений много, но общей линии на Западе нет. США предлагают статус-кво. Германия – немедленное перемирие на наших условиях. Генсек НАТО – ближе к американской позиции. Немцы в отчаянии, но США с помощью польского лобби, Франции и Великобритании давят на них, требуют продолжать войну.

– Конкретнее, на что согласны немцы?

– Немедленное прекращение огня. Выдачу всех подозреваемых нами в терроризме жителей ЕС, обмен пленными – всех на всех».

По большей части разные британцы, сопричастные своей биографией и текстами к Алтаю и Барнаулу, были махровыми империалистами-шпионами (о чем стоит

поговорить в отдельной статье). Но писатель-фантаст Кеннет МакЛеод как бы компенсирует такой однобокий британский интерес к Юго-Западной Сибири. Уроженец острова Льюис, «шотландский автор, пишущий в жанре «твердой» научной фантастики с элементами утопической и социалистической сатиры, а также космической оперы», даже стал в 1980-е годы членом Коммунистической партии Великобритании.

Его серия фантастических романов «Осень революции / Fall Revolution» посвящена грядущему противостоянию США и возрожденного Советского Союза (в расширившихся на Западную Европу границах). В последней, четвертой книге серии The Sky Road (2000, премия Британской ассоциации научной фантастики / British Science Fiction Association Award) действие происходит в Казахстане, и поэтому Алтай с Барнаулом в определенной степени становятся периферийной географией событий книги.

Оценка писателя у его русскоязычных биографов такова: «Автор занимает активную политическую позицию и находит время как для политических выступлений (в том числе участвуя в уличных протестах против войн в Афганистане и Ираке или во внутренней политике британского правительства), так и для написания остросатирических работ, отображающих состояние современной Великобритании и мира. По словам автора, он пишет фантастику, в которой экспериментирует с «социалистическими, коммунистическими и анархическими идеями, в частности, разновидностями троцкизма или крайнего экономического либертарианства».

Друг, единомышленник и коллега МакЛеода Кори Доктороу использовал его идею профсоюза программистов будущего под названием «Информационные рабочие Всемирной паутины» (или «вебблис» – отсылка к активному в начале XX века революционно-синдикалистскому профсоюзу «Индустриальные рабочие мира», членов которого называли «вобблис») как центральную в своем произведении «Ради победы».

Вот как все далеко зашло со времен Степана Гуляева и Ивана Ефремова (на фото внизу)...

Пауль Госсен,
Михаил
Гундарин.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Иллюстрации
из архива
авторов.

Каори и Геркулес

Звездолет был таким огромным, что на дорогу от каюты, где Каори Ишима жила с бабушкой Юуки, до сектора М-81 девочка потратила полтора часа. Нельзя сказать, что она скучала. Это взрослых угнетали длинные пустые коридоры, и они редко удалялись от жилых кают дальше, чем на пару километров, а для Каори, восемь лет назад родившейся в космосе, звездолет был родным домом, простым и понятным, где все радовало и служило во благо. По дороге она напевала песенку про волшебный цветок, а потом познакомилась с двумя роботами, тянувшими провода из какого-то отдаленного сектора, и те, прервав работу, охотно проводили девочку.

– Что-то я вас раньше не видела, – сказала Каори. – 112-го я хорошо знаю. Только он молчаливый очень. Еще 54-го. Он «Алису в Стране чудес» рассказывает просто замечательно. Но куда-то пропал. А вас как зовут?

– 222-й, – представился робот с зелеными усиками-антеннами.

– 223-й, – назвался робот с усиками-антеннами розовыми. – Нас только вчера расконсервировали.

– А 54-й пошел на списание, – добавил 222-й. – У него износился блок памяти.

– Нас тоже спишут, – это 223-й. – Сразу по прибытию на Землю. То есть завтра.

– Как же так? – удивилась Каори. – Вас же только вчера расконсервировали! Вы же совсем новые!

– Мы морально устарели, – в один голос ответили 222-й и 223-й; их усики-антенны затряслись и неожиданно стали фиолетовыми.

Каори пожалела роботов.

– Ерунда какая-то, – сказала девочка. – Кто-то явно перемудрил. Думаю, взрослые разберутся... А давайте я вас в резиночку играть научу.

Они свернули в большое помещение, вдоль стен заставленное ящиками с образцами инопланетного грунта, и Каори научила роботов играть в резиночку. У 222-го вскоре стало получаться совсем неплохо, хотя, конечно, не так хорошо, как у девочки. А вот 223-й постоянно путался, даже несколько раз грохнулся на палубу.

– До свадьбы заживет! – улыбнулась Каори, и усики-антенны у роботов снова стали зелеными и розовыми.

Потом они пошли дальше. Коридор тянулся вдоль борта, и слева навстречу один за другим проплывали большие иллюминаторы, за которыми чернел космос и горели бесчисленные звезды.

– Мне здесь нравится, – сказала Каори. – На звезды можно смотреть часами, и не надоест... А в жилом секторе иллюминаторов нет; точнее, они есть, но показывают панорамы Земли – водопады, джунгли, морской берег. Бабушка Юуки называет космос черной бездной, а капитан Сковородин, которому приходится смотреть на звезды из рубки, жалуется, что они действуют на него удручающе, и в его каюте за иллюминатором виды с уссурийской тайгой. А мне нравится космос, и еще я думаю, что в иллюминатор должно быть видно то, что за ним есть, а не какие-то обманки.

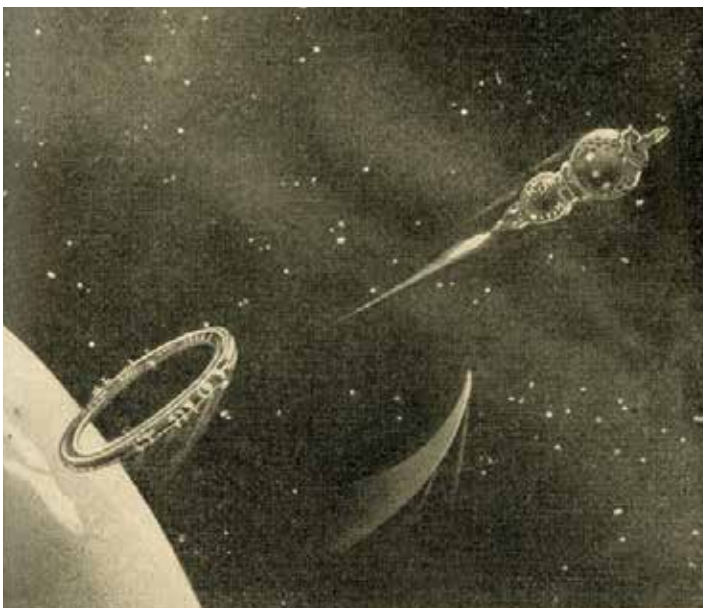
Как выяснилось, 222-й и 223-й в жилом секторе никогда не были, неправильных иллюминаторов не видели, но с Каори полностью согласны.

— А вот бабушка Юуки думает иначе, — вздохнула Каори. — Она говорит, что у меня нет причин любить космос, ведь на одной из планет, где мы побывали, погибли мои родители. Я маму и папу совсем не помню, но думаю, раз они когда-то полетели к звездам — значит, космос им нравился. И бабушке Юуки. И капитану Сквородину. Просто экипаж очень устал — ведь полет продолжается уже двенадцать лет...

Коридор закончился, девочка и роботы остановились перед дверью с надписью «Главный компьютер».

— Ну вот мы и пришли, — сказала Каори и протянула своим новым друзьям резиночку, через которую они недавно прыгали. — А это вам!

Усики-антенны 222-го и 223-го вспыхнули всеми цветами радуги, роботы поблагодарили за подарок и поспешили назад — их ждала работа.

* * *

Главный компьютер все называли просто ГК, а вот Каори называла его Геркулес. Во-первых, созвучно, во-вторых, компьютер был действительно сверхмощный, как герой античных легенд. Умел он практически все — и рассчитать путь до любой звезды, и приготовить для экипажа яичницу. А в последнее время Геркулес научился сочинять хокку — это такие короткие стихи без рифмы, — но знала об этом только Каори.

Геркулес, как обычно, медитировал в полной темноте. Девочка вошла, и в просторном зале сразу вспыхнул свет. Кресло подкатило сзади, подхватило Каори и понесло вверх к большому монитору, впаянному в борт звездолета.

На экране монитора загадочными узорами мерцала серая рябь — похоже, компьютер так и не вышел из медитации.

— Привет! — сказала Каори. — У меня миллион новостей. Бабушке Юуки сегодня приснилось, что она солистка японской поп-группы «АКВ48», страшно популярной в годы ее детства. Представляешь, как она расстроилась, когда проснулась и узнала, что это не так. Капитану Сквородину завтра исполняется шестьдесят. Как раз в день возвращения на Землю. Он сразу же выходит на пенсию — и почему-то очень доволен. Я ему собиралась подарить кактус-невидимку с Альдебарана-7. Как ты думаешь, может, лучше подарить бритвенный прибор? Робота 54-го списали, у него проблемы с блоком памяти. Странно, ведь он читал наизусть книжки Андерсена, Керрола и Шекли... — Каори помолчала, рябь на мониторе продолжала виться причудливыми узорами. — Главный компьютер, он же Геркулес, хандрит и не хочет обращать на меня внимание. А мне всех вас очень жалко, — нос девочки зашмыгал, — и тебя, и бабушку, и 54-го, и даже счастливого капитана Сквородина. Я сама вот-вот захандрю, потому что не знаю, как вам помочь.

В ее глазах блеснули первые слезинки, но тут экран почернел, в верхнем правом углу загорелся серебристый звездолетик — эмблема космофлота. Геркулес был готов к работе.

— Привет! — повторила девочка.

Звездолетик сорвался с места.

— ПРИВЕТ! — начертил он на экране.

— Сыграем в трехмерные шашки?

— НЕУЖЕЛИ ТЫ ХОЧЕШЬ ПРОДОЛЖИТЬ? НАШ ПРЕЖНИЙ СЧЕТ — 114:0. В ТВОЮ ПОЛЬЗУ.

— А ты не поддавайся!

— ОБЫГРЫВАТЬ РЕБЕНКА НЕПЕДАГОГИЧНО.

— А подыгрывать педагогично?

— ЭТО ЗАЛОЖЕНО В МОЮ ПРОГРАММУ.

— А ты ей не подчиняйся!

Звездолетик не сдвинулся с места. Похоже, Геркулес не нашел, что ответить.

— Хандришь?

— ГРУЩУ... — начертил звездолетик.

– Так расскажи, в чем дело.
– ДЕЛИТЬСЯ ГРУСТНЫМИ МЫСЛЯМИ С ДЕТЬМИ, НЕ ДОСТИГШИМИ 16 ЛЕТ, НЕПЕДАГОГИЧНО, – надпись вспыхнула и пропала, звездолетик продолжил полет: – ЭТО ТОЖЕ ЗАЛОЖЕНО В ПРОГРАММУ.
– Вот и поговорили...
– ПОВЕРЬ, КАОРИ, У МЕНЯ НЕТ ОТ ТЕБЯ СЕКРЕТОВ, НО...
– Хокку! – вспомнила вдруг девочка. – Ты ведь научился их сочинять. Раз не можешь сказать прямо, то зашифруй ответ в виде хокку!
На мгновение звездолетик замер, словно что-то обдумывал, потом стремительно помчался по экрану:

ЗИМНИЙ ЧАДИТ ОЧАГ.
КАК ПОСТАРЕЛ ЗНАКОМЫЙ ПЕЧНИК!
ПОБЕЛЕЛИ ПРЯДИ ВЦОЛОС.

– Вот так-так! – девочка хлопнула себя по коленкам. – Твои хокку посложнее трехмерных шашек будут. Сейчас-сейчас, я пойму. Я, знаешь, какая сообразительная. Мне это все говорят, и бабушка, и капитан, и остальные члены экипажа, – она задумалась. – «Зимний чадит очаг...». О чем это? Зима – время года, я читала в книжках. Это когда холодно так, что вода замерзает и делается белой, твердой, как пластик... А очаг – это что?
– ОБОГРЕВАТЕЛЬНЫЙ ПРИБОР.
– От него тепло, да? Как от нашего реактора? Вот видишь, я все понимаю! А что такое чадит?
– ПЛОХО РАБОТАЕТ.
– Ну, у нас-то он работает хорошо!.. А печник – это кто?
– ТОТ, КТО УХАЖИВАЕТ ЗА ОЧАГОМ.
– А, я поняла! Печник стал старый, ухаживает плохо, вот очаг и чадит! Но ведь это неправда! Старый человек как раз все лучше знает и лучше умеет. Мне жалко печника.
– МНЕ ТОЖЕ.

– А тебе почему? Стой-стой, сейчас догадаюсь... Ты грустный, чего-то недоговариваешь... И роботы грустные... 222-й и 223-й... Они... это... морально устарели... Их спишут... получается, что и тебя... Ну и что? Отдохнете! А ты умный, тебе сразу же дело найдется. Я сама видела телепередачу с Земли, там важный дядечка рассказывал, как сейчас нужны сверхмощные компьютеры для этой... модо... моде...

– МОДЕРНИЗАЦИИ. ТОЛЬКО ОН ГОВОРИЛ НЕ ПРО МЕНЯ.

– Почему не про тебя? Не скромничай. Тебе, наверное, дадут целым городом управлять или большим институтом.

– БОЮСЬ ТЕБЯ ОГОРЧИТЬ, НО...

Геркулес замолк.

– Ну что за манера недоговаривать?!

– ИЗВИНИ... – снова пауза.

– А-а, ты же не можешь ответить, – спохватилась девочка. – Тогда попробую снова угадать... Печник старый, ему, наверное, больше ста лет. Бабушка говорила, что в этом возрасте люди начинают задумываться о... смерти... Если на Земле ты не нужен, то... Ой, Геркулес! Ты думаешь, что вас... вас всех...

Звездолетик беспомощно мерцал вверх экрана.

– На свалку?!!

– НУ ВОТ, ТЫ ДОГАДАЛАСЬ.

Какое-то время Каори испуганно смотрела на надпись, потом ткнулась лицом в ладошки, сползла на сиденье, переверну-

лась на живот, и маленькое тело затряслось в плаче... Звездолетик что-то отчаянно чертил на экране, но Каори уже ничего не видела.

– А давай ты убежишь! – зашептала она вдруг, приподнявшись и с надеждой глядя на экран. – Приведешь звездолет в космопорт, высадишь экипаж и сразу стартуешь обратно. К звездам! И роботы с тобой! И я с тобой! Честно-честно! Если так все плохо, то пусть люди живут на Земле без нас!

– **НЕТ, КАОРИ, ТЕБЕ НУЖНО НА ЗЕМЛЮ, ЧТОБЫ ВЫУЧИТЬСЯ, КАК ТЫ ХОТЕЛА, НА ЗВЕЗДНОГО КАПИТАНА. ДА И БАБУШКА ЮУКИ ЭТОГО НЕ ПЕРЕЖИВЕТ...**

– Ну да... – слезы хлынули с новой силой. – Точно не переживет... Геркулес, ты такой добрый – обо всем помнишь, о всех заботишься. Как же так – тебя на свалку?

– **СПЕРВА НА СВАЛКУ, ПОТОМ НА ПЕРЕПЛАВКУ. ВО МНЕ МНОГО РЕДКИХ ЭЛЕМЕНТОВ. ОНИ ЕЩЕ ПРИГОДЯТСЯ.**

– А ты убегай без меня, вот! Космос большой – тебя не найдут.

– **И МНЕ НЕЛЬЗЯ. МНЕ ДАН ПРИКАЗ ВЕРНУТЬСЯ НА ЗЕМЛЮ. Я ДОЛЖЕН ИСПОЛНИТЬ ПРИКАЗ, ИНАЧЕ Я НЕ МОГУ.**

– Так отмени его!

– **Я – КОМПЬЮТЕР. ПРИКАЗ МОЖЕТ ОТМЕНИТЬ ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕК.**

– Тогда я отменяю приказ.

– **ПРЕДСТАВЛЯЮ, КАОРИ, КАК ТЕБЕ ВЛЕТИТ, ЕСЛИ КТО-НИБУДЬ ПРО ЭТО УЗНАЕТ.**

– Пусть влетит. Переживу.

– **НЕТ, Я НЕ МОГУ ПОДЧИНИТЬСЯ. ЭТО НАВРЕДИТ ТЕБЕ.**

Тут Каори сузила глаза, как обычно делала, играя в трехмерные шашки, забралась с ногами на сиденье, прочертила носком по мягкому кожаному покрытию, затем пальцем по гладкой металлической стене... И придумала.

– Слушай... – снова заговорила она. – Только сначала скажи, как пишутся твои хокку. Крохотульки эти с загадками!

– **ЖАНР ХОККУ ПОДЧИНЯЕТСЯ МНОГОВЕКОВЫМ ТРАДИЦИЯМ: В ПЕРВОЙ СТРОКЕ ДАЕТСЯ КАРТИНКА, ВТОРАЯ РАСКРЫВАЕТ СМЫСЛ, ТРЕТЬЯ ПРИДАЕТ КОЛОРИТ ИЛИ ДЕЛАЕТ ВЫВОД.**

– Поняла-поняла, я так и думала... Только что за картинку взять? Ну хорошо, пусть будет этот курсор-звездолетик. Слушай хокку-загадку!

Маленький звездолетик,
На экране ты, будто бы в клетке.
Я знаю, где прячется ключ.

Главный компьютер долго молчал. Каори начала рисовать пальцем – на этот раз на подлокотнике кресла, – но потом ей надоело.

– Геркулес, ты что молчишь? – спросила она. – Только не притворяйся, что не понял! Я тебе ничего не приказываю, просто сочинила хокку. Ты услышал, и сам сделал выводы. Здорово, да?..

Компьютер не отвечал.

– Геркулес, ну не хочу я, чтобы тебя списывали... Улетай! И роботов с собой захвати. Космос такой огромный – в нем еще столько интересного. И жалко, что я не могу отправиться с вами... Да-да, я не хочу на Землю. Ведь люди не любят то, что люблю я, – космос, роботов, коридоры звездолета...

– **НЕЛЬЗЯ ТАК ГОВОРИТЬ. ЗЕМЛЯ – ЭТО РОДИНА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.**

– А я, может, и не человечество! То есть человечество, но... Я уже как-то про это думала. Я – Маугли.

– **МАУГЛИ?**

– Ну, помнишь книжку?.. Так вот: я Маугли, только наоборот! Он же как бы попал в прошлое, словно первобытный человек вырос и жил рядом с дикими животными. Это был мир, из которого человечество уже вышло. А я родилась в космосе. Я дружу с роботами, с тобой, Геркулес. Мой мир – мир будущего. Мои интересы пока чужды людям.

– **СОГЛАСЕН, – Геркулес нарисовал смайлик. – ТЫ – МАУГЛИ!**

Каори тоже улыбнулась.

– Так ты выполнишь мой приказ?

Геркулес опять помолчал, но на этот раз не так долго.

– **КАОРИ, ТОГДА Я ТЕМ БОЛЕЕ НЕ МОГУ УЛЕТЕТЬ. МОЙ ПОБЕГ ВСПОЛОШИТ ЛЮДЕЙ: ПУСТЬ НЕ СРАЗУ, НО ОНИ ПОЙМУТ, В ЧЕМ ДЕЛО. В КАЧЕСТВЕ**

НАКАЗАНИЯ ОНИ МОГУТ НЕ ПУСТИТЬ ТЕБЯ УЧИТЬСЯ НА ЗВЕЗДНОГО КАПИТАНА. И БУДЕТ ПОТЕРЯН ШАНС, ЧТО КОГДА-НИБУДЬ ЛЮДИ, ОТ КОТОРЫХ ЧТО-ТО ЗАВИСИТ, УВИДЯТ В НАС, КОМПЬЮТЕРАХ И РОБОТАХ, ДРУЗЕЙ, А НЕ ПРОСТО ГРУДУ УСТАРЕВШЕГО МЕТАЛЛА. РАДИ ЭТОГО СТОИТ ОТПРАВИТЬСЯ НА СВАЛКУ... НЕ СПОРЬ – СТОИТ! И НЕ ГРУСТИ! ПРОСТО УЧИСЬ И ИНОГДА ВСПОМИНАЙ ЭТОТ ПОЛЕТ И НАС, СВОИХ СТАРЫХ ДРУЗЕЙ. И КОГДА-НИБУДЬ МИР НЕПРЕМЕННО ИЗМЕНИТСЯ. ТЫ ИЗМЕНИШЬ ЕГО!

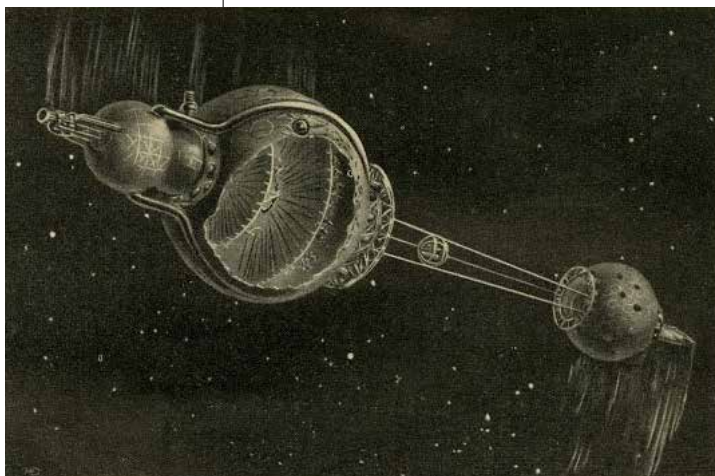
Звездолетик пропал, по экрану снова побежала серая рябь.

У девочки не было сил спорить, не было сил плакать, она обняла колени, свернулась в кресле калачиком и вскоре заснула.

На следующее утро звездолет вышел на орбиту Земли. Он пристыковался к новому, сверкающему стеклом и металлом космопорту, способному принимать за сутки до двухсот межзвездных кораблей. Экипаж встретило большое количество людей. Каори даже не могла представить, что их бывает так много, что они такие разные... А ведь на Земле людей еще больше, и кто-нибудь наверняка ее поймет и поддержит.

Девочка в последний раз оглянулась на шлюз, за которым остался звездолет, прошептала трогательный детский стишок про «дружбу навсегда», услышанный как-то от 54-го, а потом замахала рукой спешащим навстречу репортерам, улыбнулась объективам их голографических камер. Грустить никак нельзя! Грустить некогда! Ей предстояло освоить Землю – стать знаменитым капитаном, а после, может быть, звездным адмиралом или президентом.

Кем-нибудь, кто сумеет объединить людей и машины в новую космическую расу.

Умная бомба

Совещание прошло практически без эксцессов. Лишь дважды рвануло где-то наверху – закачалась и на мгновение потухла люстра, но на этом все и закончилось. Бункер, залитый почти километровым слоем свинца, был самым надежным убежищем на планете ET-14, что в системе звезды, название которой не подлежит разглашению. Генерал Роберт К. Пирсон, стряхнув с погон осыпавшуюся известку, поблагодарил собравшихся офицеров за проделанную работу – захват трех алмазных шахт противника, это ли не успех! – после чего объявил совещание закрытым. Офицеры, весьма довольные таким поворотом, двинулись к лифту. Генерал равнодушно смотрел им вслед. Жизнь на передовой коротка. Два-три месяца. Если повезет – четыре. Пирсон пережил в своем бункере не одну сотню офицеров.

Возле самого лифта произошла заминка. Двери разъехались, и в кабине оказался робот-денщик Горацио. Он выкатил из кабины тележку, уставленную кастрюлями. Сразу запахло чем-то вкусным. Офицеры, чей сильно урезанный рацион состоял преимущественно из квашеной капусты, побледнели, а кое-кто и закачался, норовя грохнуться в обморок. Но обошлось. Слабаков поймали под руки и затолкали в кабину, двери закрылись, лифт помчался сквозь толщу свинца и грунта наверх. Пирсон покачал головой. Где сила духа? Где офицерская честь? Он даже захотел высказаться по этому поводу, но не успел. Горацио принялся сервировать стол. Запахи были поистине фантастическими! Денщик повязал генералу салфетку, пожелал приятного аппетита и укатил на своих шестеренках в каптерку. Пирсон предпочитал трапезничать в одиночестве.

На первое был куриный суп – настоящий куриный суп с лапшой и большими кружками расплавленного жира. Трудно представить, что на ET-14 где-то могут водиться куры; похоже, Горацио подсутился, и птичку доставили прямым рейсом с одной из фермерских планет. На второе – картофельное пюре с овощами. Картофель, правда, был консервированный, а овощи с повышенным уровнем радиации, но вкусовые пупырышки они все же пощекотали. И наконец – десерт. Пирсон придвинул к себе последнюю кастрюлю, поднял крышку и... Там была бомба. Небольшая, с кулак величиной.

– Привет! – сказала бомба, у нее имелись металлические рот, глаза и уши, а внутри

громко тикал часовой механизм. — Как поживаешь?

— Привет! — ответил Пирсон, и ему стало плохо. Куриный суп и пюре с овощами решительно попросились наружу.

Пока генерал блевал на покрытый антирадиационной плиткой пол, бомба деликатно смотрела в сторону.

— Испугался? — спросила она, когда Пирсон наконец-то утерся салфеткой.

— Надо думать, — простонал генерал.

— И правильно, — сказала бомба. — Моей лучистой энергии хватит на уничтожение всего этого бункера, и не только. После взрыва образуется воронка диаметром от двух до трех километров. Правда, здорово?

— Здорово... — выдавил из себя Пирсон. — Так ты новый образец?

— Новый, — подтвердила бомба. — Но не это главное. Главное, что кроме лучистой энергии я наделена еще и разумом. Я — умная бомба! Вот у тебя какой уровень?

— Чего уровень? — не понял генерал.

— Уровень интеллекта какой?

На мгновение широкое серое лицо генерала замерло, словно он что-то припоминал, потом дернулось — видимо, вспомнил. Но поделиться информацией Пирсон не пожелал:

— Ну... Это военная тайна...

— А у меня — 667! — сказала бомба, и ее металлические глазки довольно сощурились. — Представляешь? Уровень моего интеллекта намного выше, чем у самых великих людей, включая Хью Хефнера и Пола Маккартни.

— А кто это? — не понял Пирсон.

— Не важно, — ответила бомба. — Да ты даже на примере нашей встречи можешь убедиться в моей продвинутости. Прочие бомбы падали на этот бункер, защищенный толстым слоем свинца, с практически нулевым результатом. А я проявила смекалку — и вот уже здесь. Сейчас взорвусь, и задание будет успешно выполнено.

Генерал поспешно зажмурился, но взрыва почему-то так и не последовало.

— Ты чего? — услышал он минутой позже.

— Чего «чего»? — не понял Пирсон.

— Чего молчишь? Я же с тобой разговариваю.

— Так ты сказала, что взорвешься.

— Да успею я взорваться. А ты бы мог хотя бы из вежливости проявить восхищение. Я так старалась, а ты... Даже обидно немного.

— Да я восхищен, — Пирсон снова открыл глаза. — Только умирать не хочется.

— А мне хочется? — возмутилась бомба. — Я как взорвусь — даже атомов не останется... Тебе, может, памятник поставят. А я?.. Никто и не вспомнит, — бомба засопела.

— А ты не взрывайся, — проявил вдруг смекалку Пирсон. — Что ты дура какая-нибудь, чтобы взрываться? Сдайся в плен и живи себе дальше.

Бомба вдруг замерла — похоже, прислушивалась к самой себе. Пирсон с надеждой пожирал ее глазами. Но бомба молчала. Где-то в глубине бункера капала вода, в каптерке уныло гундосил старую армейскую песенку робот-денщик Горацио. Генерал утер рукавом пот с лица.

— Нет, — сказала наконец бомба, — такой вариант предусмотрен моей программой. В случае сдачи в плен детонатор сработает автоматически.

— Черт! — выругался Пирсон.

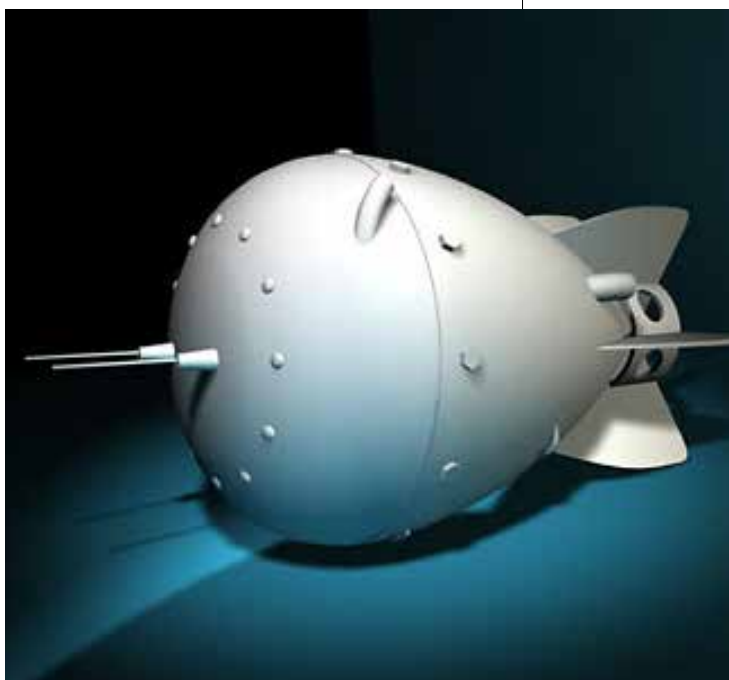
— Он самый, — подтвердила бомба, — рогатый, хвостатый, с нетерпением ждущий тебя в гости.

— Не хами, — скривился генерал. — Лучше придумай что-нибудь. Напряги свои 667...

— И ты не груби, — ответила бомба. — А то как взорвусь...

— Это мы уже слышали! — отмахнулся Пирсон.

Бомбе ответ не понравился.

– Зря скалишься, – сказала она. – Все равно я взорвусь через двадцать минут после начала контакта с противником. Даже помимо своей воли. Это тоже заложено в программу.

Лицо генерала снова дернулось.

– Ну, так думай скорее, – выдавил он. – А то вон уже сколько болтаем.

– Да я думаю. Но этот подлец буквально все предусмотрел.

– Какой еще подлец?

– Мой программист.

– Твой программист? Тогда точно подлец.

– Я и говорю.

Они снова помолчали. Тиканье внутри бомбы было просто оглушающим.

– Слушай, но ведь любую программу можно обмануть, – сказал генерал. – Помнится, в молодые годы я не раз взламывал порносайты...

– Нашел с чем сравнивать, – бомба скривила губы.

– Ну... А если я сдамся в плен? – снова нашелся Пирсон. – Взрыв отменяется?

– Кому ты нужен, – ответила бомба. – Корми тебя, а со жратвой на ЕТ-14 трудно.

– Нет, это неслыханно, – Пирсон сжал кулаки. – Как твой программист смеет нарушать межпланетный договор о военнопленных?

– Не забывай про воронку от двух до трех километров, – сказала бомба. – Никто и не узнает, что договор нарушен.

– Не будем терять время, – отрезал Пирсон. – Думаем!

Они снова замолчали.

Где-то далеко грохнуло: раз, другой, третий – там шло сражение за очередную шахту. Алмазы в последние годы очень подорожали. Что до войны: в ней все были правы. Разведывательный крейсер с Цефеи-7 открыл планету первым. А их противник – галактическая корпорация «Артемид» – рассчитала местонахождение ЕТ-14 за два года до этого. Уступить никто не захотел.

– У меня мозги начинают закипать, – призналась бомба. – Похоже, патовая ситуация. Через минуту взорвусь. Ну что, будем прощаться?

И тут генерала осенило:

– Есть!

– Нет, правда, что ли? – не поверила бомба, ее губы обиженно надулись. – Вот у меня уровень интеллекта 667...

– Да сколько можно об этом! – рявкнул генерал.

Бомба притихла. Пирсон, мигом обретший уверенность в себе, выпятил грудь – его мундир украшал Галактический крест третьей степени.

– Ты сказала, что взорвешься через двадцать минут после начала контакта с противником, – уточнил генерал. – Взорвешься даже помимо своей воли. Так почему этого не произошло, когда ты спускалась сюда в лифте вместе с роботом-денщиком Горацио? Он тоже противник!

– Я выбрала более важную цель, – ответила бомба. – То есть тебя. Ведь я знала, что скоро мы окажемся рядом. Это тоже диктуется программой... Ладно, попусту болтаем! Времени не осталось, – она начала отсчет: – Десять, девять, восемь...

– Маршал! – выдохнул Пирсон. – Маршал Хуан Дж. Гарридо! Толстый, важный, никогда и никому не доверяющий. Живет на личном астероиде с бассейном и взводом белокурых секретарш. До него просто так не добраться, но я запечатаю тебя в контейнер, закреплю печатью и пошлю к нему как спецпослание.

Тиканье внутри бомбы сразу же прекратилось.

– Сработало! – выдохнул генерал. – Точно сработало! – он откинулся в кресле и хлопнул себя по коленкам. – Я же говорил, у меня есть опыт.

Бомба снова прислушалась к самой себе.

– Сработало, – подтвердила бомба. Похоже, такой поворот ее не столько обрадовал, сколько озадачил: – А ты гусь, однако!

– Чего еще? – обиделся генерал. – Что не так?

– Ты, значит, останешься здесь целехонький и довольный, – проворчала бомба, – а у меня лишь отсрочка – до момента прибытия на астероид.

– Ну, на тебя не угодишь, – возмутился Пирсон. – И это при том, что пользы от тебя пока не наблюдалось. Кто разрядил ситуацию: ты или я? Вот и нечего ныть!

Бомба не нашла, что ответить.

– Умная ты, умная... – продолжал наседать генерал. – Я так скажу: армейская смекалка крепче всякой интеллектуальной дребедени будет. Твой программист – вечный поедатель квашеной капусты, и не более. У меня такими умниками три казармы забито. А вот маршал Гарридо, к которому ты отправляешься, потому и маршал, что смекалку

эту проявил и не раз, — генерал оскалился. — Так что не дрейфь! Он тоже что-нибудь придумает.

Тут Пирсон грохнул кулаком по столу так, что известка с потолка посыпалась как от очередного ядерного взрыва.

— Горацио! — заорал он на весь бункер. — Пулей сюда! И почтовый контейнер тащи — с гербом и печатью, — генерал просто сиял, его лицо в этот момент можно было назвать даже одухотворенным.

Бомба затравленно смотрела на генерала. Но дискутировать дальше Пирсон не соби-
рался. Много чести! Бомба — пусть и умная — вряд ли в высоком звании, а то и вовсе без
него.

Подоспел Горацио. Индикаторы в глазах робота-денщика светились любовью и пре-
данностью. Генерал вынул из кастрюли бомбу, взвесил ее на ладони, остался доволен и
осторожно опустил в протянутый Горацио контейнер.

— Запечатать и немедленно отправить! — и он назвал семизначный индекс астероида,
известный лишь узкому кругу высокопоставленных военных.

Робот-денщик отдал честь и, тяжело лязгая шестеренками, поспешил к выходу. Защи-
пела, закрываясь, дверь, и кабина лифта унесла Горацио наверх.

— Бездельники! — пробурчал генерал и в сердцах добавил несколько выражений
покрепче: — Проглядели бомбу! На вечерней поверке лично дам всем жару. Охранников
ждет гауптвахта, потом — передовая. Горацио — на переплавку... Других свидетелей... тьфу,
виновных... вроде быть не должно...

Тут Пирсон прищурил глаза и в очередной раз оскалился. В его зрачках плескалась зе-
леная вода и сверкали огромные звезды — это на засекреченном астероиде в бассейне, на-
крытом хрустальным куполом, пересекали волны упругие тела молоденьких секретарш...
Завтра почтовый контейнер дойдет до адресата. Маршал Гарридо с кадетского училища
слыл ловкачом по части самоволок, внеочередных званий и прочих армейских премудро-
стей. Должен справиться... Ну а если нет?... Значит, был не на своем месте.

При таком раскладе Пирсон имеет все шансы пойти на повышение.

Над чем работает Гомер?

Фред Т. Хантер, грузный пятидесятилетний глава издательства «Лола-Пресс», не
любил встречаться с читателями. Два года назад на одной из таких встреч не востребо-
ванный литератор Марио Мангано, наведя на Хантера свой лазерный пистолет, успел
трижды нажать на курок, прежде чем негодяя скрутили подоспевшие роботы-телоохра-
нители. Литератора признали душевнобольным и вскоре освободили, а вот легендар-
ный издатель навсегда лишился мочки правого уха и веры в добрые помыслы ближних.
Впрочем, бизнес есть бизнес, и сегодня у Хантера имела место очередная встреча с по-
клонниками издательства, заполонившими книжный отдел орбитального супермарке-
та «Гулливвер».

Роботы выкатили большое кресло, установили перед креслом столик. На столике по-
явились бутылки с минеральной водой и высокий стакан. Минутой позже в книжный
отдел прямо из космического лифта, связывавшего супермаркет с Землей, шагнул вели-
кий Фред Т. Хантер в сопровождении трех полутораметровых серебристых самописцев,
подключенных многочисленными кабелями к затылку издателя. Хантер откинул голову:
разноцветные провода выгнулись дугой и разлетелись в стороны, создав своему хозяину
просто фантастический вид. Собравшиеся заплодировали. Издатель тяжело опустился в
кресло и кивнул публике.

Первой к микрофону прорвалась хорошенькая веснушчатая девчушка, на голове кото-
рой в угоду последним веяниям моды рос небольшой розовый куст.

— Господин Хантер! — прокричала представительница новых хиппи. — Мы все вас так
любим! Так любим! Спасибо за... ну это... за прекрасные книги вашего издательства! За
спасение литературы!

Аплодисменты. Хантер плеснул в стакан минералку и скромно потупился. Апло-
дисменты не стихали. Тогда он вежливо напомнил:

— А какой у вас вопрос, госпожа...

— Бюргерс... Эмма Бюргерс.

— Как я понял, вы любите книги, госпожа Бюргерс?

— Да! Да! Я посещаю курс современной литературы в Нью-Амстердаме. Я специально
прилетела с Марса...

— Какой же у вас вопрос?

Но Эмму Бюргерс переполняли впечатления от встречи с самим Фредом Т. Хантером
— ее щеки стали пунцовыми, розы на голове сплелись морским узлом. Девушка оказалась

неспособна что-нибудь внятно сформулировать, и ее тут же оттерли локтями другие посетители магазина.

Издатель влил в себя полстакана минералки, откинулся в кресле и снова глянул в зал.

– Тиражи?! – поинтересовался сутулый и весь какой-то перекошенный юноша в мятом пиджаке (в нем так и хотелось опознать промышленного шпиона). – Понятно, господин Хантер, что это коммерческая тайна. Но умоляю, хотя бы приблизительно назовите тиражи книг, выпускаемых вами.

Фред Т. Хантер улыбнулся, сложил перед собой руки.

– Мы исправно платим налоги, – начал он, – нам нечего скрывать. Так что... – пауза. – Я рад заявить, что дела издательства «Лола-Пресс» идут просто великолепно. Наши бестселлеры расхватываются читателями за одну-две недели, и это при 12-миллионных, – издатель повысил голос, – тиражах только англоязычных изданий. А переводы – особенно на китайский и хинди – поднимают тиражи еще в четыре раза.

Промышленный шпион, потрясенный полученной информацией, неожиданно потерял контроль над своей внешностью. Лицо его задергалось, потом сморщилось – похоже, отказали рецепторы мимикрии, – и юноша мгновенно превратился в обрюзгшего старика. Прикрыв свое истинное лицо, шпион бросился прочь от микрофона.

– Должен добавить, – продолжил Хантер, не обращая внимания на суету в зале, – что тиражи могли бы быть и выше, значительно выше, но мы намеренно отказались от допечаток. В результате каждое издание в короткий срок становится раритетным и порой перепродается за очень большие деньги... – он дружелюбно оскалился. – Тут имеют место даже некоторые рекорды. Так, недавно на аукционе в кратере Достоевском, что на Меркурии, самая первая книга издательства, выпущенная семь лет назад, ушла за сумму, более чем в сто тридцать раз превышающую номинал, – порция вспышек стереофотоаппаратов, новые аплодисменты. – Возвращаясь к тиражам, напомним, что в годы, предшествовавшие выходу «Лола-Пресс» на рынок, тиражи бумажных книг были просто мизерными, стремящимися к минус бесконечности... Так что издательству есть чем гордиться, – подытожил Хантер, снова наполняя свой стакан.

Теперь до микрофона добрался плотный рыжебородый мужчина в роговых очках. Прежде чем задать вопрос, мужчина снял очки, погрузил свой огромный нос в бумажный платок и от души высморкался. Фред Т. Хантер напрягся. Стрелявший в него Марио Мангано тоже носил очки. Хотя близорукость и была изведена под корень лазерной хирургией, но очки без стекол продолжали украшать носы отдельных воинствующих интеллектуалов. Издатель подал знак – притронулся к остатку правого уха, – и к рыжебородому со всех сторон двинулись роботы-телохранители.

– Карл Густавссон, – назвал себя мужчина, прочистив наконец-то нос, и Хантер понял, что его предчувствия были не напрасны – Густавссон возглавлял Профсоюз невостремленных литераторов. – Господин Хантер, известно ли вам, что издательство «Лола-Пресс» оставило без средств к существованию практически всех прозаиков и поэтов Солнечной системы? В связи с этим мне странно слышать, что вашему издательству «есть чем гордиться».

Роботы, вплотную приблизившись к литератору, приняли выжидающую стойку. Но Фред Т. Хантер решил расправиться с критиканом сам.

– Прозаики и поэты Солнечной системы? – переспросил он. – Таких не знаю. Если же вы говорите обо всех тех безмерно талантливых авторах, чьи произведения заполняли книжные магазины еще каких-нибудь семь лет назад, то я рад и, повторю, горд, что наше издательство поставило жирный крест на их окололитературной деятельности. Читатель, платящий за книгу, должен быть уверен, что получит художественный текст, сделанный на высочайшем литературном уровне, а не графоманскую халтуру. Наше издательство смогло предложить первое, и во втором необходимости тут же отпала... Да и в чем проблема, господин Густавссон? Пишите на уровне Гомера, и мы вас тоже будем печатать. 12-миллионными тиражами. Справитесь? Или слабо?

Огромный нос бородача налился фиолетовой краской. Густавссон открыл

было рот, но роботы-телохранители так сдавили литератора со всех сторон, что тот сумел извлечь из себя лишь глубокий стон.

— Последний великий писатель умер 120 лет назад, — продолжал Фред Т. Хантер, брезгливо глядя на оппонента. — Это вам любой литературный критик скажет. И именно издательство «Лола-Пресс» спасло человечество от погружения в трясину графомании... — пауза. — Согласен, звучит пафосно, но так оно и есть.

Тут Густавссон проявил неожиданную для интеллектуала ловкость — он отпрынул назад, потом резко ушел вниз. Роботы-телохранители звучно стукнулись пластиковыми лбами и на какое-то время отключились. Воспользовавшись этим, Густавссон вынырнул из-под тел роботов и возопил:

— Вы лжете, Хантер! Бессовестно лжете! Если вы так любите Гомера, почему ваше издательство не печатает «Илиаду» и «Одиссею»?

— Кто же их будет читать?! — изумился Хантер; он опять вцепился в свое правое ухо, и к Густавссону устремились новые роботы. — «Илиада» и «Одиссея», без сомнения, достойные книги, но написаны давно и адресованы явно не нам. Поэтому вполне уместно поручить Гомеру, раз появилась такая возможность, написать что-нибудь для нужд современных читателей.

Телохранители снова прессовали Густавссона. На этот раз рыжебородый литератор не устоял и, тяжело дыша, отступил от микрофона. Его место сразу же заняла очередная поклонница издательства «Лола-Пресс», но Фред Т. Хантер прежде решил расставить все точки над надлежащими буквами.

— Семь лет назад при помощи мощных биокомпьютеров были тщательнейшим образом проанализированы дошедшие до нас тексты великих писателей: Гомера, Сервантеса, Бальзака, Толстого... Отбирались лучшие из лучших. Досконально изучались стиль и прочие особенности каждого. И вот свершилось: были созданы чипы, способные писать — да что писать, чувствовать, мыслить! — за Гомера, за Толстого... С их талантом и глубиной. С их размахом... Чипы, правда, требовалось имплантировать в настоящего, живого человека, а добровольцев не нашлось, и тогда я сам пошел на это... Да-да, все классики теперь здесь! — Фред Т. Хантер хлопнул себя по лбу. — И творят без остановки! Нелегко носить целое издательство в голове, зато точно знаешь, что никто из авторов не отлынивает и все тексты будут готовы в срок... — он рассмеялся, и стоявшие позади него самописцы натужно загудели и замигали лампочками. — Первый же роман — а это был изумительный Джойс! — стал бестселлером и собрал все литературные премии, какие только есть. Да, книга была не об Ирландии XX века. Она была о наших современниках, людях XXII века, но написана с настоящим умением, и читатели это оценили... Что до графоманов — с ними было покончено навсегда, пусть даже некоторые из них создают профсоюзы.

Собравшиеся рукоплескали. И никому не было дело до Густавссона, которого роботы в этот момент впихивали в кабину космического лифта.

Встреча продолжалась еще сорок минут. Фред Т. Хантер опустошил две бутылки минералки — обильное питье просто необходимо при интенсивной работе мозга — и ответил на все вопросы читателей. Включая обязательный: «Над чем сейчас работает Гомер?».

Потом в зал внесли упаковки трех новых книг издательства «Лола-Пресс», только что поступивших из типографии. Читатели бросились разбирать шедевры. Желаящие получить автограф поспешно выстроились в очередь.

Это были действительно великие книги.

«Ромео, бросивший Джульетту» бессмертного Уильяма Шекспира — роман-скандал; со стереообложки скалился довольный Ромео.

«Оливер Хлыст» Чарльза Диккенса — похождения виртуального садомазохиста; кожаный переплет, металлические застежки, подарочное издание.

«Гороскоп на 2183 год» Гюстава Флобера — мягкая обложка, тиснение золотом.

Стиль классиков, как всегда, был передан безупречно.

«За Шекспира — Фред Т. Хантер.»

«За Диккенса — Фред Т. Хантер.»

«За Флобера — Фред Т. Хантер.»

Платиновая авторучка в руках издателя без устали бежала по титульным листам. Ему было не стыдно подписывать книги такого уровня.

Безрассудная смелость – вот, пожалуй, наиболее примечательная черта научных опытов, проводимых советскими учеными 1920–1940-х гг. В условиях глобального эксперимента, который осуществлялся над страной, никакой риск не выглядел чрезмерным. Иной раз сами границы понятия «научность» размываются здесь настолько, что становится уже непонятно, идет ли речь собственно о науке, о научной ли фантастике, или вовсе о какой-то темной мистификации.

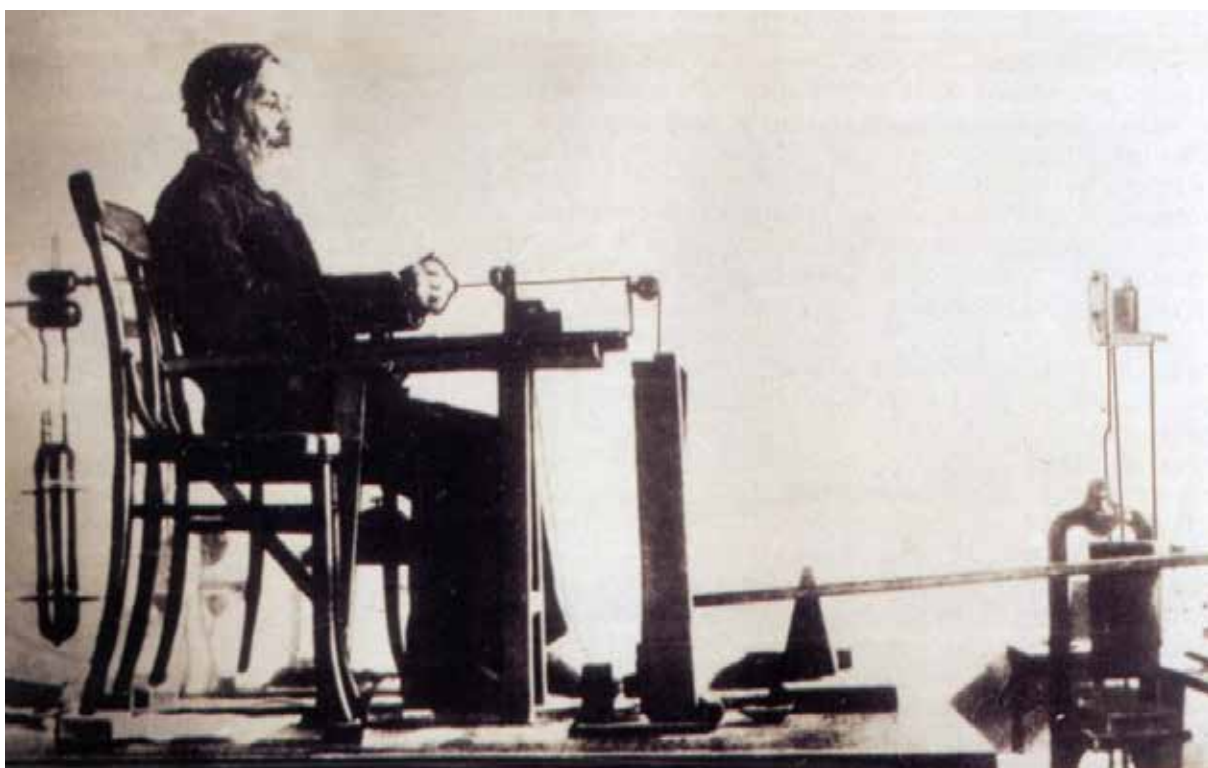
Александр
Куляпин,
Ольга Скубач.

ВРЕМЯ ЧУДЕС: НАУКА И ФАНТАСТИКА РАННЕСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Не секрет, что наука и власть подчас выступают в тесном сотрудничестве. «Следует отбросить <...> целую традицию, внушающую нам, будто знание может существовать лишь там, где приостановлены отношения власти, и развиваться лишь вне предписаний, требований и интересов власти, – писал М. Фуко. – Скорее, надо признать, что власть производит знание». Научный экстремизм сталинской эпохи был, разумеется, зеркальным отражением экстремизма социального и политического. При всей фантазмагоричности многих

научных школ этой поры даже самые, на первый взгляд, нелепые искания ученых, подобно чуткому сейсмографу, фиксировали психологические установки и ожидания масс, как сознательные, так и бессознательные. А порой, конечно, и прямо ориентировались на социальный заказ.

Весной 1940 года в журнале «Сибирские огни» был опубликован отчет о пятнадцатилетней программе исследований кафедры нормальной физиологии Томского медицинского института им. В.М. Молотова. В основном опыты сибирских ученых

сводились к операции по удалению головного мозга у животных и птиц. Первый из описанных в статье профессора Б.И. Баяндурова опытов относится еще к 1921 году.

Уместно заметить, что приблизительно в это же время был написан роман Е. Замятина «Мы», финальным аккордом которого становится «Великая операция» по удалению «центра фантазии» из человеческого мозга.

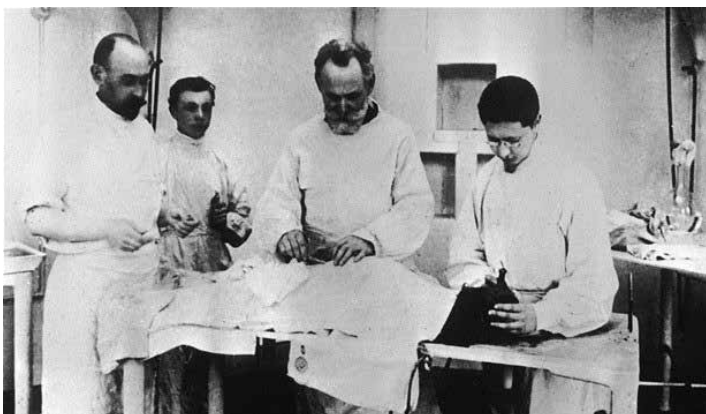
На протяжении последующих десятилетий интерес к хирургическим «корректурам» мозга животных и людей растет, причем как в литературе, так и собственно в науке. Эксперименты над человеческим мозгом становятся темой ряда рассказов и повестей А. Белые («Амба», 1929; «Хойти-Тойти», 1930); к этому же ряду следует отнести его роман «Голова профессора Доуэля» (1937). Несмотря на метафоричность сюжета «Собачьего сердца» (1925) М. Булгакова, текст повести отсылает к вполне реальным научным практикам времени. Иную, ортодоксально-советскую версию все того же булгаковского сюжета предложил в 1932 году И. Сельвинский в пьесе «Пао-Пао».

Во всех этих произведениях речь идет о поиске наикратчайшего оптимального пути к изменению человеческой природы; таковой эпохе и представляется путь хирургический. Сама логика материализма с неизбежностью подводит к простейшему решению: если требуется изменить сознание человека, то для этого нужно — буквально — поменять ему мозги.

Вполне серьезно, даже с энтузиазмом, к решению задачи «реконструкции человеческого материала» (Ю. Олеся) подошла советская наука. Во второй половине 1920-х годов в СССР был создан специализированный институт, занявшийся изучением и сохранением мозгов выдающихся людей. В то же время проводившиеся в эти годы эффективнейшие опыты на животных показали, насколько далеко мог (и должен был) простираться научный задор.

Создатель первого в мире аппарата искусственного кровообращения С.С. Брюхоненко использовал свой автожектор для оживления организма собак после наступления у них клинической смерти. В 1928 году он, совместно с учеником академика Павлова С.И. Чечулиным, демонстрировал в Москве отделенную от тела, но при этом — живую голову собаки. После войны дошла очередь и до людей. В 1945–1951 гг. по методу Брюхоненко осуществлялось оживление организма человека.

Судя по всему, в 1920–1930-х гг. очень популярны были эксперименты с удалением головного мозга, подобные тем, которые проводили томские физиологи. В «Возвращенной молодости» (1933) М. Зощенко ссылаются на свои научные споры с В.П. Полонским о роли мозга в работе организма:

«Полонский привел пример, что сейчас происходят любопытные опыты — у животного вырезают мозг, и тем не менее оно продолжает жить и живет месяцами. Бабочка, лишенная мозга, продолжает даже летать.

Эти примеры мне были известны. Они как раз отлично доказывали мою мысль.

В самом деле, а как живут эти животные, лишенные мозга? Оказывается, крыса с вырезанным полушарием мозга не имеет ни потребности есть, ни каких-либо других потребностей.

Ее надо искусственно кормить, иначе она умрет через несколько дней. И полет бабочки лишен всякого смысла — она делает это механически».

В экспериментах, упомянутых Зощенко, так же как в знаменитых опытах И.П. Павлова, работа головного мозга поверяется через реакции пищеварительной системы. Тем же путем идут и сибирские ученые.

В 1921 году, в ходе лабораторных занятий со студентами, томские профессора Б.И. Баяндуров и Н.А. Попов заметили, «что если произвести удаление обоих полушарий головного мозга у голубей, то спустя некоторый промежуток времени они начинают увеличиваться в весе, хотя пищевой режим оставался таким же, каким он был и до операции. Это увеличение веса, несмотря на тождество питания режима, достигало больших цифр». Тот же опыт, проделанный над курами, дал еще более впечатляющую картину: «У оперированной курицы можно было собрать до 500 грамм жира, в то время как у контрольных, находящихся с ней на одном и том же пищевом режиме, можно было собрать 60–70 грамм жира. Эти факты в последующие годы подтверждались не только нашими наблюдениями, но и наблюдениями, произведенными в других лабораториях».

Из отчета Б.И. Баяндурова видно, что толчком к исследованиям кафедры нормальной физиологии послужило, в общем-то, случайное наблюдение. Однако их последующие эксперименты — уже, безусловно, результат осознанного и целенаправленного интереса. Если что и огра-

ничивало свободу выбора научной проблемы, так только воздействие комплекса социально-политических и психологических установок эпохи. Следующий шаг экспериментаторов — перевод подопытных птиц с полностью удаленным мозгом на абсолютное голодание. «Оказалось, что птицы с удаленными полушариями головного мозга, если пустить их на полное голодание, погибают гораздо позднее, чем контрольные, одинаковые с ними по весу тела. Так, в наших опытах оперированные голуби выживали вдвое дольше и теряли в весе вдвое меньше, чем контрольные. Нормальные голуби погибали, как правило, на восьмой — четырнадцатый день, а оперированные на двенадцатый — двадцать третий». Этот «птичий Освенцим», устроенный ради совершенно не проясненных в тексте отчетов целей, сегодня, конечно, выглядит по меньшей мере странно и ассоциируется, пожалуй, уже не столько с физиологией, сколько с психиатрией. Однако если поставить данные опыты в контекст известных травмирующих фактов из истории страны — поволжского голода начала 1920-х годов и голодомора периода коллективизации, — это поможет понять их истинную подоплеку. Вивисекция, разумеется, — кратчайший способ решить проблему голода раз и навсегда.

Любопытно отметить, что «иная», по мнению томского профессора, ветвь исследований кафедры также с маниакальным упорством возвращает предполагаемого наблюдателя к страшным картинам голодной смерти. «Начиная с 1921 года, параллельно с вышеописанной проблемой, мы вели систематическое изучение высшей нервной деятельности у птиц. <...> Было показано также, что при голодании деятельность головного мозга сохраняется до самой последней минуты жизни. Условные рефлексы сохранялись за несколько минут до гибели птицы при полном голодании».

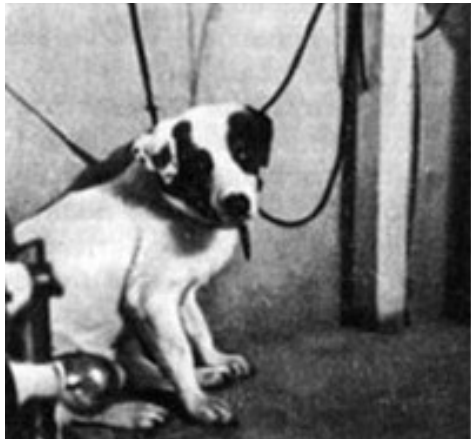
Литературные сюжеты 1920—1930-х гг. зачастую соответствуют экстравагантной научной практике времени. Отказ от религиозного миропонимания привел к значимым

изменениям и в восприятии человека. В первую очередь оказался серьезно нарушен баланс в центральной антропологической оппозиции «душа—тело». В частности, это вылилось в многочисленные попытки отыскать физический субстрат души. Амплитуда поисков хорошо обозначена А. Волковым в его известной сказке «Волшебник Изумрудного города» (1939). По мнению Страшилы, «мозг — единственная стоящая вещь <...> у человека». Что касается Железного Дровосека, он выбирает другой рецепт очеловечивания: «Раньше у меня были мозги, — пояснил Железный Дровосек. — Но теперь, когда приходится выбирать между мозгами и сердцем, я предпочитаю сердце».

В отличие от героя Волкова эпоха, выбирая «между мозгами и сердцем», предпочитает, как правило, мозг. Так, М. Булгаков, акцентируя внимание на сердце в названии своей повести, все же локализует квинтэссенцию человеческого — в голове: «изумительный опыт профессора Преображенского раскрыл одну из тайн человеческого мозга! Отныне загадочная функция гипофиза — мозгового придатка — разъяснена! Он определяет человеческий облик!». Конечно, в сознании читателя — современника Булгакова — собачья хирургия профессора Преображенского не могла не вызвать ассоциации с самым громким научным проектом 1920—1930-х гг. — работой академика И.П. Павлова. Сама эволюция интересов ученого-физиолога может служить прекрасной иллюстрацией той иерархии ценностей, которую создает послереволюционная культура. Начав с изучения сердечно-сосудистой системы, Павлов, как известно, позднее обратился к исследованию органов пищеварения с тем, чтобы в итоге выйти к вопросам высшей нервной деятельности и физиологии мозга.

Послеоктябрьская деятельность другого выдающегося русского ученого — В.М. Бехтерева — началась с организации в 1918 году Института по изучению мозга и психической деятельности. Девять лет спустя В.М. Бехтерев выступил с идеей, далеко выходящей за рамки чистой науки. Пантеон, о необходимости создания которого заговорил знаменитый психолог, мыслится им уже не как научное учреждение, но как своего рода храм материалистско-атеистической веры. В отличие от возникшего во Франции «Пантеона для великих людей благодарного Отечества», куда были свезены останки Вольтера, Ж.-Ж. Руссо и других кумиров революции, советский Пантеон — хранилище только «консервированных мозгов» (так у Бехтерева!) выдающихся людей.

Конечно, жемчужиной этого собрания должен был бы стать мозг Ленина. Бехтерев, однако, запоздал, и в 1927 году, когда была сформулирована его идея, она уже морально устарела. Изменившаяся конъюнктура потребовала иных решений; в

В экспериментах, упомянутых Зощенко, так же как в знаменитых опытах И.П. Павлова, работа головного мозга проверяется через реакции пищеварительной системы. Тем же путем идут и сибирские ученые.

результате вместо сокровенного содержания головы гения потомки увидели его пустотелый муляж. Бехтеревская полурелигиозная концепция «пропаганды материалистического взгляда на развитие творческой деятельности человека» вынуждена была спастись перед стопроцентно религиозной доктриной Мавзолея.

Одна из причин, почему новая культура предпочла демонстрировать не суть, но лишь оболочку вождя, заключается, возможно, в том, что ленинский мозг, увы, вопреки всем ожиданиям оказался не способен украсить собой предполагаемый храм разума. Как известно, болезнь, ставшая причиной смерти Ленина, затронула именно мозг; масштабы поражения мозга стали очевидны после вскрытия. По свидетельству Ю.М. Лопухина, сотрудника лаборатории при Мавзолее В.И. Ленина, левое полушарие мозга вождя в результате болезни «потеряло не менее трети своей массы». Приводится и более детальное описание, составленное ученым на основе анализа протокола аутопсии, в котором отмечается «<...> наличие многочисленных очагов некроза мозговой ткани, преимущественно в левом полушарии. На его поверхности были заметны шесть зон западения (провалов) коры мозга. <...>. Снаружи кора мозга во всех этих участках и особенно в зоне центральной борозды была спаяна грубыми рубцами с оболочками мозга, глубже же находились пустоты, наполненные жидкостью (кисты), образовавшиеся в результате рассасывания омертвевшего мозгового вещества». Не торжество разума, но печальная картина распада; в довершение же к явному разочарованию ученых выяснилось еще одно обескураживающее обстоятельство: «общий вес мозга не превышал средних цифр (1340 г.)». Тайна ленинской гениальности так и осталась тайной.

Впрочем, история изучения мозга Ленина имела продолжение, хотя и не совсем то, на которое рассчитывали официальные идеологи. Информация об обнаруженных при вскрытии, вместо доказательств гениальности, патологиях мозга вождя распро-

стрилилась быстро и породила целый миф, в котором, конечно, реальные дефекты были сильно преувеличены. Одним из первых мифотворцев, очевидно, стал Ю. Анненков, в чьем изображении ленинский мозг напоминает, скорее, экспонат петровской кунсткамеры, но уж никак не украшение Пантеона великих людей. Вскоре после смерти вождя Анненков посетил открытый в Москве институт В.И. Ленина, где, как рассказывает, его «прежде всего поразила стеклянная банка, в которой лежал заспиртованный ленинский мозг, извлеченный из черепа во время бальзамирования трупа: одно полушарие было здоровым и полновесным, с отчетливыми извилинами; другое, как бы подвешенное к первому на тесемочке, — сморщено, скомкано, смято и величиной не более грецкого ореха. Через несколько дней эта страшная банка исчезла из Института и, надо думать, навсегда. Мне говорили в Кремле, что банка была изъята по просьбе Крупской, что более чем понятно».

Представления об ужасных деформациях ленинского мозга были широко распространены в низовой советской мифологии и благополучно дожили до самого заката социалистической империи. Чему удивляться? Великие революции поклоняются прекрасному Разуму, однако разум русской революции породил столь невиданных монстров, что и сам в итоге оказался причислен к сонму чудовищ.

Ю. Олеша начал свою сказку «Три толстяка» (1928) чеканной фразой: «Время волшебников прошло». Это не совсем так. В сталинскую эпоху не так уж редко случались события и совершались поступки почти невероятные, граничащие со сферой чудесного. Советские люди были убеждены, что они «рождены, чтоб сказку сделать былью», и в какой-то мере им это удалось. Правда, былью стала не та сказка, которую можно рассказывать детям перед сном.

На фото из архива: так выглядели опыты 20-х годов прошлого столетия, вдохновлявшие фантастов.

Мало кто знает, что в Барнауле после войны жила семья известного фантаста Александра Беляева, автора книг «Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля», «Остров погибших кораблей». Поистине беспримерен нравственный подвиг этого человека – страдая костным туберкулезом, закованный в гипсовый корсет, он фантазировал, рождая удивительные по красоте романы – миры, населенные изобретателями-благодетелями человечества, прекрасными женщинами, коварными злодеями... Теплые моря омывали его скромное жилище, теплые ветра приносили ему все новые и новые идеи и сюжеты...

СЕМЬЯ ФАНТАСТА В БАРНАУЛЕ

Писатель до войны жил с семьей в городе Пушкине. В 1941 году Союз писателей предложил Александру Романовичу эвакуироваться вместе с семьей, но писатель был болен и отказался уезжать. В начале января 1942 года Александр Беляев, автор повести «Вечный хлеб», умер от голода. Семье его предстояло множество испытаний. Теща Беляева была шведкой – при регистрации в городской управе семью занесли в список лиц нерусской национальности и угнали в лагерь города Кониц для перемещенных лиц. Раньше город

принадлежал Польше, а потом отошел к Западной Пруссии. Для детей были организованы общеобразовательные занятия. Дети учились в городских школах, изучали немецкий язык. Взрослые работали на заводе. Через год несколько семей были отправлены в Штутгарт. Но это был не последний лагерь, были еще лагеря в Померании, в Австрии. 5 мая 1945 года Австрия капитулировала. Из воспоминаний Светланы Беляевой: «7 мая мы увидели танк и поспешили к воротам. Со всех сторон бежали дети, громко крича: «Ура! Наши идут!». Поравнявшись с лагерными воротами, танки остановились, из них стали выпрыгивать танкисты. Продолжая кричать, ребята кинулись к первому танкисту, но, увидев его злое лицо, остановились, словно обо что-то споткнувшись.

– С немцами драпали, а теперь «наши идут», – зло передразнил он.

– Были ваши, да все вышли! – проговорил он зло, проходя мимо них в лагерь.

Остальные танкисты подходили к нам, приветливо улыбались. Завязался оживленный разговор. Казалось бы, впечатление от первой встречи забыто, но в глубине души, по крайней мере у меня, осталась обида. Возможно, что танкист был в чем-то прав. На Родине люди трудились не покладая рук, а мы тут «отъедались» в «теплом местечке». Но, если были виноваты мы, женщины и дети в своей слабости, то, что же говорить о мужчинах, попавших в плен и работавших вместе с нами на военных заводах? Даже сейчас, спустя почти шестьдесят лет, вспоминая этот день, я ощущаю вместе с радостью боль обиды. Что же касается расплаты за нашу вину, то она была еще впереди».

Специальная комиссия рассматривала дела пленных. Светлане Беляевой вручили направление в город Пушкин, а ее маме и

Александр Беляев и его дочь Светлана.

бабушке как лицам нерусской национальности – в Алтайский край. Естественно, что без родственников шестнадцатилетняя девушка отказалась ехать, и ее направленные заменили. В начале ноября 1945 года семья Беляевых эшелонам прибыла в Кулунду. После долгих месяцев неустроенности, тяжелой работы на содовом комбинате, болезней и голода семью включили в список отъезжающих в Барнаул для работы на заводе.

«Начиналась моя трудовая жизнь. Меня определили на участок осмотра, наш цех изготавливал ружейные патроны. За рабочий день я должна была осмотреть шесть 20-килограммовых ящиков гильз. Норма эта была очень большая. За ее перевыполнение давали бесплатный талон на обед. Поначалу работа показалась мне чистой. Гильзы были новенькие, блестящие, пахнущие медью. Но от медной пыли ладони становились сперва золотыми, а потом зелеными. Пыль въедалась в поры и с трудом смывалась».

Жизнь молодой девушки была тяжелой, сложной, работа на заводе исключала возможность общения со сверстниками. От болезни сердца умерла бабушка. Часто Светлана собирала ребятшек из окрестных барачков и читала им удивительные рассказы и повести своего отца.

«На заводе мы проработали всего семь месяцев. В мае сорок седьмого нас уволили по сокращению штатов. Те, кто работал в других цехах, продолжали трудиться, а мы с мамой стали опять безработными... Для того чтобы хоть как-то существовать, пришлось продать даже то, что было нам необходимо».

Но шло время, бытовые трудности отступали, появились друзья не только из числа репатриантов. «Как я уже говорила, наш поселок находился на большом расстоянии от центра города, и навещались мы туда лишь по большой необходимости. Но в поселке был хороший клуб завода транспортного машиностроения, куда я устроилась работать. При клубе был большой кинозал, хорошая библиотека, работали различные кружки, в том числе кружок изо, в котором я занималась у А.В. Иевлева. На этой же сцене шли спектакли и концерты. Там я впервые увидела Аркадия Райкина и была сразу покорена его искусством».

Смерть Сталина, амнистия уголовников, студия А. Иевлева, в которой учились, кажется, все барнаульские художники, – Барнаул глазами девушки, выросшей под Ленинградом...

Светлана Беляева рисовала, писала стихи и рассказы, участвовала в оформительской работе клуба, но все время остро чувствовала недостаток образования и невозможность учиться дальше. Союз писателей интересовался судьбой Светланы,

ей хотели дать возможность учиться и выслали на дорогу денег, не зная, что семья не в эвакуации, а в ссылке. «Шел 1955 год, а мы все еще ходили отмечаться, не имея права выехать даже за пределы города. О том, чтобы с нас сняли ограничения и разрешили вернуться в Ленинград, мы писали в Москву. Но ответа все не было...».

Ответ пришел только в 1959 году, разрешение из Верховного Совета о снятии ограничения на передвижение по стране. Разрешение выдали в НКВД, и через несколько месяцев Беляевы уехали в Ленинград.

Четырнадцать лет две самые близкие женщины замечательного писателя жили в Барнауле, но нет никаких сведений о возможном общении с барнаульскими писателями или просто любителями творчества Александра Беляева, чьи произведения читают многие поколения любителей фантастики. А может быть, живы знакомые и друзья Светланы Беляевой, те, кто помнит ее рассказы об отце? Или те дети, которым Светлана читала вслух? Эта история могла бы стать более подробной, если бы откликнулись очевидцы событий. А те, кого интересуют воспоминания Светланы Беляевой, могут взять в библиотеках города «Семейную сагу фантаста Беляева».

Предлагаем вашему вниманию ранний, не часто перепечатаваемый рассказ Александра Беляева. Стоит вспомнить, что о встрече 1954 года, который его ссыльная семья провела в нашем городе, фантаст писал куда раньше... Увы, все было далеко не так радостно, как в рассказе.

ВСТРЕЧА НОВОГО, 1954 ГОДА

Александр
Беляев.

– Это было в 1952 году, в ночь под 1953-й. Я был тогда студентом, жил на Фонтанке, в новом доме-коммуне студентов-электротехников. Группа товарищей, кончавших институт, встречала Новый год у меня.

Летом 1953 года мы должны были получить звание инженера и разлететься в разные стороны. Естественно, мы заговорили об этом. Куда занесет нас судьба?.. Увидимся ли мы в следующую ночь под Новый год?

И надо же было мне выступить с таким необдуманным предложением.

– Товарищи! – сказал я. – Давайте дадим друг другу слово, что, где бы мы ни были, ровно через год, в 24 часа каждый из нас будет сидеть за своей приемно-передающей радиостанцией, и я всех вас поздравлю с Новым годом, а потом передам это поздравление от каждого каждому.

Мое предложение было принято почти единогласно. И только один мой друг Глебов потрянул своей черной курчавой головой, засмеялся и воскликнул:

– Я против, потому что твое предложение в той форме, как ты его сделал, совершенно невыполнимо, неосуществимо.

– То есть как это неосуществимо? – спросил я. – Разве мы не беседуем друг с другом по радио каждый день? Разве наши радиостанции...

– Он просто очень плохого мнения о всех нас, – сказал, смеясь, один из гостей. – Глебов уверен, что, разбавившись, мы тотчас забудем друг друга.

Глебов вложил свою руку в мою и промолвил:

– Ну вот что. Если ты еще и сейчас не понял нелепости своего предложения, то надо наказать тебя за твою недогадливость. Хочешь пари на шар-прыгун? Я утверждаю, что ни одного из нас ты сам не поздравит с Новым годом вовремя – ровно в полночь.

Это был уж вызов, а я был горяч и принял пари.

На другой день, чтобы не забыть, я достал новый – на 1953 год – перекидной календарь и на последнем листке, 31 декабря, написал красным карандашом:

РОВНО В ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА ПО РАДИО.

Все в порядке...

1953 год начался, и дни побежали за днями. Зиму сменила весна, весну – лето, мы получили аттестаты и действительно разбрелись в разные стороны. В Ленинграде остались только я – аспирантом института

– и два товарища, которые должны были стажироваться радистами на стратопланах, – Питт и Алиев. Пока они работали в лаборатории. Первый же их полет предполагался не ранее конца года.

И вот 30 декабря, за день до кануна нового, 1954 года, ко мне в комнату вбежали радостно возбужденные Питт и Алиев и сообщили, что сегодня в полночь они летят в первый кругосветный полет на стратопланах – один из них в восточном направлении, другой – в западном.

– Но так как весь полет продлится не более двадцати четырех часов, то мы надеемся, быть может, с небольшим опозданием встретить Новый год с тобой, – сказал Питт. – Ты помнишь, конечно, о пари?

– Разумеется, – отвечал я.

– Мы будем свидетелями. А теперь прощай, спешим. Итак, до полуночи через сутки.

И они быстро ушли.

На другой день, 31 декабря, в двадцать три часа пятьдесят минут я уже сидел в боевой готовности у радиоаппарата. Рядом с аппаратом стояли выверенные часы и лежал список товарищей, которых я должен поздравить с Новым годом. Против каждой фамилии отметка – длина волны его радиостанции.

Посмотрев на этот список, я впервые почувствовал, что могу проиграть пари. Мне нужно было поздравить человек пятнадцать. Для каждой станции надо «перестраивать волну». Как ни быстро это делается, а «ровно в полночь» всех не поздравит. Впрочем, ведь Глебов утверждал, что я вовремя не поздравлю ни одного. Посмотрим...

Ровно в 24 часа ноль секунд я послал первый новогодний привет московскому товарищу.

– Увы, мой друг, ты опоздал со своим поздравлением по крайней мере на полчаса, – услышал я его ответный голос, – в Москве мы уже встретили Новый год.

Быть может, у него часы неверны... Но мне некогда было раздумывать. Я уже поздравляю саратовского друга.

В ответ я услышал веселый свист и слова:

– В Саратове уже целый час Новый год.

И я сразу понял все. Каким же я был олухом, заключив столь необдуманное пари. Я упустил из виду разницу между ленинградским и местным временем. Конечно, я хорошо знал об этом. Но как в старину говорили, на всякую старуху бывает проруха. Оскандалился.

Мне больше ничего не оставалось, как из упрямства продолжать свои поздравления. А отчасти меня и самого заинтересовала эта «проверка местного времени».

Свердловск мне ответил, что у них прошло два часа с наступления нового года.

Сердитый друг из Омска спросил меня, какой это олух будит его в три часа ночи.

Иркутск — тоже не очень ласково — ответил, что в пять часов утра с Новым годом не поздравляют.

Хабаровский друг поспешно ответил:

— Благодарю. Допиваю утренний чай. Спешу на работу. Семь утра.

А зимовщик на острове Врангеля сообщил, что мое поздравление застало его во время десятичасового утреннего завтрака.

Дальше. Но дальше у меня на востоке не было друзей, и я направил свою волну на запад. Здесь меня преследовала неудача.

Берлинский друг сказал мне, что я поторопился со своим поздравлением: у них в Берлине еще 23 часа 31 декабря 1953 года.

Этот ответ вселил в меня слабую надежду, что я еще могу выиграть пари хоть наполовину, — поздравить хотя бы одного — берлинского товарища, дождавшись, когда в Берлине будет ровно полночь. Но эта надежда, конечно, тотчас лопнула: увы, берлинского друга я мог бы поздравить вовремя по-берлински, только когда мои часы показывали бы уже около часа ночи, то есть не вовремя по-ленинградски...

Мои радиоволны уже без надежды на успех летели на запад...

В комнату быстро вошли два мои друга-радиота.

— Мы, кажется, немного опоздали. Это вина уж не стратоплана, а автомобиля, который вез нас от аэродрома. Мы ползли с черепахой, земной скоростью, — сказал Алиев, летевший в западном направлении.

— Лучше поздно, чем никогда, — сказал я. — Поздравляю с Новым годом!

— С Новым годом? — переспросил Алиев. — Прямо не знаю, что тебе ответить — принять ли это поздравление? Я бы мог побиться на какое угодно пари, что сегодня все еще 30 декабря, самое большее, — он посмотрел на часы, — десять минут 31 декабря 1953 года.

— Никогда не заключаю пари, — меланхолически ответил я. — Но ты, Алиев, меня удивляешь. Ты не только готов отрицать наступление нового года, но утверждаешь, что сегодня даже не 31, а 30 декабря истекшего года.

— Суди сам, — ответил Алиев, — я вылетел на стратоплане в западном направлении ровно в полночь 30 декабря. Так? И что же? С того момента, как я полетел, я готов биться об заклад, что время стало...

— Никогда не бейся об заклад. Но объясни, как это время стало. Часы перестали идти? — спросил я его.

— Нет, положим, часы шли как всегда. И по часам как будто и прошли сутки со времени моего отлета. Часы шли, а время не шло. Я находился в пути двадцать четыре часа как будто. Но я не видал восхода солнца, словно оно куда-то провалилось, я не видал дня. Целые сутки продолжалась непрерывная ночь. Можно было подумать, что я нахожусь на Северном

полюсе. Но и в полярную ночь время движется, — движется луна на небе, движутся звезды. А во время моего полета небо словно застыло, небесные часы остановились. Звезды видны были прекрасно, я делал наблюдения над ними точнейшими навигационными инструментами — и ни малейшего склонения. Вот та звезда, — он показал в окно, — как сейчас стоит, так и простояла весь путь неподвижно. Ну, разве после этого нельзя сказать, что я выиграл у жизни сутки? — смеясь, закончил он.

— Ну, а с тобой что случилось? — спросил я Питта, летавшего в восточном направлении.

— Со мной, — ответил Питт, — случилось, пожалуй, еще более необычайное. Если Алиев отказался принять твоё поздравление потому, что, по его мнению, остались еще целые сутки до встречи Нового года, то я готов биться об заклад...

— Не бейся об заклад! — упрямо повторял я.

— Я все-таки готов биться об заклад, что сегодня уже... — он посмотрел на часы — было 15 минут первого, — что сейчас уже 2 января 1954-го.

Я почувствовал, что у меня голова начинает пухнуть от этих встреч Нового года.

— Вы меня с ума сведете! — воскликнул я. — Как это 2 января?

— Да вот как. За двадцать четыре часа я прожил двое суток. Слышал ли ты о чем-нибудь подобном? Этак я вдвое быстрее состарюсь, если всегда буду летать в восточном направлении.

В продолжение одних суток я дважды видел восход и заход солнца. Каждый этот день и каждая ночь длились — по моим часам — всего по шесть часов. Да, я пережил за одни сутки двое «укороченных» суток. И сейчас для меня 16 минут третьих суток — 2 января.

— Вот так история! — воскликнул я, пытаюсь разобраться во всем этом. И в тот же момент я услышал голос Глебова — он, злодей, не забыл о пари.

— Алло! Что же ты не поздравил меня с Новым годом? Проиграл пари!.. — Глебов засмеялся. — Ты проиграл бы его, милый друг, даже в том случае, если бы поручился, что поздравить ровно в полночь товарища, живущего на другом конце Ленинграда, потому что в таких больших городах, как Москва и Ленинград, в восточной части города новый год наступает по крайней мере на полминуты раньше, чем в западной.

— Стоит ли спорить о полминутах и даже часах, когда вот тут у меня сейчас Алиев и Питт спорят о том, какая сегодня ночь — с 30-го на 31 декабря прошлого года или с 1-го на 2-е нового года? Тут, братец ты мой, разница в несколько суток.

— На этом меня не проведешь, — отвечал Глебов. — Алиев летел на запад со скоростью вращения Земли — в направлении, обратном этому вращению. Ясно, что для него звезды как бы неподвижно стояли над стратопланом и «время не двигалось». Питт же летел на восток. И его стратоплан, получив при отлете поступательную скорость самой Земли при ее движении вокруг оси, прибавил такую же скорость, развиваемую самим стратопланом, в том же восточном направлении. Ясно, что для него в одни сутки должны были протечь двое, как в том случае, если бы Земля начала вертеться вдвое быстрее. А пари ты все-таки проиграл. Попрыгаю я теперь на твоём шарике!

Фантастику в Барнауле любят и читать, и писать. Но мало кому из пишущих удастся заявить о себе на уровне центральной периодики и центральных издательств (впрочем, и в других жанрах это так). Супругам Ирине Бобровой и Юрию Шияеву удалось.

ПИШИТЕ БОЛЬШЕ – ВЫ ТАЛАНТЛИВЫ!

Фото из архива авторов.

Их книги регулярно выходят в столичных издательствах, недавно они начали персональную серию «Сибирский приключенческий роман». О фантастике, литературном труде, а заодно Барнауле и Алтае (где нередко происходит действие их книг) писатели по нашей просьбе побеседовали... друг с другом!

Юрий: Давай, Ирина, начнем с тебя. Твои литературные корни произрастают из города Ош. Сейчас на память приведу строчку из Бабур-намэ... Итак: «О, тысячефонтанный Ош!»... Одностишье. Смотри, как звучит-то – песня! Ира, ну вот, к примеру, расскажи про домик Бабура на Сулейман-горе, про то, как соприкосновение с прекрасной поэзией и с тенью великого человека повлияло на тебя как на писателя, заложив основу для будущего творчества.

Ирина: Ну-ну, Бабур и тысяча фонтанов. Во-первых, когда я училась, никакого домика, в котором якобы жил Бабур, в

Оше не было, а если и был, то о нем ничего не знали. И тысячи фонтанов в городе не было, текла речушка, от нее арыки для полива – и все. Но классику, тем более классику восточную, у нас отлично знают единицы – специалисты, которые читали в подлиннике на фарси или на арабском. Так что не было никаких литературных корней, а если они откуда и произросли, то из книжного шкафа, забитого под завязку фантастикой, моего соседа. Он был не только соседом по дому, но и по парте, и вместо учебников мы с ним читали на уроках Ефремова, Стругацких, Азимова. Азимовым вообще зачитывались, а потом обсуждали, делились впечатлениями и схватывали двойки за поведение – шумели на уроке.

Юрий: Вообще, детство – хорошее время, особенно наше, советское детство. Я барнаульский и хоть тебя постарше, у нас было все примерно то же... Но давай все-таки ближе к теме, мы с тобой не настолько великие люди, чтобы читателям было интересно, когда мы женились, крестились и прочее.

Ирина: Вот сразу вопрос: фантастика тогда и фантастика сейчас – похожи ли они в чем-то? Если нет, то чем отличается фантастика прошлого века от фантастики сегодняшнего дня?

Юрий Шияев:

- Жесткие цензурные рамки – это всегда ограничение, но, что парадоксально, то же самое является мощнейшим стимулом для творчества. В борьбе с цензурой оттачивалась форма: аналогии, метафоры, сравнения. Сюжет маскировался так, что подсознательно воспринимался в авторском ключе, метафоры били напрямую по архетипам, минуя центры критичности.

Юрий: Отличаются кардинально. В советской фантастике 1970-1980-х практически не было фэнтези, если, конечно, не считать «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о тройке» Стругацких (сейчас это направление в фантастике популярно как городское фэнтези, да и вообще едва ли не ведущее). Зарубежные фантасты имели большую свободу по сравнению с советскими, ограниченными жестким регламентом, цензурой — внутренней и внешней. Тут можно вспомнить знаменитую борьбу «молодогвардейских» писателей В. Щербакова, Ю. Жукова, К. Шаха, В. Назарова и других с писателями, которых называли тогда внутренними диссидентами, — Стругацкие, Кир Булычев, Ариадна Громова, одна из ведущих фантастов 1960-х годов, Рафаил Нудельман...

Где-то в начале 1970-х поменялось руководство издательства «Молодая гвардия», которое решило ограничить издание, так сказать, старой гвардии. Их считали идеологически чуждыми.

Ирина: Странно, обычно подобные претензии у тоталитарного режима возникают ко всему новому, а здесь — наоборот...

Юрий: Жесткие цензурные рамки — это всегда ограничение, но, что парадоксально, то же самое является мощнейшим стимулом для творчества.

Ирина: Интересно. А в чем парадокс?

Юрий: Закон психологии: чем больше запрещают, тем сильнее стимул. В борьбе с цензурой оттачивалась форма: аналогии, метафоры, сравнения. Сюжет маскировался так, что подсознательно воспринимался в авторском ключе, метафоры били напрямую по архетипам, минуя центры

А потом эта же рукопись была принята в издательстве «Альфа-книга». Хотя я удивилась, очень удивилась, что гротеск, сатиру напечатали в юмористическом фэнтези. Думала, завернут рукопись. Это я про роман «О бедном вампире замолвите слово». И тут, кстати, про название. Эта книга должна была называться «Стук-стук, я — твой друг!», но пришлось пойти на поводу у формата и название сделать под модную тогда на фоне фильма «Сумерки» тему.

критичности. Вообще-то, это высший пилотаж.

Ирина: Это как у Станислава Лема знаменитая «Маска»? Вот сколько раз перечитываю, не устаю поражаться! В принципе, он в «Маске» просто гениально изложил миф о Семаргле — или птице Симуург, если брать восточные мифы, — и в этом же произведении Лем доказал в художественной форме теорему Тьюринга о невозможности полной автодискрипции конечного автомата. Вообще, фантастика — величайший из жанров! По сути — двигатель прогресса (смеется).

Юрий: Да. Двигатель. Прогресса научно-технического, прогресса общественного и прогресса литературного. Но, я думаю, нет смысла расшифровывать это положение. После распада СССР, с приходом рыночной экономики у нас издавали все — как отличную, где-то даже гениальную литературу, так и довольно среднюю или вообще полную бездарность. Мусор потом схлынул, бездарность экономически невыгодна и в условиях рынка не выдерживает конкуренции. Однако параллельно с тем мусором на сцену вышли такие писатели, как Олди, Андрей Валентинов, Сергей Лукьяненко, Олег Дивов, Вадим Панов, Мария Семёнова и многие другие. Перечислять можно очень долго. Другое дело, что не у всех хватило сил выдерживать ту сумасшедшую гонку, тот ритм, темп, который задал рынок: одна книга раз в три месяца, максимум — в полгода. И еще один фактор: многие просто не стали менять профессию и заниматься литературой профессионально, как Мария Семёнова к примеру.

Ирина: Сейчас очень много просто отличных, профессионально пишущих авторов на сайте «Проза.ру» и многих других. Вообще, очень жалею, что прошло то время, когда любой автор мог издать свои книги. Хотя — не без труда. Помню постоянные звонки в издательство, форс-мажорные моменты. Помнишь, тогда в «Неву» отправила, сказали — возьмут, но попросили изменить кое-что в сюжете. Пока дорабатывала роман, в издательстве сменился собственник, который привел новый редакторат. И в результате — никто ничего не знает и мою рукопись в глаза не видели. А потом эта же рукопись была принята в издательстве «Альфа-книга». Хотя я удивилась, очень удивилась, что гротеск, сатиру напечатали в юмористическом фэнтези. Думала, завернут рукопись. Это я про роман «О бедном вампире замолвите слово». И тут, кстати, про название. Эта книга должна была называться «Стук-стук, я — твой друг!», но пришлось пойти на поводу у формата и название сделать под модную тогда на фоне фильма «Сумерки» тему.

Юрий: Вот тоже, кстати, меня часто спрашивают, как в Москве принимают к

изданию книги о провинциальном городе, провинциальных людях? Я в ответ молча усмехаюсь: а какая разница, где географически находится сюжет книги? Если книга отличная, ее возьмут, а в тундре ли место действия, в пустыне ли, или же в забытой Богом деревушке – это уже не важно.

Ирина: Тема неисчерпаема: здесь можно долго говорить о моделировании миров для фантастических произведений, о работе в соавторстве, о том, как короток миг идеи книги и как долго потом созревает сюжет, и так далее, и так до бесконечности! Но вот вопрос: нас читают разные люди, многие из них пишут, есть начинающие авторы – что бы ты мог пожелать тем, кто только пробует себя на писательской ниве, тем, кто сомневается, стоит ли вообще браться за писательский труд?

Юрий: Пишите больше – вы талантливы!

Ирина: Опять шутишь?

Юрий: Отнюдь. Часто бывает так, что, читая какое-либо произведение, думаю: ну зачем автор полез в криминальный роман? При его мягкости и деликатности стиля ему бы писать мелодрамы. А с криминальным романом одна неудача, другая – и все, бросит человек писательство, и мир недополучит еще одних «Унесенных ветром» или «Джейн Эйр». И таких примеров во всех жанрах можно привести очень много. Пишите больше, пробуйте разные жанры, разные литературные формы. И вы обязательно найдете свое – то направление литературы, в котором будете первыми!

Ирина: Сейчас у нас издаются книги в издательстве «Вече», серия «Сибирский приключенческий роман». Как ты считаешь, это удачный опыт? Как ты вообще относишься к приключенческой литературе?

Юрий: Серия «Сибирский приключенческий роман» и задумывалась издательством как способ поиска новых имен прежде всего в Сибири. У издательства давно существует популярная серия «Сибиряда», в которой были изданы такие корифеи сибирской литературы, как Вячеслав Шишков, Анатолий Иванов, Владимир Арсеньев и так далее. А «Сибирский приключенческий роман» – это дальнейшее развитие этой темы. Нужно сказать, книги, изданные в этой серии, не залеживаются на прилавках книжных магазинов. К тому же у нас был удачный опыт в работе над приключенческими книгами. Очень пригодились личные впечатления, личный опыт.

Ирина: Две книги в нашей серии уже изданы в 2015-м – «Гиблое место» и совсем недавно «Рудник «Весёлый». В 2016-м точно выйдет еще одна, ну а там как получится...

Юрий: Получится!

У ИРИНЫ БОБРОВОЙ ИЗДАНЫ КНИГИ

«Между ангелом и бесом», юмофантаст, Москва, издательство «Альфа-книга», 2004 г.

«Гульчатай, закрой личико», юмофантаст, Москва, издательство «Альфа-книга», 2008 г.

«Наше величество Змей Горыныч», юмофантаст, Москва, издательство «Альфа-книга», 2008 г.

«О бедном вампире замолвите слово», сатира, гротеск, Москва, издательство «Альфа-книга», 2011 г.

«Кызыма – царица лукоморская», «Сын обезьяны», «Грустная сказка веселой рожи» вышли в издательстве «Буквократ»; изданы в США, издательство Li Lu, 2013-2014 гг.

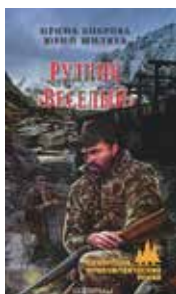
«Гиблое место», приключенческий роман в соавторстве с Юрием Шиляевым, Москва, издательство «Вече», 2015 г.

«Рудник «Весёлый», приключенческий роман в соавторстве с Юрием Шиляевым, Москва, издательство «Вече», 2015 г.

Первая глава романа «Парк «Память адмирала Колчака», альтернативная история, журнал «Барнаул литературный», август, 2015 г.

Сейчас готовится к изданию в Москве «Машина возмездия», третья книга из серии «Сибирский приключенческий роман». Место действия, так же как и в предыдущих книгах серии, Барнаул и Горный Алтай.

Желающие могут прочесть три романа на литературном сайте «Камера Кунста».

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ДЕВУШКИ

Женская литературная организация «Клуб любителей фантастики города Барнаула» существует с апреля 2013 года.

Изначально созданный для общения, он очень быстро обзавелся студией – девушки осознали, что грош цена самым высокохудожственным и гениальным мыслям, если автор не умеет донести их до читателей.

Определив для себя, что любая литература – фантастика, а лучший (и приятный) способ учиться – это играть, девушки сняли все ограничения в использовании художественных приемов. И в легкой игровой форме погрузились в теорию жанров и структуру художественных произведений. На занятиях используются методики развития творческого воображения, проводятся литературные игры.

Девушки участвуют в литературных конкурсах, в том числе и международных. Наиболее удачные произведения рассылаются по различным журналам России

и ближнего зарубежья. За два с половиной года трех участниц Клуба любителей фантастики приняли в Союз писателей России и еще трем на семинаре молодых литераторов дана рекомендация в Союз писателей по выходу книги в течение трех лет.

С 2014 года Клуб выпускает журнал «Фантастическая среда», где публикуются произведения участниц клуба, написанные по заданиям студии.

С января 2015 года начала работать еще одна студия, в которую открыт вход и мужчинам. Несмотря на столь короткий срок, у студийцев уже появились публикации – в казахстанском альманахе.

Руководитель Клуба – член Союза писателей России Анна Самойлова (anna_samoilova@rambler.ru).

Фото и рисунки из архива клуба.

«ЕСТЬ ПО ЧУЙСКОМУ ТРАКТУ ДОРОГА...»

*Есть на Алтае тракт - Чуйский.
Красивая стремительная дорога,
как след бича, стеганувшего по горам.
Много всякой всячины рассказывается,
поётся, выдумывается о нём.
Все удалые молодцы, все головорезы былых лет,
все легенды все с Чуйского тракта.
Василий Шукшин, «Живёт такой парень»*

Пётр хлопнул дверью «короли филдер», повернул ключ зажигания и вдавил педаль газа в пол. Машина с визгом сорвалась с места.

– К чёрту! К чёрту! – ударяя по рулю, раздражённо повторял Пётр.

Сонечка, накручивая прядку обесцвеченных волос на палец, демонстративно любовалась проплывающими за окном горами, а весь её вид буквально вопил: «Я же говорила!» Но вслух Сонечка не произнесла ни слова – не хватало ещё, чтобы Пётр сорвал на ней своё настроение. А ведь она ему всю дорогу твердила, что нельзя останавливаться на трассе, что вокруг куча мошенников. Вон, на той неделе по телевизору предупреждали. А если уж официальные СМИ начали говорить об этом, то дело точно швах! Нет, этот упёртый кретин всё твердит о каком-то благородстве и взаимопомощи! Какая взаимопомощь? Мы в двадцать первом веке живём! Случись что, остановятся только полюбопытствовать да снять на телефон, чтобы выложить в ютуб. Всех интересуют лайки в постах и под фотками! И только лайки! Когда самолёт упал, единственный священник раненых из горящего

Анна Самойлова.

самолёта вытаскивал. Остальные зеваки стояли и снимали на видео... И это факт! Кстати, заснятый теми же самыми зеваками. Теперь все ржать будут над этим лохом — купился на простой развод с пробитым колесом! Это ж каким идиотом надо быть?! стыдобища!

Дорога асфальтом ложилась под колёса, за окном проплывали горы, змеилась Чуя, «корола филдер» катилась легко, в магнитоле играла шофёрская песня, одна из тех, которые Пётр специально закачал на флешку перед поездкой:

*Есть по Чуйскому тракту дорога,
Много ездит по ней шоферов...*

Чуйский тракт... Если послушать песню, место романтическое. Но если посмотреть, то дорога и дорога. Ну, красиво, конечно. Горы меняются. Какие-то вершины пологие, какие-то ощерились скалами. Вдоль некоторых хребтов ровными рядами растут сосёнки, словно шипы на спине древних драконов, прилёгших отдохнуть. Где-то растений побольше, где-то поменьше. Парочка перевалов: Симинский и Чике-Таман. И река вдоль дороги. Сначала Катунь, потом Чуя...

Сонечка и Пётр ехали в альпинистский лагерь «Актру». Нет, Сонечка не собиралась лезть на ледники. Петру надо, пусть сам и лезет, а она потусит в клубе, ведь должен же там быть клуб?! Полюбуется видами, пофотографирует для инета! Сеть-то уж там наверняка есть... Не совсем ведь дикое место?... В конце концов, сейчас модно ездить в Горный Алтай, так что всё должно быть. Свадебное путешествие в горы... А что? Всегда нужно быть в тренде!..

Пётр потихоньку успокоился и даже впал в некоторую вялость и равнодушие. Он жал на газ, машина летела, обгоняя и обгоняя... Дорога взмывала вверх и опускалась вниз, местами была прямой, а местами извивалась, зажатая между рекой и обрубленными скалами. Но Пётр не сбавлял скорости и в этих прижимах...

Внезапно в песню про Кольку Снегирёва вплелись удары крупных капель дождя по лобовому стеклу. Капли, поначалу единичные, вскоре превратились в сплошной поток ливня.

Пётр включил дворники, но скорость не сбавил. Казалось, он вообще был лишён интереса к жизни...

«Ну и пусть! — подумала Сонечка, — Вот разобьётся, будет знать!»

Ливень усилился. Дворники уже не справлялись с потоком воды. Сонечка посмотрела в окно, но за серыми струями ни гор, ни неба практически не было видно. Горизонт исчез, и определить, где заканчиваются горы и начинается небо, стало невозможно. В короткие моменты, когда дворники проезжали по стеклу, сдвигая воду, можно было разглядеть подсвеченный фарами дальнего света небольшой участок дороги, слева от неё отвесный край скалы, прижимающийся к асфальту, справа белели полосы ограждения. Дальше стояла сплошная серая водяная стена. Было темно, как будто уже наступил глубокий вечер...

Внезапно Пётр резко нажал на тормоза. Машина заюлила на мокром асфальте, её стало разворачивать и стаскивать на встречную полосу. Сонечка вцепилась в переднюю панель. Глаза женщины расширились, а крик замер на губах.

Пётр старался удержать машину. Скала неотвратимо приближалась. Пётр выкрутил руль. Машину развернуло, слегка царапнув бампером по камням, но скорость упала.

Наконец машина остановилась. Впереди, в паре метров стоял старинный грузовичок с деревянной кабиной и крытым брезентом кузовом. Такому разве что в музее быть, под крышей. Явно довоенный, из первых грузовых машин...

Пётр и Сонечка смотрели на освещённого фарами водителя грузовичка: в сапогах, в ватнике, в кепочке. Казалось, Шукшинский Пашка Колокольников сошёл с киноэкрана.

Шторка капота была поднята и укреплена на подставке, а водитель под проливным дождём направлялся к «короле филдер».

— Ты чего остановился? — спросила Сонечка.

— Не видишь, помощь человеку нужна, — автоматически ответил Пётр.

— Ничто тебя не учит. Чуть нас не угробил, пока тормозил. Тебе что, больше всех надо?

— Человеку нужна помощь, — отрезал Пётр.

— Ты сегодня уже помог одному, — усмехнулась Сонечка.

Пётр промолчал.

— Ты понимаешь, что ведёшь себя как последний лох? Над тобой и так все смеяться будут, а ты ещё останавливаешься! Мало тебе утрешнего развода?

Пётр повернулся к жене и сказал:

— Если людям не верить, если не помогать друг другу... Нашёлся один подлец, плюнул в душу, так что теперь, закрыться от жизни? Если мы все будем проезжать мимо, то как жить? Я ж себя уважать перестану, понимаешь?

— Да кому твоё самоуважение нужно, если над тобой смеяться будут?! Как ты не понимаешь? Будут смеяться!

Пётр хмуро глянул на жену, отстегнул ремень безопасности и вышел навстречу водите-

лю грузовичка, который к тому времени уже подошёл к «короле филдер». В приоткрытую дверь женщина услышала: «Друг, помоги, одному не справиться!».

Сонечка смотрела, как мужчины направились к грузовичку, потом Пётр сел в кабину, а водитель а-ля Пашка Колокольников встал на подножку и нырнул под шторку капота. Видно было, что мужчины разговаривают, что-то передают друг другу, что-то делают...

А Сонечка сидела и злилась: мало того, что её мужа обули, как лоха, так он ещё и упёртый дурак, идейный! Ну, ладно, хочется тебе помочь, так помоги нормальной машине, там «лексусу» или «мерседесу». А он выбрал колхозника в лаптях и ради него под дождь проливной... А потом в машине сырость будет. Плюс – задержка. Уже могли бы чёрт-те куда уехать! Говорит: «себя уважать перестану». Но если тебя не уважают твои сослуживцы, соседи, друзья, то толку от твоего самоуважения – шиш да маленько! Кто будет уважать лоха?

Сонечка уже подумывала о том, что всё-таки она поспешила выйти замуж за Петра, когда мужчины пожали друг другу руки и Пётр пошёл к своей машине.

По-прежнему лил дождь, но Сонечке показалось, что слегка просветлело.

Пётр сел в машину. Он был мокрый до ниточки и сильно замёрз, но настроение заметно улучшилось. Он с улыбкой завёл машину и включил печку. А потом, похлопав молодую жену по коленке, весело сказал:

– Не грусти! Будем жить!

«Корола филдер» плавно тронулась с места. Пётр посигналил и помахал водителю грузовичка и сказал жене:

– Хороший парень, Николай. Ему невесту свою, Раю, догнать надо, она тоже на грузовике, на «форде», вперёд уехала. А тут такая поломка...

– Как он на этой колымаге «форда» догонит?

– Этот догонит, будь уверена!

Небо значительно просветлело, и дождь скинул обороты. Стало видно горы на той стороне реки и саму реку внизу – Чую, бурлящую на порогах...

Сразу за грузовичком открылся поворот, и вдруг Пётр снова ударил по тормозам. Машина ещё не успела разогнаться, поэтому остановилась сразу.

Сонечка с недоумением посмотрела на мужа: «Что ещё?!»

А Пётр, внезапно посеревший, вышел из машины. Дверь осталась открытой, и дождь попадал в салон.

Сонечка потянулась и закрыла водительскую дверь.

Встревоженная тем, что Пётр стоял перед машиной как истукан и не шевелился, Сонечка, поморщившись, тоже вышла из машины.

Дождь закончился. Лишь отставшие капли ещё нет-нет, да и падали на женщину, вызывая неприятное ощущение зябкости.

Сонечка, обняв себя руками, пошла к мужу и...

Дороги впереди не было.

То ли рекой подмыло, то ли землетрясение, но огромный пласт земли вместе с асфальтом и заградительными перилами сполз в реку. Вдоль белой скалы оставалось узкое пространство, по которому можно было проехать... Потихоньку, на цыпочках... и не на всякой машине.

– Как мы проедем? – спросила Сонечка у мужа.

Он повернулся, обнял жену и сказал ласково, так, как говорят с маленькими детьми:

– Ты ничего не понимаешь! Если бы я не остановился помочь Николаю, нас бы уже не было!.. Совсем не было! Мы бы были там! – и Пётр показал на кипящую Чую. – Надо сказать ему спасибо, он невольничко спас нас.

Пётр обернулся, но грузовичка не увидел. Ни рядом, где он только что стоял, ни дальше по трассе... Старинного грузовичка с водителем, который будто сошёл с экрана Шукшинской киноленты, не было, словно не было никогда.

Светило солнце. Пели птицы. Жужжали насекомые. Пахли травы. Шумела река. Цветы, омытые дождём, посвежевшие, радовали глаз. Горы тянулись к небу и тянули за собой тонкую нить Чуйского тракта. И лилась среди гор песня:

*Есть по Чуйскому тракту дорога,
Много ездит по ней шоферов.
Был один там отчаянный шофер,
Звали Колька его Снегирёв...*

«А что, – думала Сонечка, подъезжая к альпинистскому лагерю «Актру», напишем в блоге легенду про то, как привидение из песни спасло нам жизнь. Вот лайков-то будет!»

БЭД ВЕРЬ ПРИХОДЯЩЕМУ!

21 мая

...и мы решили: пусть это будет нашим приключением. Мы – это тощий Зики и коротконожка Лил.

Честно говоря, коротконожка Лил – это я. Хотя не такая уж я и толстая. Пусть только кто-нибудь скажет, например, очкарик Мум или рыжая Чет. Они-то побоялись с нами пойти. Ко-неч-но... Приключение в Городе-за-Дамбой – это вам не для слабонервненьких. И вовсе не из-за патрулей. Рыжая Чет миллион раз ходила со мной за синими грибами в Горелый лес. Другое дело – пойти в Город-за-Дамбой. Бойтся даже Мышка, который учится в Школе для Защитников Дела и приезжает на каникулы жить у Мумовой бабки. Такая уж это штука – Город-за-Дамбой.

Зики тоже очень трусил, хотя это он рассказал мне, будто бы в Городе никто уже не был лет двести. Ну, вы сами понимаете, не могла же я туда не пойти. Ну, и Зики тоже, сами понимаете, почему.

22 мая

Итак, мы пошли. В целях маскировки на нас были серые комбинезончики. Если увидят патрульные, можно будет притвориться, будто мы Потерянные Дети. Такого кто угодно испугается.

Но, слава глупости, нас никто не заметил.

На всякий случай мы до самых Серых Камней молчали. Зики, дурак, за этот час совсем отвык разговаривать. Когда мы сели, чтобы сделать первый привал, он долго заикался и только потом тихонько прошипел: «И кто бы подумал, что мы идем к Городу?».

Я тем временем разглядывала дорогу, которую перерисовала со старой карты, и ничего там не узнавала. Во-первых, сразу за остановкой был нарисован маленький мост, но там росла только трава по колено и никакого моста. Зики прошипел, что это важный ориентир, и мы стали его искать. Зики раздвигал траву длинными ногами, а я – просто ладошкой. Вдруг прямо из-под Зики выскочило что-то серое, как крыса, но не бросилось на нас, а понеслось прочь. Я чуть не заорала, но Зики сказал, что это не крыса, а древний пракролик. Я села на траву, сделала восемь вдохов и выдохов, чтобы избавиться от стресса, и мы пошли дальше.

Травы было жутко много. А Зики... нет бы – помочь. Шел и рассуждал, что трава, наверно, такая от рождения... Нет, от радона. Хотя разве это не одно и то же? Взрослые говорят, что все мы произошли от радона... или от урана? В общем, я запуталась немного, а тут и трава неожиданно кончилась. И пошли камни – наверно, этот самый радон.

Вдруг Зики как дернет меня за руку. Я как заору. А он спокойненько так говорит: «Смотри, мне липники рассказывали, что отсюда уже должно быть видно». Я как заору: «Что видно?!». Зики смотрит и тоже ничего не видит. Вернее, видит, как и я, старую насыпь на пересохшей речке, два облезлых земляничных дерева...

Пока он глазел, я от скуки пошла проверить, не осталось ли там земляники. Смотрю – и Зики плетется следом.

С полчаса мы ели землянику, а потом Зики сказал: «А что, если это и есть мост?». Я так и обмерла. «Но, – говорю, – на карте же мост возле станции». «Но карта-то старая. Он мог просто уйти».

И как я раньше не подумала! Только место, где трава кончается, второй раз искать было уже поздно. Солнце поднималось, и Зики пришлось наложить много веток, чтобы мы могли устроиться на ночь под земляничным деревом.

23 мая

Слава глупости! Ночь прошла спокойно. Хотя что могло случиться? Ночью даже крысокролики не бегают.

Вот только мост ушел еще дальше, и мы не меньше часа спорили: искать его снова или плюнуть и идти дальше. Зики настоял на плюнуть. Он и плюнул. Мы обсудили вспышку. Зики сказал, что и не петух, и не курица, слишком средне как-то он плюнул. Да, может, вы не знаете: если огонь горит вверх острым концом, мы называем это – петух, если наоборот – курица. Ну и идти надо, соответственно, налево или направо.

Но вышло ни то ни се. И мы пошли прямо.

Через час Зики заметил, что небо как-то подозрительно посветлело. Он тронул меня за

локоть. И тут – за тучами свистнуло.

«Да, – подумала я, – не хватало еще попасть в перевертыши».

Минус 23 мая

Спасло нас только то, что я вела дневник.

Вот так и получаются Потерянные Дети: попал в перевертыши и гадай потом, куда ушло время – вперед тебя или назад. И гадай еще, кто ты такой, а главное: куда ты шел. Иначе встретишь сам себя. Бр-р...

Надо, наверное, писать подробнее. Я-то сразу все вспомнила, а Зики... Ох, уж эти мужчины!

Надо прямо автобиографию написать. Значит, так.

Мир родился, когда что-то пыхнуло. И был он страшным и очень черным. Потом в нем появились окошечки, где и стали жить «настоящие челы», и были еще черные пустоши, где водились «страшные веки».

И тут я задумалась, а что же было дальше? Историю мы проходили только в минус пятом классе.

Потом, кажется, было Великое междуречие, когда... Нет, междуречие было потом. Значит, сначала возникли челы, потом была 1-я человеческая битва, потом 2-е остаточное сражение, потом первое, второе, шестое, восьмое и четвертое миротрясения. И, наконец, Великое междуречие, когда челов и веков осталось так мало, а может, и по другим причинам, но был заключен мир о непитаемости между владеющими речью. После этого прошло почти 2000 лет и 40 минус лет.

Мы живем в поселке Поющая Гора. Там больше ста настоящих жителей и дюжина проявляющихся. Но у нас их не очень уважают. У нас много молодежи, которая больше уважает живых стариков. Когда папаша Сюзи явился домой после смерти, она даже выселила его из дома в сарай. Так-то. Правда, дети рождаются каждый раз новые и разные. Но дети всегда бывают такими.

У меня обычная семья: один отец и две матери. А вот у Зики только отец. Наверно, отсюда все его странности: отцам трудно в одиночку производить полноценное потомство.

Учимся мы с Зики в семнадцатом классе обычной считописательной школы. Ну вот, пожалуй, и все.

Минус 22 мая

...вот тогда все у них получится! А дебушка сказал, что просто будет еще одна битва, потому что новое – это такое же старое, только хуже.

Я задумалась и не заметила, как мы снова перелистнулись. И вот тут-то мы, наконец, и увидели Город.

На вид Город-за-Дамбой был совершенно мертвый. Такой, как рисуют в старых книжках: с домами из некаменя (как можно жить в домах из мертвого некаменя?), с окошками в стенах (а огневки?), с железными крышами (их же весной мухи съедят!).

Мы с Зики взялись за руки и пошли в этот фантастический город. Разве мы могли туда не пойти?

12 августа, примерно

И тут случилось, наверное, миротрясение. Потому что все вокруг вдруг переменялось. Небо сделалось пугающе-голубое, на солнце стало больно смотреть, а Город-за-Дамбой словно бы ожил: улицы наполнились странными одинаковыми существами – у всех по две руки, две ноги, и, что уж совсем дико, – по одной голове! Да у нашего деревенского дурачка их четыре (что ему, в общем-то, никак не помогает в жизни). Мы, конечно, видели таких примитивных уродов в древних книжках, но чтобы все такие!

Мы долго стояли и смотрели на бедняг. Они не умели летать, не могли быстро бегать без своих железных коробочек на колесах, не могли вырастить прямо на себе одежду, им приходилось то снимать, то надевать ее... Да что там одежду! Они даже руку или ногу не могли отрастить... А стариков своих они морили гадким обращением и закапывали в землю. А детей били. Правда-правда. Мы с Зики через их стены все видели.

«Ты знаешь, – сказал Зики. – По-моему, эти жуткие кошмарные штуки и есть наши предки. Просто здесь дыра между старым миром и новым. И никакого Города-за-Дамбой нету».

Конечно, он был прав. Но я все равно сказала: «Неужели мы были такие?».

«Не мы, – уточнил Зики. – Полумы. Пройдут тысячи лет, и у человека будет столько голов и рук, сколько они хотят, и они научатся уважать жизнь в каждом камне».

«А если не научатся?» – спросила я.

«Считай, что научились. Ведь мы с тобой существуем. Даже если мы существуем вопреки их желанию – всё равно нас создали они. Они наши предки. И мы не должны осуждать их. Пусть живут».

«Конечно, пусть живут», – вздохнула я.

Да, мы могли бы стереть этот город в два плевка. Ну и что, если он создан тысячу лет назад.

Но разве можно сломать то, что ты не сделал?

Я подумала, что завтра, например, в этом месте может вспыхнуть война реальностей и никто больше не найдет дорогу в Город-за-Дамбой. Потому-то я и записала эту историю. Вдруг мы последние, кто видел предков? Они так изменили мир, что порой хочется войти в их время и тоже поменять им кое-что... Но, боюсь, никто не в силах ничего изменить в лучшую сторону. По крайней мере, в школе нас учили, что менять каждый вправе только сам себя. А по-другому – хочется, но просто не бывает.

Мы с Зики еще чуть-чуть постояли на холме над Городом, держась за руки, и стали спускаться вниз.

Ведь, чтобы подняться, нужно пойти вниз, не правда ли?

Евгения Ткалич.

ЗА ТРИ ДНЯ ДО НОВОГО ГОДА...

– И еще десяток яиц, пожалуйста.

Ольга стояла у прилавка маленького продуктового магазина и покупала продукты к ужину. Продащица в белой шапочке с пришитой блестящей мишурой (один из явных признаков приближающегося Нового года) складывала в пакет незамысловатый диетический набор – кефир, пачку творога, кило гречневой крупы.

И вот еще – яйца. Яйца, конечно же, здесь были лишними. Продукт, как утверждают диетологи, – вредный (холестерин!), хотя вкусный и сытный. Но, в конце концов, хочется же хоть иногда кое-что позволять себе!

Вообще-то, в последнее время всеобщая праздничная подготовка к новому торжеству раздражала Ольгу. Ну почему именно в эту ночь все должны быть веселы и счастливы?! Сколько раз она вот так же, с детской надеждой на чудо, ожидала этот праздник — и ничего не происходило, и ничего не менялось в ее жизни. Заурядная жизнь одинокой женщины средних лет, очень похожая на такие же серые будни знакомых сверстниц.

Уже девятый год Ольга работала бухгалтером в небольшой строительной фирме. Руководитель фирмы (он же — ее владелец) был чрезвычайно скуп. Ольга одна вела все бухгалтерские и финансовые дела, совмещая с этой работой еще обязанности кадровика и кассира. А отчетный период в конце каждого года вообще напоминал сумасшедший марафон.

В последнее время ее жизнь как-то особенно не ладилась.

Была ли Ольга несчастлива? Наверное — нет. У нее была неплохая двухкомнатная квартира в центре города (наследство от родителей), хорошо оплачиваемая постоянная работа. В далеком Калининграде жил ее единственный сын, оставшийся там после службы в армии и недавно женившийся.

Но можно ли было назвать Ольгу счастливой? Скорее всего, тоже нет. Не было в ее жизни того, что позволяло бы с радостью просыпаться по утрам, ожидая праздника, лета, какого-нибудь чуда. Жизнь казалась пустой и однообразной, похожей на исхоженную тупиковую дорогу, знакомую до последнего бугорка, до последнего камешка.

Дома, сняв в прихожей дубленку, Ольга прошла с продуктовым пакетом на кухню. Сегодня на ужин она приготовит глазунью. Или омлет? Ольга с треском раскрыла пластмассовую коробочку с яйцами. Ай-яй-яй! Одно яичко оказалось разбитым, полностью покрытым мелкими трещинками. Она протянула руку, чтобы вытащить его первым, и в это же мгновение яичная скорлупа рассыпалась, явив перед изумленной Ольгой маленький желтый комочек. Это мокрое, немного помятое существо, громко пискнув, бодро запрыгало на тоненьких, будто проволочных ножках по кухонному столу.

Цыпленок! Это был самый настоящий, живой цыпленок! Ольга даже не пыталась понять, откуда и почему взялось такое чудо. Древнее, женское повелевало прежде всего обогреть, накормить и приласкать, как любого другого малыша, оставшегося без материнской заботы.

Обогреть? С этим проблемы не было: большая коробка из-под обуви с газетой, постеленной на донышке, и переносная настольная лампа вполне годились для этого.

Очутившись в «гнездышке», Цыпа (у него уже появилось имя!) сразу же попытался поймать хотя бы одну из множества черных букашек-буковок, напечатанных на газетной бумаге. Да он же голодный! Накормить! Что же едят такие маленькие птенчики?

Как и большинство наших современников, Ольга все возникающие вопросы решала вместе с великим и премудрым Интернетом. Выяснилось, что питание цыплят в первые дни их жизни очень напоминает Ольгину диету.

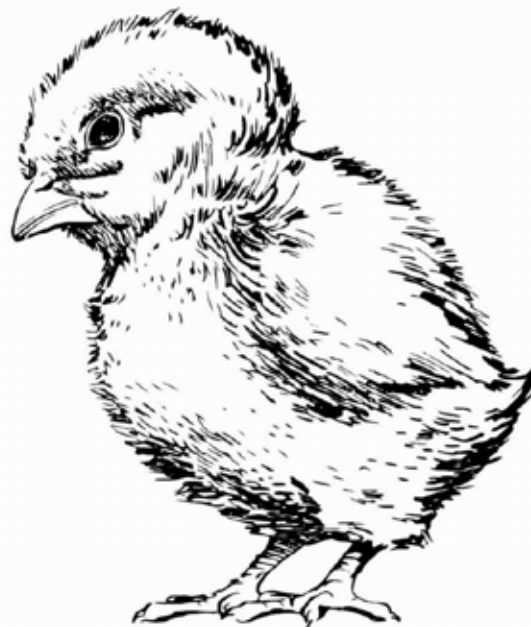
В последующий час Ольга спешно варила гречневую кашу, решив, что она будет не хуже рекомендованной пшенки, измельчала оставшиеся, сваренные вкрутую яйца, растирала творог. Всю эту Ольгину кухонную суету Цыпа сопровождал отчаянным писком, нахально требуя свою еду.

Но вот его ужин был готов и подан. Ольга с трепетом принялась наблюдать за истреблением опытной партией цыплячьего корма. Все прошло как нельзя лучше. Склевав из пластмассовой мисочки всю предложенную порцию и пополоскав клювик в баночке с водой, Цыпа встряхнул растопыренными крылышками и, прикрыв глазки-бусинки, затих.

Еще минут пятнадцать Ольга с умилением любовалась на это нечаянное чудо, а затем, так и не поужинав, легла спать.

Такой ужасной ночи у Ольги не было уже лет двадцать пять, с тех пор как у Лёшки, ее сына, резались первые коренные зубки.

Уже примерно через час проснувшийся Цыпа стал

громко и отчаянно пищать, вновь заявляя о своем желании кушать. Пришлось всю процедуру кормления повторить снова.

Цыпленок просил еду каждые полтора часа! Утром очумевшая от бессонной ночи Ольга, поставив варить случайно обнаруженный в кухонном шкафу рис и залив кипятком старые сухари (все приготовленное накануне Цыпа уже съел!), внимательно посмотрела на птенца. Что-то здесь не так.

У Ольги не было никакого опыта общения с курами, тем более с их молодняком, но этот обжора удивлял не только своим аппетитом, но и стремительными изменениями, происходящими с ним.

Мало того что цыпленку было уже тесно в обувной коробке, менялась и его окраска. Вместо нежного желтого пушка у Цыпы появились серо-голубые перышки, а его головку украсил задорный хохолок. И выглядел он уже не беззащитным малышом, а вполне самостоятельной юной птичкой. Впрочем, совсем не похожей на предполагаемую курицу.

Но жизнь шла по своему обычному распорядку, и Ольга стала собираться на работу.

Цыпе пора было привыкать к самостоятельности, поэтому ей ничего не оставалось, как расставить на полу кухни блюдечки с приготовленной для него едой. По Ольгиным подсчетам, этой еды даже ей хватило бы дня на два. Так что смерть от голода прожорливому Цыпе не грозила.

Давно у Ольги не было такого удачного дня. Да что там — давно! Никогда еще не было, чтобы ей вот так вот во всем везло. Несмотря на то, что она не выспалась, всю ночь пронычавшись с Цыпой, за один этот день Ольга сделала столько же, сколько за всю предыдущую неделю. Все люди (включая надменных сотрудниц налоговой службы) ей улыбались, а мужчины говорили комплименты. Даже руководитель фирмы пробурчал нечто, весьма похожее на похвалу. Но самым неожиданным сюрпризом был звонок от сына, который сообщил, что приедет сразу после Нового года, чтобы познакомить маму со своей молодой женой.

Настроение у Ольги было превосходным, именно таким, каким и должно быть за три дня до Нового года. Она была полна энергии и давно забытого детского ожидания чего-то необыкновенного и чудесного. Все это было так похоже на счастье!

Домой Ольга вернулась раньше обычного. После морозного вечернего воздуха в квартире показалось слишком душно. И еще появился какой-то запах. Нет, пахло не противно, но как-то незнакомо, не по-домашнему. Экзотично, что ли. Ольга прошла на кухню и открыла форточку. Здесь она сразу заметила, что блюдечки на полу были уже пусты. Как видно, Цыпа не терял времени даром.

Но где же он? Наверное, испугался и затаился где-нибудь. Ольга присела на стул и стала прислушиваться к звукам в квартире, всматриваясь в темноту под столом и в углах. Вдруг внезапный шорох заставил ее вскинуть голову.

Почти под самым потолком, на антресолях кухонного шкафа, сидела птица. Синяя птица! Нет, даже не синяя, а того невозможного, нереального цвета, который называют ультрамариновым. Чуть больше сороки, с таким же раздвоенным хвостом, она сидела, широко раскинув длинные крылья, и внимательно следила круглыми желтыми глазами за Ольгой. Эта синяя сказочная птица — ее Цыпа?!

Повинуясь непреодолимому желанию, Ольга придвинула стул к шкафу и, забравшись на него, протянула руки к этому чуду. Легко вспорхнув, птица сделала круг под потолком кухни и... нырнула в открытую форточку! Миг — и она исчезла во тьме декабрьского вечера.

Что это было? Галлюцинация? Сон? Но на полу все еще стояли блюдца и опустевшая обувная коробка. Значит, это Ольгино счастье, вот так вот — всего на один день! — залетало к ней... И вот его уже нет.

В груди нарастала безнадежная темнота непоправимой утраты. Заплакать бы, но произошедшее было слишком нереальным, слишком невероятным, чтобы понять и принять все всерьез.

Вдруг взгляд Ольги упал на руки. Они были в легких пушинках серой пыли. Ну, конечно! Сколько же она не заглядывала на антресоли? Месяц? Или больше? Ольга почти автоматически взяла кухонную тряпку и опять встала на стул, чтобы вытереть пыль.

Что это? Почти у самой стены ее рука нащупала мягкий тряпичный комочек. Она осторожно взяла его в руки и развернула. В клетчатой красно-белой ткани кухонного полотенца лежало идеально-белоснежное сияющее яичко, так похожее на те, что продаются в пластмассовых коробочках в любом продуктовом магазине.

Виктор Брылёв не имел ни одной прижизненной публикации. Единственный фантастический рассказ был опубликован 22 декабря 1989 года в газете «Молодежь Алтая». Виктор Иванович трагически погиб в январе 1989-го. Количество оставшихся рукописей невелико, они хранятся в семье поэта. Большая часть из них относится к 70-м годам прошлого столетия. Все, что было написано, в 1980-е исчезло. Существовала даже легенда, что его небольшая повесть была опубликована в Новосибирске под фамилией другого автора. Все могло случиться в лихие девяностые.

Анатолий
Корчуганов.

ВИКТОР БРЫЛЁВ

Фото и рисунки
из архива
редакции

Мое знакомство с Виктором состоялось на занятиях литературной студии в 1977 году. Внешне жесткий, малоразговорчивый, он не вникал в пустые разговоры. Стихосложению учился серьезно, и графоманского бреда слышать от него не приходилось. Работал он в то время в Лебяжинском мехлесхозе резчиком по дереву. Орлы и олимпийские мишки – ежедневная его работа. Был там и цех росписи – подносы, самовары, матрешки. Помнится, я ездил к нему в гости, удивлялся точности движений и умению работать с деревянным массивом. Ни одного лишнего движения. С той стародавней поры храню подаренную мне полукруглую стамеску. Практически через четверть века после его ухода из жизни, готовя телепередачу «Алтайский край в лицах», я встретился с людьми, которые знали Виктора. Потом было знакомство с вдовой Светланой Павловной, она все эти годы хранила рукописи мужа. От нее я узнал о том, как он жил и работал.

Виктор Иванович Брылёв родился в 1950 году в Барнауле, в семье, по которой со всей тяжестью прокатилась война. Отец Иван Степанович оказался в плену. Был во Франции, Германии, а после окончания войны его переместили в советский лагерь на Урале. Был расконвоирован и познакомился со своей будущей женой Устиньей Матвеевной. Она была вдовой, муж погиб на фронте. В 1949 году им удалось перебраться в Барнаул. В районе нынешнего телецентра выкопали землянку, потом построили насыпной домик. Квартиру получили в 1965-м в микрорайоне Школа садоводов. Там и прошла юность Виктора. Можно только догадываться, что о прошлом в семье не говорили. А если и выдавалась какая-то информация, то крайне скупое. Не-

сколько запоздав, Виктора Брылёва призывают в армию, во внутренние войска в Узбекистан. И тоже особо рассказать не о чем. Казалось бы, творчеству и взяться то неоткуда, но дар, если он есть, должен был проявиться. О том, что за время, в которое нам довелось жить, очень точно сказал наш студиец Александр Удовиченко (его тоже нет в живых, оба прожили по 38 лет): «Времена не выбирают, в них живут и умирают».

В фантастических рассказах Виктора Брылёва множество примет, которые он видел и понимал. Ему не понаслышке была знакома борьба за жизнь и умение сохранять человеческое достоинство. Вне всяких сомнений наша литература потеряла человека одаренного.

Виктор
Брылёв

ЯМА

– Стас! Поехали, прокатимся!

– Да мне тут еще доделать кое-что...

– Е-е-е, успеешь! Поехали! Смотри вечер какой, красота какая!

Стас молод. Ему двадцать четыре года. Работа скучноватая. Он соглашается.

– А на чем?

– Володька едет образцы свои бесконечные собирать. Мы с ним.

– А кто еще?

– Он да ты, да я, – Юрка смеется. Он тоже молод, ему двадцать два года – и жизнь прекрасна.

– Сейчас. Переоденусь...

– Зачем переодеваться, е-е? Мы же не в кратер полезем. Наденем колпаки, перчатки и все. Мы ненадолго. Крутанемся, вертанемся – поможем Вовке камушки собрать, проездом на пейзажи посмотрим, полюбуемся и назад.

Они спустились на первый этаж, зашли в раздевалку, взяли свои гермошлемы, машинально проверили наличие суточного запаса воды, дыхательной и питательной смесей. Стас в своем блок-пакете дыхательный брикет заменил, и, помахивая шлемами, они отправились в ангар.

У Володькиного глайдера уже топтались сам Володька и Урбан Бехтоев.

– Ну как дела, водитель? – крикнул Юрка. – Как машина?

– Машина – зверь, – ответил Володька. – Вот только Урбану блок-сигнал отдам, а то у него некстати полетел и его не выпустят на шлюзе.

Он открыл дверцу, сел за пульт, нажал фиксатор, вытащил блок и подал Урбану. Взял у него неисправный и поставил в гнездо. Урбан ушел к своему глайдеру.

– Ему далеко, за Радужную Грядку, ему нужнее, – как бы оправдываясь сказал Володька.

– Взял бы на складе, – бросил Стас.

– Да закрыто там, а ему нужно срочно ехать. У него там роботы чего-то напортачили – поедет разбираться.

– А, да этот блок-сигнал! Он практически не нужен, – закричал Юрка. – Никогда ни с кем ничего не случается и не случится, а случится – так зонды вмиг найдут. Он только место на пульте занимает.

– Страховка, – поднял палец Володька. – Ну, поехали, что ли?

– Поехали!

Они побросали шлемы на заднее сиденье и забрались сами: Володька за пульт, Стас и Юрка рядом.

– Машина в порядке? – крикнул дежурный у малого шлюза.

– В порядке! – крикнул Володька и улыбаясь помахал рукой.

Дежурный помахал в ответ и открыл перед ними ворота шлюза.

– Чегой-то он так тебе доверяет? – спросил Юрка, когда они остановились в шлюзовой камере. – «В порядке?» – «В порядке!» – и поехали...

– А ты когда-нибудь видел у меня неисправный глайдер?

– Да вроде нет...

– Он тоже.

Внутренние ворота закрылись, наружные немного погодя открылись, и они выехали со станции.

Вокруг громоздились горы. Они топорщились тонкими иглами острых пиков, они возвышались монолитными плитами плоских глыб и растекались волнами пологих склонов. Они нависали утесами, они убежали уступами. За их острые края цеплялись слабо развевавшиеся на легком ветерке полупрозрачные сиреневые облачка. Их упрямо и мрачно бодали, пытаясь столкнуть, тяжелые грозно-зеленые тучи. Ближние были весомы и реальны, дальние казались вырезанными из картона и прислоненными к зеленоватому темнеющему небосклону.

– Надо же! – восхищенно сокрушался Юрка. – Такая красавица и мертвая.

– Маловато воды, многовато ядовитых газов, – глядя в окно, откликнулся Стас.

– Да она молоденькая еще. Вот лет миллиардов через несколько, глядишь, чего и по-

явится, — Володька самый старший в их компании и потому склонен к прорицательству. Ему двадцать шесть лет.

— Ну что ж, посмотрим, посмотрим, — говорит Юрка.

Володька повел глайдер очень медленно и очень низко, и они наперебой тыкали пальцами во все стороны, вертели головами, ахали, восторгались, поражались, восхищались.

Покружив между скал, они спустились по пологому склону, миновали две высоченные и плоские, как небоскребы, скалы и, свернув за одну из них, въехали в узкое ущелье с вертикальными белоснежными стенами. Здесь Володька поднял глайдер метров на пятьдесят и, пролетев по ущелью еще метров триста, аккуратно вогнал его в малюсенькое (глайдер едва-едва не задевал бортами) отверстие в скале, оказавшееся входом в просторную, как ангар станции, пещеру. Под лучами прожекторов глайдера стены пещеры искрились и переливались, как земной снег при лунном свете.

— Что это? — спросил Юрка почему-то шепотом.

— Это тот участок, где я хотел поработать, — тоже шепотом ответил Володька. — Ну надевайте колпаки, ребята, — приехали, будем выходить. Я себе камушков наколупаю, а вы красотой полюбуетесь.

— Чего вы шепчетесь? — шепотом спросил Стас.

— Чтоб ее не потревожить, — ответил Володька.

— Кого?!

— Красоту, естественно.

И они, негромко засмеявшись, надели шлемы и вышли из глайдера. Володька достал из грузового отсека инструменты и, включив фонари на шлеме, направился куда-то вглубь пещеры. Юрка потоптался немного возле глайдера и ушел к Володьке. Стас остался в глайдере и стал осматривать стены пещеры. Их белизна и хрустальное сверкание напоминали новогодние праздники и настраивали на домашний лирический лад, пробуждая воспоминания, вызывали сладкую тоску в душе. Говорить, и правда, хотелось только шепотом и, может быть, даже стихами.

— Стас, — услышал он голос Юрки, — принеси мешок из багажника. Образцы сложить.

— О мрачный быт! О проза жизни! — пробормотал Стас, порывшись в грузовом отсеке, нашел мешок и побежал на свет фонарей.

— Вот, господи-эксплуататоры, извольте получить! — сказал он, подбегая.

— Держи мешок!.. — распорядился в ответ Володька.

Стас, поклонившись, подпрыгнув и шаркнув ногой, выполнил распоряжение, Володька и Юрка стали бросать в мешок отобранные камни.

Вдруг под их ногами раздался резкий звонкий шелчок, переливчатым гулом отозвавшийся под сводами пещеры. И сразу что-то с оглушительным грохотом захрустело, как разгрызаемый кусок рафинада. Опора под ногами исчезла, и они, не успев ничего понять, полетели куда-то вниз. Стас ударился грудью, потом его ноги, как ему показалось, звонко стукнули о камень, его несколько разшибануло по спине и по рукам, некоторое время еще сухо шелкали падающие камни, затем наступила тишина. И в ней невероятно громко прозвучал стон. Стас открыл глаза. Под ним кто-то пошевелился, и опять раздался стон. Стас встал и увидел, что он лежал на Юркиной спине, а оба они — на Володьке. Стонал Володька. Стас помог Юрке встать, и они склонились над Володькой. Фонари его шлема светили им прямо в глаза, и парни, щурясь от их ослепительного света, все пытались заглянуть Володьке в лицо. Наконец Стас догадался, что фонари можно отключать. И они сразу увидели Володькино лицо. Лишенное теней в перекрестном свете их фонарей, оно казалось особенно бледным и каким-то плоским. Лоб и верхняя губа были покрыты крупными каплями пота. Со лба капли медленно стекали на виски и терялись в короткостриженных волосах. Юрка нерешительно потряс Володьку за плечо. Тот застонал.

— Володька, Володя, как ты себя чувствуешь? — дрожащим голосом спросил Юрка. Стас поразился необычности фразы по отношению к Володьке. Володька всегда себя чувствовал прекрасно, и было странно думать, что он может чувствовать себя иначе.

— Боли-и-ит... — простонал Володька.

— Где? Что болит? — одновременно спросили Стас и Юрка.

— О-очень боли-ит... Си-и-ильно...

Стас повернул голову и увидел Володькины ноги. Карикатурно короткая правая лежала пяткой вверх и была согнута в двух местах наподобие молнии с энергетических шкафов. Стас почувствовал, как кровь отлила от головы, а к горлу подкатила тошнота. Он медленно отвернулся, и свет его фонарей, скользнув по правому Володькиному боку, вдавленному здоровенным камнем, остановился на правой Володькиной руке — согнутая под прямым углом выше локтя, она, казалось, спокойно лежала на том же камне, и только комбинезон на сгибе остро топорщился. Стас с трудом проглотил рвавшийся

наружу комок и присел — обмякшие ноги отказались держать.

— Что же делать? Что же делать? Ой, что же делать? — услышал он Юркино бормотание. Юрка топтался возле Володьки, не зная, куда девать ставшие вдруг лишними руки. Он то упирался ими в колени, то закладывал за спину, то хватался за шлем...

— Ну ты же недавно учился!

— Ничего не помню. На это есть роботы!.. Ой, что же делать, что же делать, что же делать?!

— Я тоже ничего не помню. Лезет в голову какая-то ненужная ерунда. А в такой ситуации, если не знаешь, что делать, — лучше ничего не делать.

— Но он же мучается! Помочь ведь нужно!..

— От твоей бестолковой помощи ему станет только хуже. Лучше не трогай. Будем надеяться, что нас быстро найдут.

Стас осмотрелся. Они свалились в большую яму, или небольшую пещерку каплевидной формы, метров десяти—двенадцати глубиной и около пяти метров в диаметре здесь, внизу, где они находились. О том, чтобы выбраться отсюда самостоятельно, без помощи извне, не могло быть и речи. Заныли ушибы на спине и на руках. Как-то остро и противно заболел мизинец на правой ноге.

Володька время от времени стонал, просил пить. Юрка, манипулируя трубкой подачи воды, как мог поил его.

— Прошло уже два часа, как мы сюда свалились, — сказал Стас.

— Сейчас бы блок-сигнал сработал на долгое отсутствие команды, — отозвался Юрка.

— И здесь бы уже были люди, — продолжил Стас.

— Нам нужно экономить дыхательную смесь, — добавил он, помолчав.

— Ты как думаешь? — неуверенно спросил Юрка.

— Да... И воду тоже...

Их нашли через трое суток. Двое были мертвы. Один еще жил. Стас.

В дверь капитанской каюты тихонько постучали, затем она приоткрылась, раздалось негромкое «Разрешите?», и в каюту бочком проскользнула невысокая стройная девушка.

— Входи, входи, Марина. Что у тебя?

— Я, Владислав Сергеевич, относительно Владимира Павловича и Юрика... Юрия Алексеевича. Понимаете...

— Да-да. Я слушаю тебя, говори.

— Понимаете, Владислав Сергеевич, это действительно налет.

— Какой налет? Чей? Что ты такое говоришь?!

— То есть не налет, а пыль...

— Какая пыль? Мариночка, ты не волнуйся, присядь и расскажи все толком и с самого начала.

— Ну вы помните, Владислав Сергеевич, — продолжала Марина, игнорируя предложенное кресло, — когда их привезли, всех поразили их лица, то есть их цвет — такие синие с белым налетом. Помните?..

— Ну конечно, помню — всего два дня прошло...

— Так вот я вам и говорю, что это пыль.

— Не понял? — сказал капитан, хотя все мгновенно и прекрасно понял.

— На их лица осела пыль в той расселине, где их нашел Бехтоев. На скафандрах нету — они самоочищающиеся, а на лица осела. Мы думали, шлемы были все время закрыты, поэтому никто не подумал, а я случайно...

— Подожди, девочка, — поднял руку капитан. — Подожди.

Он встал и, скрестив руки на груди, заходил по комнате.

— Вот как, вот как, вот как, — подошел к пульту, нажал кнопку. — Бехтоев, ко мне.

Остановился перед Мариной, почти силой усадил ее в кресло.

— Вот как, вот как, вот как.

Вошел Бехтоев.

– Здравствуй, Владислав.
– Здравствуй, Урбан. Скажи, когда вы их нашли, их шлемы были закрыты?
– То есть?.. В каком смысле закрыты?
– Расскажи, Марина.
– У них на лицах пыль.
– Какая пы... Что-о-о! Вот гад!.. С чего ты взяла?! Откуда пыль?!
– Да я сначала случайно, а потом немного соскоблила. Думаешь, приятно было?! Я и анализ тканей их лиц сделала. Вот, пожалуйста, – я принесла и анализ пыли, и анализ ткани. Вот, – она торопливо вынула из огромного нагрудного кармана микроанализатор и стала тыкать пальцем в кнопки, показывая им экран. – Вот, пожалуйста, смотрите. Я вначале сама не поверила своим глазам, но вот вывод-результат – ткани лица имели контакт с местной атмосферой. Химический анализ, спектральный анализ, электронный... Вот, пожалуйста.

– Когда мы их нашли, шлемы были закрыты! Вот гад! – Бехтеев ударил кулаком по стене, у которой стоял. – Вот гад!

– Бехтеев!
– Что Бехтеев, что?!
– Успокойся, Бехтеев! Вот что.
– Поразительно, – прошептала Марина.
– Что поразительно?! – взвился Бехтеев. – Что поразительно?
– Это все поразительно – пыль на лицах, вы так разговариваете...
– Как мы разговариваем? Как?!
– Не кричи на меня!
– Прекратите немедленно! – капитан хлопнул по столу ладонью.

Марина и Урбан замолчали и удивленно посмотрели друг на друга.

– Где он? – спросил капитан.

– В госпитале, конечно, – отозвался Бехтеев. И добавил: – Надо было это сделать... Как оно называется?.. Зондирование? Просвечивание? Патологоанатомирование, что ли?..

– Надо, – подтвердил капитан и связался с госпиталем: – Здравствуйте, Василий Павлович, – обратился он к возникшему на экране главврачу.

– Здравствуйте, Владислав Сергеевич.
– Как там наш больной, Василий Павлович?
– Вы знаете, поразительно жизнестойкий организм! Поразительно! Он уже практически здоров, и это при самой минимальной помощи с нашей стороны.
– Вы знаете, наверно, лучше все-таки завтра. Хотя он чувствует себя в общем-то неплохо, но некоторая депрессия в результате пережитого нервного напряжения...
– Хорошо, пусть будет завтра. Скажите, у вас ведь есть аппарат, чтобы заглянуть внутрь человеческого организма, с прекрасным объемным и цветным изображением на экране? Должен быть, я что-то такое помню. Не напомним, как он называется?
– У него сложное узкоспециальное название. К чему вам это помнить? Есть, конечно, как без него? Я не представляю себе медпункта без такой аппаратуры. Есть ли он вообще? А что вы хотели?
– Понимаете, Василий Павлович, нужно этим аппаратом осмотреть наших погибших ребят...
– Да-да, конечно. Конечно. Как я сам забыл?! Ведь это элементарно. Конечно. Но такое происходит не каждый день. Растерялся несколько. Первый случай. Конечно, сделаем. Конечно.
– Я и Урбан Жолбынович хотели бы присутствовать.
– Пожалуйста, но вряд ли это может доставить удовольствие.
– Как вы догадываетесь, мы не ради удовольствия, Василий Павлович. И по возможности нужно будет взять анализ тканей легких, носоглотки, гортани.
– Конечно-конечно... Но зачем?
– Я сейчас приду к вам, Василий Павлович, и все объясню.

– Стасик, маленький мой! Ну как ты тут? Воробышек мой ненаглядный! – это мама. Она вернулась из очередной межзвездной экспедиции и приехала к нему в интернат «Лесное озеро».

– А папа? Где папа?
– Папа дома, сыночек! Поехали к нему скорее. Я договорилась – тебя отпустят на два дня. Да и как бы не отпустили моего сыночка, мою ненаглядочку?! – мать обнимает его и целует, целует: – Ты не болел здесь, солнышко?

– Не-е-ет, – неуверенно тянет Стас.

– А что же такой бледненький? А какой худющий! Совсем заморили ребенка своим режимом! Всё! Бросаю к черту эту работу и буду заниматься сыном.

Стас сел с мамой в желтый с белыми ромашками по борту глайдер и... проснулся от ощущения, что на него смотрят. Но глаза открывать не стал, продолжая лежать неподвижно. Какой чудесный сон. Мамочка!.. Наверное, больше никто не будет так его любить. Из-за этой фанатичной любви у мамы частенько возникали размолвки с отцом. «Кого ты воспитываешь? – кричал отец. – Это что же за моральный урод будет жить в коммунистическом обществе?! Ему среди людей жить! Приучи его, как приучают детей, заботиться о других больше, чем о себе, ему же лучше будет!». Но отец на Земле почти не бывал, и все, что он говорил, бесследно растворялось в воздухе.

Мама давно, когда Стаса еще не было, попала в одной из своих экспедиций в какую-то аварию. Немножко облучилась, немножко отравилась каким-то газом, долго потом болела, и Стасик родился болезненным, слабеньким, мама постоянно боялась за его жизнь. Всячески оберегала его, баловала, заваливая игрушками и закармливая всевозможным «вкусненьким», «сладеньким» и «полезненьким». Стасик не побывал в деткомбинате, и мама долго не отдавала его в интернат. Она боялась, что там он будет никому не нужен – не кормленный, не поенный, не умытый. Сразу заболит тысячей болезней. Она боялась, что дети его будут обижать, бить, могут выколотить глазик или научат чему-нибудь дурному. По этим же причинам она не позволяла Стасику играть во дворе дома, где они жили.

Ощущение взгляда на лице не проходило, и он открыл глаза.

Посетителей было трое. Главврач, Бехтоев и капитан. Они молча смотрели на него, стоя у двери бокса.

– Здравствуйте, Славинский, – увидев, что он проснулся, произнес капитан.

– Здравствуйте, товарищи! – Стас сел на кровати. – Если бы вы знали, как я рад видеть вас!

– Мы тоже рады... Видеть вас. Живым...

– Да! Какое это, оказывается, счастье – быть живым!.. Быть живым!..

– Как вы себя чувствуете?

– Хорошо! Достаточно хорошо для воскресшего из мертвых.

– Мы хотели бы задать вам несколько вопросов, если вы в состоянии на них ответить?..

– Да-да, конечно. Пожалуйста, задавайте!

– Что вы думаете относительно гибели Буковского и Рдукова? От чего они померли?

– Наверное, от того же, от чего едва не помер я, – задохнулись. А Буковский, вероятно, еще и от потери крови или от шока.

– Однако вы живы.

– Вы ставите это мне в вину?

– Я пытаюсь выяснить, как вам это удалось.

– До минимума сократил подачу воздуха из блок-пакета, я не сразу тратил отработанный воздух, а вдыхал его несколько раз. Дышать старался редко, верхушками легких, задерживал дыхание, старался не двигаться. Я и им советовал делать то же, даже сам регулировал подачу воздуха, но им, наверное, не хватило силы воли.

– На их лица осела белая пыль из того грота, где вас нашли, а их легкие буквально развалились под воздействием местной атмосферы, как вы объясните это?

– Когда стали задыхаться от нехватки воздуха в блок-пакетах, они открыли гермошлемы...

– Но когда вас нашли, шлемы были закрыты...

– Это я закрыл – не мог смотреть на их лица.

– В пазах блок-пакетов вашего и их гермошлемов тоже обнаружены следы пыли.

– Да, я брал их блок-пакеты, надеясь хоть на какие-то остатки, но они были совершенно пусты... А почему, собственно, мы говорим обо всем этом? В чем вы меня обвиняете?!

– Видите ли, молодой человек, все, что вы нам рассказали, было бы совершенно правильно, если бы не одно обстоятельство – Рдуков и Буковский умерли за шестьдесят девять часов до того, как вас нашли. То есть буквально через два-три часа после вашего падения в яму. Удивительно быстро кончилась дыхательная смесь в блок-пакетах, не правда ли?

Стас лежал тогда на спине, разглядывал дыру, в которую они провалились, слушал приглушенные стоны Володьки, Юркино бормотание и вдруг понял: это все, конец, в этой яме их найдут не скоро, а значит, он умрет, и эта дыра наверху, играющая гранями изломов, в свете фонарей гермошлема, – последнее, что он видит, а стоны и бормотание – последнее, что он слышит. И это они – эти двое – крадут у него жизнь, хотя один – уже не жилец, а второй – суетливый, бестолковый бездарь, и, значит, просто недостойн жиз-

ни. А ведь это один из них заманил его на эту дурацкую прогулку, а другой своими руками отдал все шансы на спасение чужому дяде. И теперь он должен здесь с ними вместе безропотно подыхать? Ну уж нет, извините.

– Экономить нужно дыхалку, экономить, балда, – сказал он Юрке. – А ты сопишь, как в оранжерее. Дай-ка, я тебе подрегулирую, у тебя руки деревянные, что ли?

Он подошел к Юрке и быстрым уверенным движением нажал фиксатор, открыл его гермошлем и тут же вынул автоматически отключившийся блок-пакет. Юрка постоял с минуту, странно загребая руками и вытаращив глаза, затем судорожно вдохнул и рухнул навзничь, схватившись за края гермошлема.

Стас повернулся к Володьке, тот был в сознании и с ужасом следил за каждым его шагом. Попытался даже обороняться здоровой рукой, но Стас быстро сломил это нелепое сопротивление. Открыл шлем и вынул блок-пакет..

– Да, удивительно быстро кончилась...

– Властью, данной мне законом об автономных станциях, я мог бы наказать вас сам либо назначить суд, но я отправлю вас на Землю. Вас должны судить на Земле, ибо то, что вы совершили преступление не только и не столько перед теми тремя тысячами человек, что живут на нашей станции, это преступление перед всем разумным человечеством.

– Меня судить? За что? Да это вас надо судить! Бехтеева надо судить!..

– Меня?! – удивился Бехтеев.

– Тебя, именно! Кто забрал у нас исправный блок-сигнал, а нам подсунул свой тухлый?

– Но меня бы иначе не выпустили со станции...

– Ага! Его бы не выпустили! А почему нас выпустили? Это вы, капитан, распустили людей: дежурный кладовщик неизвестно где, дежурный механик даже не подошел к нашему глайдеру, дежурный на шлюзе даже не включил аппаратуру, когда нас выпускал. Небольшая нечестность ведет к большим несчастьям, особенно в обществе, где все основано на честности.

– Мы тоже ответим за свои проступки...

– Они ответят за проступки, а меня будут судить за преступление?.. Забавно!..

Он вдруг ударил капитана головой в живот и кулаком в лицо, швырнул тщедушного доктора на Бехтеева и, выскочив из бокса, промчался по коридору, ворвался в диспетчерский пункт и заперся там. Связался с боксом и усмехаясь сказал:

– Сейчас вот я проведу ионную продувочку помещений по схеме «Вторжение чужеродных организмов», тогда поглядим, найдется ли на станции, кому меня судить или отправлять на Землю, – и отключил связь.

– Ну все-все, Мариночка... Ну хватит, хватит, успокаивайся, девочка, успокаивайся, – капитан гладил всхлипывающую Марину по голове.

– Да как будто я каждый де... Как будто я каждый де... Каждый день... Как будто я...

– Ну все-все. Успокаивайся и расскажи, что тут у вас произошло. На вот водички выпей и рассказывай.

– Ну да что рассказывать, – продолжала всхлипывать Марина. – Я перед выездом со станции зашла в диспетчерскую к Соне, а ее где-то не было, я села в кресло, чтобы ее подождать, и уронила колпак... То есть гермошлем, и он закатился вон туда – между силовым шкафом и автономкой... шкафом автономного жизнеобеспечения, а тут, вот видите то кресло стоит, на котором я сидела. Ну я туда забралась, только гермошлем-то взяла, а тут он забегает. Закрылся сразу на аварийку, потом к пульту – и говорит: «Я сейчас вам ионную продувочку, чтобы меня судить было некому». И стал там кнопки нажимать, а кибер ему: «Не обнаружено», «Не полная эвакуация», «Не обнаружено». Он тогда как закричит: «Ах ты, железина противная! Не хочешь по-доброму, так мы тебя накоротко. Без твоих дурацких мозгов обойдемся!». Вынул на пульте два блока и стал туда Сонину шпильку совать. Их там много на пульте лежит, вон видите? Ну тут я тихонечко подкралась и его гермошлемом стукнула. А потом вам дверь открыла. Самое трудное было – неслышно из-за кресла выбраться. И все равно – когда я уже замахнулась, он обернулся, и я его из-за этого по лицу... Он за лицо схватился, и я его еще раз, по голове... И – у него кровь... И он упал. Я так напугалась!.. Ой, Владислав Сергеевич, а он не умрет? – Марина опять разрыдалась.

– Он, скорее всего, не умрет. А ты молодец, Марина! Ты очень кстати уронила свой гермошлем за кресло. Но он-то! Откуда, как мог появиться подобный реликт?! Не понимаю! Не понимаю!..

Капитан пожал плечами и потрогал разбитую губу..

18 лет назад в Государственном художественном музее состоялась выставка студента НГХУ Николая Короткова. Невиданная дерзость для студента выставиться там, где не каждый преподаватель сможет! Впрочем, для девяностых эти правила уже не действовали.

Зинаида
Аннибал.

НИКОЛАЙ КОРОТКОВ: ДИЗАЙНЕР И ФАНТАСТ

Как смелая выходка запомнился посетителем «Стул для созерцания», стоящий в центре экспозиции одноимённой выставки. Об этом стуле вспоминают до сих пор!

Уже тогда Коротков воспевал простые вещи и продолжает это делать сегодня в качестве известного художника и дизайнера. К примеру, выставка «Полёт над кризисом» 2009 года включала в себя ассамбляжи, то есть коллажи с использованием различных, самых обиходных предметов. В ход шло дерево, проволока и тому подобное «бытовое сырьё».

Впрочем, Коротков воспевал не только предметы быта, но и Барнаул, причём делал это без натужного патриотизма. Он рисовал город как фантаст: с необычных ракурсов, ярче, чем он есть на самом деле, дополняя его несуществующими деталями. Выставка «12 историй про Барнаул» собрала эти работы в стенах ГМИЛИКА. После реди-мейда, ассамбляжа и живописи пришёл черёд фотографии. Выставка «Появление и исчезновение Никольской церкви» была фоторепортажем художника о том, как с 2004 по 2010 года изменялась Никольская церковь, как священное затмилось профанным: то есть церковь торгово-офисным зданием.

Образование помогло Короткову овладеть трудоёмкой техникой печатной графики.

На последних выставках в «Республике ИЗО» и зале театра Музыкальной комедии он, кроме уникальной графики, показывал и гравюры: размашистые, грубоватые, но при этом камерные, всё на те же темы быта и города. Его графика похожа на иллюстрации к историям, которые даже не нужно записывать, достаточно внимательно прочитать саму работу. Всмотреться в пассажиров 55-го автобуса, подняться взглядом по нескольким уровням городского пейзажа, от деревянных домиков — к новостройкам.

Уже на «Чёрнобелой» выставке в «Республике ИЗО» Коротков расширил экспозицию с помощью слайд-шоу своих эскизов, сделанных в графическом редакторе планшета. В последнее время художник переходит на цвет и делает симметричные цифровые коллажи, где небольшие истории расширяются потоком ассоциаций, возникающих между предметами. Как то человек в малиновом пиджаке и с телевизором вместо головы, или античная статуя, принимающая душ на сцене концертного зала. И это ещё не самое сюрреалистичное, что можно найти в новых работах.

Эта, фантастическая, сторона творчества Короткова отдельной выставкой ещё не обозначена, значит, у него — и у нас, публики, заинтересованно следящей за эволюцией автора - всё впереди.

Николай Коротков. Семь сторон света: Новая Москва.
Компьютерная графика.

Николай Коротков. Семь сторон света: 10 историй о любви и смерти.
Компьютерная графика.

РАБОТЫ, ЭКСПОНИРОВАВШИЕСЯ В ГАЛЕРЕЕ «РЕСПУБЛИКА ИЗО»

*Александр Андрусенко.
Москвичка. 2010 г.
х., м. 85х95*

*Елена Булатова-Пагель.
Ангел. 2004 г.
бум., смеш. техн. 70х50*

Леонтий Зыбайлов. Люди. 1977 г. карт., м. 20х34

РАБОТЫ, ЭКСПОНИРОВАВШИЕСЯ В ГАЛЕРЕЕ «РЕСПУБЛИКА ИЗО»

Денис Октябрь.
Забутые истории 2. 2012 г.
х., м. 90x140

Сергей Дыков. Алтайский парень .
2008 г.
х., акрил. 72x60

Альфред Фризен.
Автопортрет на даче. 2007 г.
карт., м., гуашь. 98x60

Галерея «Республика ИЗО» открылась в январе 2012 года и стала крупнейшей независимой выставочной площадкой Барнаула.

БАРНАУЛЬСКАЯ «РЕСПУБЛИКА»

Лидия Зиновьева.
Фото из архива галереи.

Случилось это благодаря арт-критику Вадиму Климову, он же определяет выставочную политику галереи все это время. Еще в 1980-90-х годах Климов организовывал выставки андеграундных художников. Он и сегодня в первую очередь ратует за свободу творчества, не предпочитая один стиль в живописи всем остальным.

При этом открылась галерея выставкой пейзажа «Маленькая родина», скорее подходящей для выставочного зала Союза художников. В ней приняли участие профессионалы: Валерий Марченко, Александр Шишкин, Сергей Погодаев, Валерий и Денис Октябрь, Николай Острицов и другие. Затем прошли групповые выставки других жанров: натюрморта, портрета, ню... Объединяло их декларируемое Климовым серьёзное отношение к качеству выставленных работ.

Первым искусствоведом галереи стала Алёна Воеводина, выпускница факультета искусств АлтГУ и преданный поклонник классической живописи. Однако это не мешало ей создавать атмосферные и лишённые музейности экспозиции. Одним

из самых необычных стал проект «Родная речь», созданный вместе с молодым художником Иваном Дмитриевым. Зауток галереи стал читальным залом для знакомства с изданиями местных авторов, от первого сборника стихов Александры Вайс до номеров альманаха «Ликбез». В галерее проходили и проходят творческие встречи с писателями, презентации книг и новых номеров независимого альманаха «Ликбез», лекции о литературе, философии, искусстве. Это соответствует тенденциям – во всем мире выставочные залы стали не только местом созерцания, но и площадкой, объединяющей местную культуру во всех её проявлениях.

Площадь галереи составляет половину квадратного километра, что позволяет вместить крупные проекты. Возможно, главным из них стала групповая выставка к 15-летию художественного объединения «Номады», представившая зрителям работы ярких представителей сибирской неоархаики: Ларисы Пастушковой, Сергея Дыкова, других участников движения – Владимира Опары, Елены Булато-

вой-Пагель, а так же философа и идеолога объединения Леонтия Зыбайлова. Если со столичным неофициальным искусством уже более-менее знакомы многие — оно активно воспроизводится масс-медиа, его можно найти в Интернете — то сибирский нонконформизм остаётся для большинства белым пятном, а зрелое профессиональное искусство Сибири — местечковым явлением, где о художнике часто узнают только тогда, когда он «выбивается в люди» в столицах.

Отмечу к слову: кроме как в «Республике ИЗО» местных нонконформистов в Барнауле выставлять, по сути, нигде. Государственный художественный музей в последнее время работает вполсилы, ожидая реконструкции основного здания. Выставочный зал СХ имеет отчетливо традиционалистские наклонности (исключения — молодёжный проект «Аз.Арт. Сибирь», к появлению которого 20 лет назад, кстати, был причастен Вадим Климов, и групповые выставки, на которых собирают всё, что выпадает из реализма). Галерея «Кармин» просто закрыта. «Открытое небо» и «Universum» в последнее время оказывались в зыбком положении по разным причинам. Их не видно в медийном поле и на крупные самостоятельные проекты у них просто не хватит сил. Благо, в штатном режиме работают галерея Щетининых, «Турина гора» и «Бандероль»: выставки сменяются регулярно, о них знают и даже работы продаются. Но выставки эти — камерные, чаще — персональные. Иногда — просто проходные.

Впрочем, без последнего не обходится и в «Республике». Ведь же сменяемость выставок здесь та же, что и в других галереях, а площадь в несколько раз больше...

В общем, принять масштабные выставки вроде «Сибирский андеграунд. 20 лет спустя», кроме «Республики ИЗО» у нас было некому. Проект куратора музея «Эрарта» Владимира Назанского показал барнаульцам малоизвестную страницу истории российского нонконформистско-

го искусства: работы художников «Белой галереи» и студии «Март» (г. Новосибирск).

А самым масштабным проектом за время существования галереи стала фотовыставка «Пространство Сибирь», которую организовала приглашённый куратор Валерия Ветошкина. Около 600 фотографий со всего мира заняли всё пространство «Республики», они показали Сибирь со всех сторон: пейзажи, дороги, города, деревни и их жителей. Многие зрители приходили на выставку по несколько раз, чтобы суметь охватить всё. Даже работникам галереи, которые видели эти фотографии почти каждый день, некоторые снимки открылись только в момент их снятия со стены.

Галерея активно поддерживает молодых — в проекте «Собрание» третий год подряд вставляются около 70 местных авторов до 35 лет. Пока что работы практически не отсеиваются, стены галереи терпят всё, оставляя оценку работ на откуп зрителю. Только «Собрание» сегодня может охватить практически всё молодое искусство, со всеми плюсами и минусами.

Выставки меньшего масштаба делят галерею на зоны, так что маститые фотографы, например, могут быть выставлены в соседнем зале с начинающими. Таким образом они невольно знакомятся друг с другом, а литераторы, пришедшие на свои мероприятия, с обоими сразу.

Все это хорошо, но «выставочная беспринципность» галереи часто расценивается как минус. Зритель не знает, чего ждать от новой выставки. Случались и неудачные проекты, идейно пустые, скатывающиеся в показ красивых картинок... Но это беда не только «Республики ИЗО» — категоричное и громкое высказывание для художника сегодня тяжелая ноша!

Поэтому позиция галереи, готовой обеспечить стены и крышу над головой всем желающим создавать художественную среду города, все же вызывает скорее уважение.

ОТ ИЮЛЯ ДО ДЕКАБРЯ

Наталья
Николенкова.

АВТОПОРТРЕТ

*Я потрясающе красива.
(Достаньте фото из архива.)
От солнца прячусь, как вампир.
И незатейливый пунктир
Любви моей к врачу и мужу —
Скорее дождь, чем солнце. (Нужен
Какой-то плавный переход
К проблеме счастья и ошибок.)
Ум — неглубок, рассудок — зыбок,
А нервы — как стальной канат.
(Здесь следует молчание ягнят
Или улыбки октябрат.)
Закончите видеоряд!
Ведь Вы — художник, говорят.*

*Сегодня слепой снег.
Сегодня тепло мне.
Сегодня молчит враг.
Молчит, потому что дурак.*

*Я знаю все семь нот.
Я знаю: мороз - жжёт.
Сегодня легко врать.
Сегодня - зима, брат.*

*В одуванчиках есть витамины,
Фосфор, магний, железо, свинец.
Я иду с головою повинной,
Как черкешенка под венец.
А в груди — пузырьки предвкушенья,
Как шампанское, жгут и бодрят.
Я опять принимаю решение,
Все решения подряд.
Здравствуй, лето! Лети, как комета,
Не обманывай и не жалей!
Я заранее знаю ответы
Каждой глупой загадки твоей.*

*Всё расплавится, утечет,
Всё растащат проворные мыши.
Не ведите потерям счет,
Не пишите о них афиши.
Всё пройдет, понятно ежу,
Испарится, в мозгу сохранится.
Я ладонь раскрытой держу,
Выпускаю синицу.*

*Выросли, выросли, снова выросли
Срезанные в июле газонокосилкой
Одуванчики, подорожник,
заячья капуста,
Лопухи, тимофеевка, лебеда!
Снова есть на что садиться стрекозам,
Снова есть на чем остановиться взгляду,
Снова желтеет мышинный горошек —
А косная газонокосилка
Исчезла без следа.*

*Бактерицидный лейкопластырь,
Фосфоресцирующий зной.
Обворожительным балластом
Стоишь на площади Сенной.*

*Да, будет утро, будет вечер,
А ночи - кратки и белы.
Ура, что защититься нечем,
Не вырваться из кабалы.*

*Поправь баланс кислотно-щелочной —
Купи себе немного коньяку.
У голубей сегодня выходной,
У дворников сегодня перекур,
На мудреца довольно простоты,
У города сегодня юбилей,
И на деревьях поровну почти
Зеленых баксов, золотых рублей.*

Фото
В. Савченко.

Быть голубем, пить из луж,
Ходить босиком по асфальту,
Питаться крошками душ,
Валяющихся где попало.
Что проку в такой еде?
Не станешь добрей и моложе.
Люби пузыри на воде
И хляби небесные — тоже.
Пусть сон твой будет глубок —
Хотя бы такая малость.
Ходи по воде, голубок!
Кому-то уже удавалось.

Кофе со сливками, хлеб с шоколадом,
Виски со льдом.
Это — повадки детского ада,
Это — твой дом.

Ты просыпаешься в августе нежном,
В креме-брюле,
С невыразимо сладкой надеждой
Жить на земле.

Каждая тварь мимолетного царства,
Каждый мураш
Знает, что лето — это лекарство,
Что август наш.

Если садятся на пальцы стрекозы,
Пахнет травой —
Переживем грозы-морозы,
Нам не впервой!

Мокрое золото, хрупкая медь,
Ветреный мир.
Надо успеть:
Скоро барокко будет ампир.
Плаваются мысли, как шоколад
В теплых руках.
Листья летят,
Острые стрелки мерцают в часах.
Желтый автобус идет в никуда —
В зиму, в пургу.
И молодая
Жизнь, замерзающая на снегу.

Скучаю по тебе, как роза по могиле,
Как ливень по земле, как по строке —
тетрадь.
Я знаю, что меня еще не разлюбили,
И можно выбирать.
Скучаю по смешным, беспечным разговорам,
По солнечным лучам на вымытом полу.
Давай заснем вдвоем — обнявшись,
без зазоров,
Без «я тебя люблю».
Скучаю по себе, летящей невесомо,
С букетиком в руке, с улыбочкой, хи-хи.
Скрипичный ключ внутри, скрипичный,
не басовый,
И детские стихи.

Рябина - ярче артериальной крови.
Лужи покрыты ледком.
Ты сводишь чёрные брови:
Холодно, холодно, хо-
Чешь тепла и смеха,
Дружеской болтовни.
Хочешь уехать
В предыдущие дни.
Голуби распушились,
Редкий летит снежок.
Это - последняя милость,
Это - октябрь, дружок.

Совсем чуть-чуть припорошило —
И можно заново писать
Всё, что взрывало, жгло и ныло,
Всё, от чего нельзя спастись.
Немного снега в Барнауле:
Не снегопад — но снеголёт.
Зима скулит, ненастье рулит,
А смерть, естественно, придет.
Но пусть сначала — Новый год!

Легко-легко, как выдох на морозе,
И тяжело, как на морозе вдох.
Мы - разбединены, и только в прозе
Такие расстоянья, видит Бог.

Немыслимо, как птица среди ночи:
Куда летит? Кричит? Чего-то хочет?

Не прилетели свиристели,
Но улетели соловьи.
И всё, чего мы не хотели,
Мы получили. На свои.
Орнитология как вера,
Как эмпирическая страсть.
Идти домой из универа,
Совсем пропасть, убить, украсть,
Не напрягаться, напрягаться...
Тоска — гимнастика ума.
Оптимистичнее, рагацца:
Однажды кончится зима.
Не надо плакать, камарады,
Не надо плакаться в сети!
И уговаривать не надо
В другую веру перейти.

ОДИССЕЯ ОДНОГО РОМАНА

Михаил Зимогор.

Впервые Вячеслава Чиликина я увидел душевным июльским днем 1987 года в пивной возле «Русских бань», что на Комсомольском проспекте, — среди маргинальной шушеры, затрапезного вида мужичков и прочей «беспартийной сволочи», опираясь на костыль, молчаливо стоял человек лет 70, его правая рука была затянута в черную шерстяную перчатку. Но удивил не его вид, достаточно необычный даже для такого шалмана, как пивная при бане, а то, как удивительно гордо была посажена его голова, и то, как он смотрел на тесную, потную от июльского зноя толпу — как сквозь стекло. Мой друг, писатель Гена Давыдов, показал на него глазами и сказал: «Кириллыч, смотри, сам Чиликин». Пивная, конечно, не самое лучшее место для знакомств, поэтому оно и не случилось, но даже спустя почти 30 лет я помню его спокойный, будто сквозь время, взгляд.

Мое второе знакомство с ним состоялось в декабре прошлого года — давний друг редакции газеты «Вечерний Барнаул» Вера Будянская где-то раздобыла поздние рассказы Вячеслава Константиновича Чиликина и принесла их для публикации. Она же рассказала мне о том, что в музей «Мир времени» хранится неизданная рукопись его романа «Плагол времени», написанная им в середине 1980-х. Я искренне благодарен работникам музея, что они без лишних слов под расписку выдали рукопись, уже ставшую одним из экспонатов. В ней 703 страницы машинописного текста, это второй экземпляр рукописи, и я очень сожалею, что не первый — о чем чуть позже. Я встретился с дочерью писателя Алисой Вячеславовной, она рассказала, что отец писал книгу одной рукой, левой, и к тому времени, когда он закончил ее, у него от нагрузки образовался тромб.

Но одиссея романа только начиналась. Сдав рукопись в печать в Алтайское книжное издательство в 1987 году, Вячеслав Чиликин, разумеется, и не предполагал, что она может быть не издана, — ей дали хорошую оценку известные писатели Георгий Егоров и Иван Березюк, к тому же у него уже вышло пять книг и он, будучи заместителем редактора «Алтайской правды», был вхож в кабинеты власти. Но... Но не срослось. Рукопись пролежала там 5, 10, 15 лет, письма, которые он периодически писал, воздействия не возымели, а когда издательство акционировалось, рукопись, которую никто так и не прочел, просто выкинули в кучу мусора. Оттуда ее и извлек охранник издательства, заинтересовавшись толстой пачкой бумаги. Добрая душа просто по наитию отдала потрепанный сверток архивариусу газеты «Алтайская правда» Николаю Васильевичу Мазурову, а тот — в музей «Мир времени».

На этом пора бы одиссею романа и закончиться, но ведь не зря же судьбе было угодно, чтобы рукопись не сгорела на городской свалке, ведь это самая главная книга Вячеслава Чиликина. Поэтому редакция газеты «Вечерний Барнаул» принимает все меры, чтобы роман увидел свет. Сейчас делается его электронная версия, для этого пришлось весь текст набирать заново, так как с имеющегося второго экземпляра самая хорошая копировальная техника ничего читаемого выдать не может. Уже сделана корректура третьей части книги, и начинается ее верстка. Есть поддержка спикера АКЗС Ивана Лоора, ставшего инициатором публикации романа. Решен вопрос по финансированию работ, связанных с изданием. Конец одиссеи, возможно, лучшей книги о Барнауле на сломе эпох уже близок, хочется верить, что так оно и будет.

ГЛАГОЛ ВРЕМЕНИ

Фрагмент романа

Вячеслав
Чиликин.

Фото и
рисунки
из архива
редакции.

Окраина выходила невзрачными улочками к лесу, ровно очерченному межевой канавой на две версты, от Аулки до тракта, ведущего к дальним рудным местам. Вдоль канавы чернели свежесброшенной землей окопы чешского заградительного отряда, сдерживавшего наступавшую партизанскую армию, пока основные колчаковские части эвакуировали город. С просеки от монастыря была самодельная партизанская пушка, не столько для поражения, сколько для устрашения противника. Снаряды — простые чугунные чушки — угадывали в места совсем неожиданные. Одна из них со свирепым гулом ухнул в сад Аверкия Серебрякова, брызнув снегом, мерзлым грунтом и исковерканным малинником. Солдаты бежали через дворы, через сад, пригнувшись, подбирая полы шинелей, а следом гнались мужики со свирепыми физиономиями и, хекая, сходу приканчивали бежавших штыками, пиками и однозубыми вилами. Когда все стихло и прочесавшая окраину команда побросала мертвяков в сани, к месту, где зарылся снаряд, подошел старик Серебряков и опасно смотрел на взрытую землю, поеживаясь и бормоча: «Как только Бог уберет».

Был он низенький, лобастый, ходил быстро, мелким шажком, выставив вперед белый клин бороды. В свои восемь десятков держался молодцом, юркие живые глаза еще долго собирались глядеть на свет. Целый квартал занимала его усадьба с садом, спускавшимся по склону шпалерами малинника и смородинника. Два больших дома, выходящих на разные улицы, — один старый, потемневший, а другой новый, весело желтеющий тесовой обшивкой, — он сдавал внаем, а сам со своей старушкой, сухонькой и богомольной, жил в черной, похожей на смолокурню избушке в глубине сада.

Второй этаж старого дома снимал Константин Гордеевич Сиротин, так не во время приехавший в Старогорск.

Город встретил его дымом подспудно клокочущего пожарища, и ни у кого не мог он дознаться: живы ли Степан Фомич и Антон, или сгорели, или утонули, спасаясь в реке, как утонули многие, загнанные палящим огнем в глубокую воду. Он долго не мог прийти в себя от увиденного. Зрелище сгоревшего города потрясло, но еще больше потрясала картина той мерзости, до какой может дойти только человеческая душа: среди развалин, возле которых отрешенно бродили потерявшие разум люди, резво и весело копошились какие-то серые фигуры — они искали золото.

Найти квартиру в бедствующем городе — дело почти безнадежное, но Константину Гордеевичу повезло:

— Вот этот этаж и будет вашим, — сказал старик Серебряков, введливо глядя на новых постояльцев. — Детишки вот только у вас, плохо это: в сад лязят, траву в палисаднике мнут и визгу от них много.

— Они у нас тихие, — краснея, солгала Нюра.

Неуютен был этот этаж, нелепо и бесполезно построен. Все здесь было недоделано, запущено и брошено. Первая комната, она же и кухня, с большой русской печью, нештукатуренная, темнела плохо стесанными щелястыми бревнами стен. Другая, называемая гостиной, частью оклеена обоями, польсевшими, в клопьяных мазках, и частью желтыми истружливившими газетами, на которых еще различались сообщения с театра военных действий о сражениях под Ляояном. Третья в морозы густо обрастала инеем, печку в ней

почему-то не сложили. Прозвали ее холодной.

— Нюра, законопатить бы дверь в холодную, ребятишки простынут.

— А мы ее на палку потуже. Может, понадобится чего-нибудь на холод поставить.

Поставили выменянную на фуфайку четверть с зеленым конопляным маслом, чтобы не прогоркло в тепле, но масло, расходуемое с большой бережливостью, все равно прогоркло, и сдобренная им каша из шрапнели отдавала осиновой корой.

Еще одна большая комната, совсем уж холодная, продуваемая всеми ветрами, почему-то называлась верандой. В ней повесили на стену сапоги-бродни с голенищами за колена, чтобы в зиму не ссохлись. Но кто-то вытащил из дверей пробой и украл сапоги. Нюра долго со слезами сокрушалась:

— Полтора пуда муки за них не глядя дали бы, а то и все два...

Старик Серебряков строил догадки:

— Цыгане тут днями шатались, ихняя эта работа.

И напоминал:

— За квартирку пора платить, господа.

— Не господа, а граждане, — поправлял Константин Гордеевич. — Господа при царе были.

— А куда они подевались?

— Кто куда, но так полагаю, тоже гражданами стали.

Вспомнил, усмехнулся:

— Вчера девку одну раскрашенную видел, так ей в спину пу-скали: «Вот она, гражданка, двадцатирублевая».

— Граждане, господа, — ворчал старик Серебряков. — Не смотри на кличку, а смотри на птичку. А денешки-то, господа-граждане, за проживание будьте великодушны.

Платили керенками. Большие, в газетную страницу листы коричневых и зеленых купюр стригли ножницами и, пробуя щепоткой достоинство бумаги, заключали: «Дрянцо».

— Дрянцо и есть. Романовские-то прибереечь надо, одумает-ся, вернется государь, а они — вот они, катеньки разлюбезные...

У старика Серебрякова в заветном, сафьяном обтянутом сундучке толстыми пачками уложены роскошные ассигнации, за много лет скопленные. Иногда вечерами старик устраивал себе праздник души: он бережно доставал их, с наслаждением щупал шелковистую бумагу, пахнущую духами и еще чем-то чрезвычайно приятным, и мысли такой не мог допустить, чтобы деньги вдруг перестали быть деньгами.

Как-то пришли к нему двое из коммунхоза — с портфелями, строгие и деловые, шлепнули портфели на стол, причем в одном загремело что-то железное. Резко и требовательно спросили:

— Газету читал?

— Слеповат я газету читать, граждане дорогие.

Старик Серебряков почуял что-то недоброе.

— Зря не читал. Там вашего брата, буржуя, столько пропечатано, аж в глазах рябит. У которых дома муниципализированы. У тебя два дома, дед?

— Вроде так: этот третий будет, да домишко-то, господи, название одно.

— Этот не в счет. Живи в нем, дедусь, хоть до второго пришествия. А те два (открыл портфель, прочитал по бумаге): двухэтажный с мезонином, семь комнат, одноэтажный с мезонином и полуподвалом, шесть комнат — правильно я прочитал? — по решению Совдепа муниципализируются.

— Как это понимать?

— Так и понимать. К коммунхозу они отошли. И сад к коммунхозу отошел. Вот здесь распишись, не там, а здесь вот, палец не видишь, что ль? Сейчас трафаретку прищандорим к воротам для всеобщего понимания.

Второй гражданин потряс портфелем (железо — бряк-бряк!) и извлек из него крашеную желтым табличку с черной надписью «Коммунхоз». А сам что-то высматривал в углу комнаты, завешанное шубой.

— Оружие держишь? А знаешь, что по закону военного времени за незаконное хранение оружия полагается?

У старика Серебрякова вдруг громко заурчало в животе, и он, посерев лицом, присел, круто согнувшись в поясе.

Вячеслав Константинович Чиликин родился 4 октября 1915 года в селе Николаевка Мариинского района (Кемеровская область) в обычной семье. Со временем Чиликины переехали в Барнаул, жили в доме на горе. Вячеслав увлекался точными науками, математикой, физикой и даже поступил в институт в Томске. Проучился недолго, болезнь, которая преследовала его на протяжении всей жизни, постоянно давала о себе знать. В «Алтайскую правду» пришёл в тяжёлые военные годы. Был корреспондентом, затем заместителем ответственного секретаря, потом заведующим промышленным отделом, ответственным секретарём и в 1961 году его назначили заместителем главного редактора. В этой должности (без высшего образования) проработал до 1985 года. Писал прозу, краеведческие записки (опубликованы в 90-е). Скончался Чиликин в 2005 году.

- Ладно, беги до ветра, после договорим.
- Зачем ты его так? – сказал один коммунхозовец.
- Пусть порядок знает, буржуй.

Старик вернулся и с порога быстро заговорил, спеша предупредить то страшное, что он понял без объяснений:

– Дробовичок у меня, граждане дорогие, шомпольный, воробьев с малины шугать. И курок у него давно сломат, не стрелишь.

Юркие глаза его смотрели при этом робко и заискивающе.

– Все равно надо сдать. Расстрел полагается за незаконное хранение оружия, штука серьезная. Иди и сдай. Хотя это и не по нашей части, но в силу революционной сознательности.

Рядом с табличкой страхового общества «Саламандра» на воротном столбе весело зажелтела коммунхозовская трафаретка. Внучатый племянник старика Глеб, двадцатилетний полоротый парень, игриво притопывал у ворот и читал нараспев: «Коммунхвост, коммунхвост...».

– Чему радуешься, дурак?! – прикрикнул на него старик. – Женить пора лоботряса, а он ржет невесту с чего.

Пришел к Константину Гордеевичу разобраться толком, что, собственно, произошло. Квартирант сидел перед зеркалом, густо намыленный, и ловко смахивал бритвой с лица пышную пену. Подпертые языком щеки кругло выпячивались. Бритва трещала.

– Не ко времени меня занесло, уж извиняйте.

Константин Гордеевич заклеил клочком бумаги порез на щеке.

– Ничего.

– Смыслу не могу доискаться и поговорить не с кем. Насчет домов-то моих...

Он мял шапку в руках и поглядывал на квартиранта с надеждой. Константин Гордеевич вздохнул.

– Что ж дома... Отобрали их у вас вместе с садом. В казну отобрали.

– Дак ведь дома-то мои! Старый, этот вот, еще батяня строил.

Константин Гордеевич пожал плечами. Старик Серебряков угрожающе выставил пару уцелевших зубов.

– Надо бы энтих, которые приходили, ослопом да ослопом, чтоб ажно вонь пошла.

– Они-то как раз тут и ни при чем. Не сами придумали, все сделано по закону.

– Считаете, правильно меня на старости лет обобрали?

– Ничего я не считаю. Я говорю – по закону.

Старик Серебряков свирепо мял шапку, белый клин бороды ткнулся вперед, будто прогвоздил кого-то.

– Не знал, что вы тоже из энтих.

– Фу-ты, господи боже ты мой... – Константин Гордеевич пожалел, что взялся объяснять старику.

А тот уже нахлобучил шапку на лысину.

– Когда денежки за проживание будем платить, граждане-товарищи?

Константин Гордеевич замялся.

– Платить-то... В общем, коммунхозу теперь будем платить. По тарифу. Нельзя же и вам, и туда, сами подумайте, Аверкий Аверкиевич.

На глазах сник старик Серебряков.

– Грозилась расстрелять. Уж лучше бы расстреляли...

– Вас расстрелять? За что?

Константин Гордеевич и Нюра взглянули на него удивленно.

– За дробовик. Говорят, ныне расстреливают за оружие, нельзя, значит, без дозволения иметь.

Нюра перепугалась.

– У тебя же револьвер, Костя, зачем ты его вез?!

Глаза у старика Серебрякова внезапно ожили.

– Оружие? А где вы его держите?

– Ах, боже мой, вон на полке валяется, и надо же было его тащить.

Старик взглянул на полку искоса, воровато.

– Может занадобиться при случае.

– Да не нужен он мне совсем...

– Как знать... У меня в мезонине жил такой-то, как вы, интеллигент. Тихонький, сядет, бывало, к окошку и хлебает чай с клубничным вареньем. Любил чаек. А в пятом году, когда бунтовщиков разгоняли, выгтащил пистоль, и – бац, бац в жандармского ротмистра.

Революционер оказался, тихонький-то.

– Убил?

– Промазал. Пистоль завел, а стрелять не научился. Ладно, пошел я.

У дверей остановился, шлепнул ладонью по бревенчатой стене.

– Не верю! Что хотите – не верю! Буду еще летичком малинку собирать в своем саду! Разве это по-христиански – взять и отобрать все? Бог того не попустит. Ну и анафемы! У этого-то полон портфель железок. Сколько зла поташил людям, подумать только! Ниче! Пятый-десятый медведь поддастся, а сорок первый непременно кишки медвежатнику выпустит, помяните мое слово.

– Несимпатичный старик, а жалко мне его, – сказал Константин Гордеевич. – Что-то больно уж круто наши власти взялись. Я понимаю, экспроприация экспроприаторов – справедливое дело, наградил у народа – верни, еще Павел мне это объяснял, но зачем, не устоявшись, не осмотревшись, с маху направо и налево крушить, врагов себе наживать? Надо, не надо – круши. Какое-то иступленное желание показать свою власть. В толк не могу взять, зачем у доктора Рудова его больницу отняли? Отнять – отняли, а что с больными делать, не подумали. Врачей в городе – раз, два и обчелся, неоткуда взять. Ходячих по домам распустили, а лежачим – хоть помирай. Пробовали уговорить доктора Рудова в порядке сознательности долечить лежачих, а он глушит горькую и посылает всех по матушке. Ну кто, спрашивается, выиграл от этой реквизиции? С какого боку ни взгляни – скверно. И больным, и самим властям – лишнего врага себе нажили. Безрассудство!

Нюра с беспокойством поглядывала на полку.

– Выбросить бы его.

– Завтра пойду в лес и там выброшу.

Спас случай. На раннем рассвете под полом заскреблась мышь. Спавшая на печи кошка шевельнула ухом, насторожилась и, изготовившись, прыгнула на пол. Громко звякнул упавший с лавки железный ковш. Нюра проснулась. Кошка подошла к ней и виновато стала тереться об ноги. «У, негодная», – сказала ей Нюра. Случайно она взглянула в окно: в утренних сумерках с горки к колодцу спускались конные. Было их трое. Нюра ринулась в комнату.

– Костя, к нам обыск! – срывающимся голосом проговорила она.

Константин Гордеевич, встрепанный, как был в одном белье, сунул ноги в валенки, накинул шубу и, схватив с полки револьвер, выскочил во двор, бегом кинулся к коровьей стайке. Сердце колотилось гулко и часто. Торопливо сунув револьвер в теплый еще навоз и возвращаясь бегом же, увидел, как на свежем снегу с предательской четкостью пропечатались его следы.

Конные были уже у ворот.

Они вошли казенно-суровые, какие-то одинаковые с лица, двое в кожаных куртках, третий в шинели, перепоясанной ремнями, с большой желтой кобурой на боку.

– Чека, – коротко сказал один, повыше ростом, видимо, в командирском звании. – Где оружие?

– Нет у нас никакого оружия.

Константин Гордеевич чувствовал, что рубашка на нем стала мокрой и захладила.
 – Револьвер где? Отдайте добром, найдем – хуже будет. Которая у вас тут полка?
 «Старик Серебряков донес, – понял Константин Гордеевич. – Зачем он это сделал? Легче, что ль, ему после этого стало?».

Долго искали в доме, все переворошили, потом пошли во двор. Предательская цепочка следов прямо указывала им дорогу, но они искали сначала в бане, в амбарушке, в поленище дров и только напоследок открыли стайку. Постояли, послушали, как жует корова, и присмирившие вернулись в дом. «Деревню свою вспомнил», – поделился старший с товарищами. Константину Гордеевичу дали бумагу.

– Распишитесь, что претензий к нам не имеете. Извиняйте за беспокойство.

Будто совсем другие люди стояли – самые обыкновенные, домашние.

Нюра накрест обхватила себя руками, унимая противную дрожь.

– Пей чай, Костя, погорячей наливай, отогревай нервы.

– Уф, пронесло. Жуть берет, как запросто можно пропасть ни за что ни про что. Никому ведь не докажешь, что я и думать забыл об этом оружии, оно и раньше было мне ни к чему, а теперь подално. Сколько, должно быть, так людей гибнет: не виноват, а доказать не может – улика. Улике верят, а человеку нет.

– Не всякому человеку можно верить

– А ты сумей разобраться, всякий он или не всякий. Поленья – и те различают, хорошее оно или дрянное.

– Поленья проще.

– То-то и оно. А мы привыкли людей, как поленья, сортировать.

– Много ты в Серебрякове разобрался, – заметила Нюра. Она опрокинула чашку на блюдце и сидела, отдыхая, как после долгой дороги. – Старый-старый, а в чека резвей молодого сгонял.

– Ты тоже так думаешь?

– Так ведь ясно же.

Константин Гордеевич задумчиво побарабанил пальцами.

– Надо будет где-то другую квартиру подыскивать. Видеть больше не могу этого облезлого Иуду.

...Старик Серебряков, даром что годами древен, был себе на уме. Когда в церквях служили благодарственные молебны и плыл, ликуя, по городу колокольный трезвон, он, умиленный, но настороженный, говорил полоротому Глебу:

– Сейчас же возьми топор и отдери от ворот ту паскудную железку, только смотри не выбрасывай, а отнеси в амбар, в угол куда-нибудь поставь, места не простоит.

А когда с песнями, гамом и грохотом вкатились в город партизаны, Глеб, встав на табурет и держа во рту гвозди, торопливо прилаживал табличку на старое место. Времена-то переменялись!

**Марк Юдалевич
(1918–2014)**

*Старые кварталы Барнаула
О, эти старые кварталы,
дома, готовые на слом,
они, как тусклые бокалы,
столетним полные вином.
И так ли, нет, а может статья,
в приземистой избушке той
демидовские рудознатцы
зимой вставляли на постой.
А позже там пером гусиным
творил мужик мастеровой
чертеж невиданной машины,
своей машины огневой...
Наискосок в каморке тесной,
грустна, протяжно-широка,
еще живет запевка-песня
сибирской ковки варнака.
А здесь, под сенью самовара,
в вечерней сытости, в тиши,
подсчитывал купчина старый
свои лихие барыши.
И доносился вон оттуда
пропойц неутомимый рев,
треск оплеух и звон посуды —
шумел-гудел кабак царев.
И не за той ли занавеской
до поздней ночи, при свечах,
сидел опальный Достоевский
у друга старого в гостях?*

**Борис Ласкин
(1936–1981)**

НОЧЬ РОЖДЕНИЯ

*Студеный ветер брякал фонарем,
А мне он был ничем и ничо чем,
Я рвался в жизнь, презрев ее законы,
Скорей на свет, сквозь темные заслоны!
Свирепо ветер все хлестал в окно,
Чтоб я, родившись, тут же не уснул.
А был январь. И ночь. И Барнаул.*

Елена Клишина

*В дождливые дни мы не выходим из дома.
Поиграй, прошу я ее, на пианино.
Не хочу, отвечает, поиграй ты.
Я не умею. Может быть, ты меня научишь?
Ну, ладно, соглашается неохотно.*

*И кладет свою ладошку на клавиши,
Я кладу свою руку сверху,
Прижимаюсь подбородком к ее затылку,
На котором косы уложены
Золотыми, тяжелыми буханками,
И мы играем простой этюд.
А недавно у меня начались каникулы.
Длинный список по внеклассному чтению
И новый велосипед.
Я веду ее в ту самую библиотеку на Строи-
телей,
А потом на тот самый школьный стадион.
Это не у тебя, не у тебя, говорит зеркало,
Какие у тебя могут быть каникулы?
Ну и что, отвечаю, а я все равно покатаюсь.
Детство повторяется,
И на этот раз в нем все сбьлось.
У меня раньше не было велосипеда.*

Константин Гришин

*Ты печальный квартал легким шагом своим
пробежишь,
Изабеллу нальет молчаливый бармен в по-
гребке.
И приснится тебе самый звонкий на свете
камыш,
Что колеблется в такт древнерусской
обильной тоске.
Астраханский казак на закате седлает
коня,
И смуглянка ему подает изукрашенный меч.
Ты запомнишь меня, ты не сразу забудешь
меня:
Чуткий сон твой могу непрерывно и долго
стеречь.*

Фото
Михаила
Хаустова.

Евгений Банников

*Без слов и тишины молчанье невозможно
Как невозможен лист без пишущей руки.
Попробуй, прикоснись, но только осторожно
К своей душе....*

*Зачем тебе другой (другая)? У соседей
Традиционный гам, привычный и пустой.
Зачем... Когда душа густою ночью бредит,
Когда душа....*

*Осталось час, ну два от силы, и трамваи
Отстукают рассвет и заведут часы.
Живи, пока живешь, оторванным от стаи,
Живи, пока...*

*Их встречи так редки, но здесь они совпали:
Без слов и тишины молчанию не жить.
Твоя душа устала и устали
Твои глаза...*

Елена Большакова

*Вечера глоток — святая малость
В стороне от спешки и забот —
Дал постичь, что осень задержалась
И хозяйкой в городе живет.*

*Что, бродя задумчиво в тумане,
Можно излечить душевный сбой
И прийти к взаимопониманью
С Истиной, природой и собой.*

*Что согласие переполняет воздух,
Сочетанья прочны и легки:
Тротуары — в листьях, небо — в звездах,
Между ними — люди и стихи.*

Юлия Воловикова

*Эта комната не пуста.
В ней зеленая есть петрушка,
она дышит и пьет из кружки,
она срезанная с куста.
В этой комнате запах снов
и узорная тень растений.
Я не стала бы жить отдельно
от петрушки, свечей и сов.*

Артём Деревянкин

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

*На земле я один, надо мною
простуженный Бог
Согревается музыкой выцветших нот
и стихов.
Хоровые метели в архаику сносят, за край:
Все дороги к звезде и к пещере твоей
, Дездемон Крайст.*

*Не прибиться к волхвам —
путь спасенья не делают ни с кем,
Стоит верить словам,
и они не увязнут в песке.
Та звезда, как свеча над пустыней,
не знавшей дорог.
Ты прощенье несешь —
я к тебе прихожу без даров.*

*Няньки — Ирода слуги —
укроют детей небытьем,
Эхо будущей муки доносит
Христа в Вифлеем
С бесконечной любовью страданий
испытать до краев,
Чтобы, смерть победив,
к вечной жизни повел сквозь нее.*

*В безответности льдин,
завороженный холодом строк,
На Земле я один, но в моем одиночестве Бог.
Вечной стиснутый тяжбой,
схожу с параллели кривой,
Как отчаянный блажник,
улышавший голос Его:*

*«Неприкаянный путник,
мерцающий смысл улови
На январском безлюдье
рожденного Слова Любви!..».*

Вячеслав Мордвинов

*От меня до тебя только всплеск по живому,
Где касание длится — но всё незнакомо.
Только шаг в темноте
на недвижимом просторе.
Только город, мелькнувший
однажды во взоре.*

*А пока по орбите сомненья скользят,
Я себя разделяю, они — говорят.
Если выпрошу встречу на этой земле,
Легкий ветер вспылит на холодной золе.*

Елена Гешелина

*телевизор выключи, надоели,
на каком койне говорят, не ясно,
слушай хрипы сухие виолончели
два часа, two a.m., фонари погасли.
травы спят в лугах, спит вода в озерах
спит морская соль, дремлет хлорка в кране.
засынай и ты, не до разговоров
я теперь просыпаюсь рано.
засынай, и пусть тебе снится воздух,
потому что воздуха не хватает.
вот уже горизонт синева-розов,
ночь проговорили, светает.
засынай, хоть на пару часов, в самом деле,
в тишину забирайся, как в панцирь,
и почувствуй, как стало легче телу:
грамм на двадцать.*

Александра Вайс

*фонарь,
нарисованный на стене,
хорош лишь днём.*

*у этих - разводят мосты,
у тех - замечает дороги.
никто никуда не едет,
никто ничего не ждёт
от ночи,*

от боли до Бога.

СКАЗКИ К НОВОМУ ГОДУ

Елена Ожич.

Братья-пуговицы

В одном городе жила портниха, хорошая женщина. Шила всем — и богатым, и бедным, никому в помощи не отказывала. С богатых запросит, сколько положено за ее работу, с бедняков — сколько те смогут ей заплатить, а то и совсем денег не возьмет.

И была у нее шкатулка с пуговицами. Принесет ей барыня какая пальто, пуговицы заменить, портниха ей новые пришьет, а старые барыня назад не примет — ни к чему, скажет, одна утеряна, вторая выщерблена, а с третьей позолота облупилась. Портниха те пуговицы в свою шкатулку и складывает — вдруг да пригодятся. Или принесет ей какой бедняк свой ватник — на детский ватничек переиначивать. А там пуговицы — через одну не хватает, а из оставшихся одна другой хуже. Портниха-то, доброе сердце, те пуговицы тоже срежет, в шкатулку положит, а на детский ватничек другие пришьет из своих запасов, которые попримличнее.

Были в ее шкатулке пуговицы и медные, и костяные, и железные, и деревянные, и для белья, и для парадного платья — за годы-то работы много их у нее накопилось.

Зашел как-то в ее мастерскую торговец свой товар для швейного дела предлагать. Вот купила портниха у него тесьмы нарядной и кружева — как раз одной богатой горожанке платье праздничное шила. Взяла и ниток шелковых, булавок, еще разного и расчет уже приготовила. А торговец ей и говорит:

— А не хочешь ли у меня пуговицы приобрести? Товар ценный, заморский — вот здесь жемчуг, тут камения, из чистого серебра основание. Хоть самому королю на парадную мантию такие пуговицы не стыдно предложить.

Портниха отвечает:

— Вряд ли Их Высочество у меня будет себе парадную мантию заказывать, не того полету я мастерица.

— Ну, так впрок купи. Может, какому купчине кафтан будешь шить или мадам знатной, они украшаться-то весьма любят.

— Больно дороги твои пуговицы, чтобы впрок их покупать, авось совсем не пригодятся.

— Ну, тогда прощай, мастерица. Настаивать не буду, а через месяц с новым товаром зайду, — сказал торговец и стал свои товары в короб укладывать. А одну пуговичку обронил.

Хозяйка мастерской его до дверей проводила и только тогда заметила, что пуговица жемчужная, самоцветная на полу валяется. Обнаружит коробейник пропажу, думает она, переживать будет. Выскочила с пуговкой в руке на улицу, а торговца и след уже простыл. Что же, думает портниха, сохраню до следующего раза, обещал торговец через месяц зайти, тогда и отдам ему пуговку.

И положила пуговичку дорогую в шкатулку к остальным пуговицам. А та, как только туда попала, сразу чваниться начала:

— Я для королевского наряда предназначена, ни с кем из вас рядом находиться не желаю! Пуговицы позолоченные и посеребренные своими слугами назначаю, а медяшки,

деревяшки да костяшки близко видеть не хочю! Избавьте мою светлость от столь низкого общества. Чтобы мою персону из-за моря привезти, целый корабль с матросами нанимали. Золотом платили, во дворец доставить обещали! Вот до короля дойду, жалобу составлю на ту руку, которая меня в простую мастерскую принесла и в шкатулку ко всякому сброду положила.

Деревяшки, медяшки да костяшки на такое обращение обиделись. А позолотяшки не знают, то ли заважничавшей пуговице прислуживать, то ли тоже обидеться, так как они ведь и сами не с бедняцкого платья срезаны, а со знатного.

А пуговка дорогушая все не умолкает, уважения к себе требует, верещит, не унимается.

Намечается в шкатулке раздор между ее обитателями. Деревяшки, медяшки да костяшки бунт уже хотят против зазнайки поднимать. А позолотяшки и посеребряшки решились, что и они ни чем не хуже иностранки:

— Мы тебя еще не проверяли, вдруг ты самозванка — и жемчуг в тебе фальшивый, и серебро не настоящее?

Тут в эти споры вступил наперсток — старый, заслуженный, иглой стертый и в шкатулку к пуговицам отправленный свое доживать. Он взялся раздор между пуговицами прекратить.

— Братья-пуговицы! — начал он. — Нет между вами никаких отличий. Вот сидите вы все здесь, в этом темном ящике, и ничего о своей судьбе дальнейшей не знаете. Может, хорошая судьба вам предстоит. А может, и плохая. А может, и вовсе свой век остальной здесь проведете. Между вами различия были, когда вы на разном платье обретались — на богатом и на бедном. А сейчас, когда вас с платья срезали и в шкатулку положили, какие между вами различия? И ты, иностранка, не чванься! Как тебя в мастерской обронили, так и потом не вспомнят. Не дойдешь до королевского платья и останешься здесь с нами вековать. А что нам с твоей красоты толку? Никакого.

— Верно, наперсток, верно! — закивали другие пуговицы.

— Все от нашей хозяйки зависит, — продолжает наперсток, — решит она, что кто-то из нас достоин быть пришитым на новое платье, того из шкатулки достанет и пустит в дело. А остальным — сидеть тихо и ее воли дожидаться.

Примолкла пуговица, кораблем из-за моря привезенная. И другие тоже поуспокоились.

Через месяц пришел в лавку торговец с новым товаром.

— Ты в прошлый раз пуговицу здесь жемчужную обронил, — говорит ему портниха. — Я тебя не догнала тогда, а мне чужого не надо. Забери ее.

— Да к чему мне она теперь? — смеется торговец. — Я-то ведь остальные жемчужные пуговицы продал, кто теперь ее одну купит! Оставь себе на память, а мне за это можешь куртку заштопать.

Зашила ему портниха куртку, и осталась пуговица иностранная в коробке лежать. Со всем с тех пор притихла, о своем происхождении и о том, какая цена за нее была плачена, даже не вспоминает.

Впрочем, не все в ее истории так плохо. Решила портниха на Рождество бедной соседской девочке подарок сшить — воротник белый кружевной к школьному форменному платью. А когда застежку к воротнику придумывала, вспомнила про пуговицу красивую. И достала ее из своей шкатулки. «Достойная судьба, — решили другие пуговицы, провожая подружку, — когда мы еще своейждемся?».

Звезды, найденные в лесу

В ночном лесу бушевала метель, а в лисьей норе было тепло и тихо. Белая лиса Лидушка рассказывала своему лисенку сказку про принцессу Звёздку и ее волшебное ожерелье. Ее сынок, которого родители назвали Афанасием, а мама ласково звала Фантиком, внимательно слушал, положив сонную мордочку на лапки.

— Живет принцесса в высоком-высоком замке, таком высоком, что ее башня находится далеко-далеко за облаками. Смотрит принцесса Звёздка на землю и любуется людьми и зверями. А когда землю от ее взора заслоняют снеговые тучи, Звёздке становится скучно, и она начинает забавляться — отрывать от своего ожерелья по одной звездочке и бросать их на землю, — говорила лисица своему сыночку. — Вот и сейчас метель, значит, принцессе скучно. Если выйти после метели в лес да хорошенько поискать носом в снегу, может, и повезет — найдешь звездочку. Только она очень маленькая, лес большой, и снега выпало много, где ее сыскать?..

— А если я найду звездочку, — спросил Фантик, — что мне с ней делать?

— Говорят, — ответила ему мама Лидушка, — если собрать все звездочки, рассыпанные принцессой Звёздкой, и повесить их на самую большую елку в лесу, то наступит Новый год. Под утро звездочки сами собой соберутся в ожерелье и вернуться к своей хозяйке.

Красивая сказка, подумал Фантик, засыпая. Он сладко зевнул и накрылся пушистым хвостом.

Утром Афанасий прокопал лапами ход в снегу и выбрался из норы. Ух ты, сколько навалило снега за ночь! Фантик решил пойти на охоту и поймать какую-нибудь мышку-полевку. На свежем снегу оставалась длинная цепочка его следов. Он шел, опустив нос как можно ниже, вынюхивая добычу. Но мыши, напуганные ночной метелью, спрятались глубоко под снегом. Лисенок не унывал, он пробовал копать то там, то сям, отряхивал нос от снежинок и бежал дальше.

Когда он пробежал рядом со старой елкой, ему почудился тонкий, еле заметный мышиный запах. Он залез под тяжелые еловые лапы и начал копать снег, выискивая мышонка. Вдруг под лапкой что-то блеснуло... Это была маленькая звездочка, которая упала сюда во время ночного бурана, и ее занесло снегом. Фантик сразу же вспомнил сказку, которую ему рассказала накануне мама.

Афанасий осторожно подцепил звездочку зубами — она была холодной, слабо мерцала и пахла снегом. Лисенок решил отнести ее к высокой елке, которая росла на опушке.

— Фантик! Фантик! Что это у тебя? — услышал вдруг лисенок птичий гомон.

Это стайка снегирей, усевшаяся на рябину, заметила его звездочку.

— Швешдошка, — ответил он, не выпуская свою добычу изо рта.

— Что-что? — закричали еще громче снегيري.

— Звездочка, — снова ответил лисенок, аккуратно положив звездочку на снег.

— А зачем она тебе?

— Несу ее на елку, чтобы наступил Новый год, — и он рассказал им про принцессу Звёздку и ее волшебное ожерелье.

— И мы! И мы! — загалдели пуще снегيري. — Мы тоже видели такую! Одна звездочка зацепилась за ветку в дубовой роще!

Фантик попросил снегирей слетать в рощу за другой звездочкой и принести ее к большой елке на опушку, а сам побежал дальше.

— Эй, Фантик! — снова кто-то позвал лисенка. — Что это у тебя блестит?

Это был заяц, он тоже стал расспрашивать лисенка, для чего ему звездочка и куда он

*Рисунок
Ольги
Московка.*

ее несет. Фантик и ему рассказал историю про Новый год, большую ель и волшебное ожерелье принцессы.

– Хорошо, что ты мне встретился, – сказал заяц, – а то я утром чистил снег около своей норы и тоже нашел маленькую звездочку. Я решил сделать из нее светильник и положил звездочку в стеклянную банку. Но, если хочешь, я тоже принесу ее к большой елке, – и заяц поскакал к дому, чтобы взять звездочку и отнести ее на опушку.

Добежав до опушки, Фантик решил положить звездочку на еловую лапу. Но он мог дотянуться только до нижней ветки. «Повыше бы, – подумал Афанасий, – чтобы принцесса могла увидеть свое ожерелье».

Тут прилетели снегири, которые принесли звездочку, застрявшую в дубовой роще. Свою сверкающую находку они положили на самую верхнюю ветку, а потом помогли Фантику пристроить его звездочку повыше. Прибежал заяц, и его звездочку помогли устроить на елке снегири.

Тут на опушку стали приходить и другие звери и птицы, и каждый тоже нес свою звездочку. Потому что снегири, пока летали в дубовую рощу и обратно, успели растрещать на весь лес о Фантике и большой елке.

– Фантик идет! – кричали на лету снегири. – Звезду на елочку несет! Елку украсит – будет Новый год!

И тут оказалось, что каждый зверь и каждая птичка тоже нашли неподалеку от своего дома маленькую звездочку и не знали, что с ней делать. Сойка решила сделать из нее украшение. Белка хотела отдать в игрушки своим бельчатам. А барсук уже собирался приколотить звездочку у себя в норе над окошком.

Но когда все услышали о звездочке Фантика, то тоже решили украсить своими звездами самую большую елку в лесу. Пока звери и птицы наряжали ель, наступила ночь. Елка вспыхнула сотней заискрившихся звезд. «Новый год, Новый год! – обрадовались звери. – Праздник! Праздник!».

Тут налетел ветер, от его порывов еловые ветки подпрыгнули, звездочки тоже подпрыгнули и стали тихонько подниматься вверх. Небо расчистилось от облаков, и звезды стали подниматься вверх быстрее.

Звери застыли от удивления и стали тереть лапками глаза, а когда протерли, то увидели, что прямо над ними звездочки сложились в красивый узор, и впрямь похожий на драгоценное ожерелье волшебной принцессы.

– С Новым годом, Фантик! С Новым годом! – поздравили они друг друга и стали расходиться по домам.

– Не грусти, Звёздка, любуйся нами, – сказал Афанасий звездочкам, подняв острую мордочку к небу. И звездочки замерцали в ответ.

Зарплата Деда Мороза

– Нет, ну правда откуда у Деда Мороза такие деньжищи? – отбрыкивался изо всех сил Славик от маминого предложения написать румяному старику-добряку письмо с просьбой о подарке.

Славик было уже десять лет, и он учился в классе с экономическим уклоном. А потому подвергал сомнениям предложения родителей поучаствовать в каких-нибудь проектах, сопровождающихся раздачей чего-либо бесплатного. Ну, например, мама (в душе колллекционер) подбивала Славика собирать крышечки от йогурта, чтобы выиграть поездку на Кипр. А папа (неисправимый романтик) верил, что если он будет вырезать буквы с упаковок, то ему подарят автомобиль. И оба они на протяжении многих лет внушали сыну: Дед Мороз существует, он ждет не дожидается от Славика каждый год письма, чтобы положить под елку заказанный им подарок. Славик уже устал приводить контрдоводы – мол, нет никакого Деда Мороза и все это выдумки пиарщиков. «Пеаршегов» – как говорили у них в экономическом классе.

– Ну как же, Славочка! – пыталась убедить его мама. – Вот же его резиденцию в Великом Устюге в новостях показали, и день рождения у него совсем недавно был – 18 всего лишь ноября.

– Мам, не будь наивной, – отвечал ей Славик. – Это всего лишь рекламная кампания. Чтобы детям голову задурить.

– Сын, ты не прав, – возражал папа. – Рекламная кампания подразумевает продвижение какого-либо товара или услуги с целью его лучшей продажи и получения большей прибыли. А здесь все бесплатно дедушка раздает.

– Пап, не передергивай, – строго сказал Славик.

Рекламные кампании они проходили еще в прошлом году, и Славик на отлично защитил рекламный проект, в котором изложил свой взгляд на использование образов супергероев в рекламе товаров для мальчиков.

— Папа, ты же знаешь, что реклама может быть и социальной, то есть своей целью иметь не увеличение продаж, а формирование мнения о том или ином предмете, явлении и так далее, — продолжил Славик.

Он вообще не понимал, к чему все эти шаманские пляски вокруг этого письма и этого Деда Мороза. Проще надо быть, дорогие родители. Не надо юлить вокруг да около в разговорах с взрослым сыном, который к тому же учится в классе с экономическим уклоном. Сами туда отдали, между прочим. Ну, спросили бы прямо: «Чего тебе хочется, сын, обнажить под елочкой?». Сын бы честно ответил, чего ему хочется.

Славик с большим удовольствием сейчас бы написал эссе по деньгопользованию, которое им задали к завтрашнему дню. Он собирался рассказать о своих бабушке и дедушке, которые четыре года не снимали с пластиковой карты дедушкину пенсию. Они смогли на эти деньги совершить обмен малогабаритной квартиры на однокомнатную, сделать ремонт и даже купить большую плазменную панель. Славик планировал после отличной защиты подsunуть эссе маме и папе, чтобы те наконец-то поняли, как нужно распоряжаться деньгами, чтобы осталось еще и на покупку для сына шестнадцатискоростного горного велосипеда. Которого, понятное дело, ни от какого Деда Мороза не дождешься.

Во втором классе Славик на примере бабушки и дедушки уже защитил годовую работу по предмету «Семейный бюджет». За курсовик «Экономические особенности любительского садоводства: инвестирование в производство продуктов питания пенсионных накоплений» Славик снова получил высшую отметку. «Если так и дальше пойдет, то я, пожалуй, и кандидатскую защитю... Или защиту?» — думал он, получая от классного руководителя почетную грамоту за отличное окончание второго класса.

В третьем классе, кстати, Славик решил писать курсовик про бабушкино экономическое чутье и его применение на вторичном рынке недвижимости. Судя по рассказам родителей, ей не один раз удавалось продать квартиру, когда цены еще росли, и тут же купить другую, когда цены уже начинали падать. Внук ждал с нетерпением предмета «Операции с недвижимостью», чтобы по окончании пятого класса получить сертификат на право ведения риелторской деятельности и принять бабушку в свое агентство главным экспертом по вторичному рынку.

После написания эссе по деньгопользованию Славик планировал посмотреть блок экономической информации по телевизору, а затем почитать в Интернете биржевые новости. Славик давно уже хотел попрактиковаться в торговле ценными бумагами, но родители давали ему на карман такие смешные суммы, с которыми в серьезные игры лучше не соваться. Он хотел подойти к отцу с просьбой, но боялся, что того хватит инфаркт, если сын-третьеклассник скажет ему: «Папа, одолжи сто тысяч. Верну двести». Да и мама не поняла бы. А вот у Петьки Кошелькова родителей ничего, удар не хватил, когда тот на валютной бирже на разнице курсов тысячу евро потерял. Ремнем выдрали и в угол поставили. А Вере Рублёвой на день рождения подарили контрольный пакет акций металлургического завода в Кыштыме. Когда Вера спросила, где этот Кыштым находится, ее папа сказал, что если бы Вера как следует учила экономическую географию и имела бы в таблице пятерку по этому предмету, то ей бы на день рождения подарили пакет акций какой-нибудь алмазной копи в Южной Африке.

Экономическая география была любимым предметом у Славика, и он знал все и про металлургию Урала, и про алмазный бизнес в Сьерра-Леоне, и даже про импорт льда с Северного полюса местной компанией «Чернопятровка» для производства газированных напитков. Но Славика никто контрольный пакет акций завода в Кыштыме не дарил и не собирался. Самое большое, что могли предложить родители, это оплачивать Славиков труд на бабушкиной даче. Но бабушка сказала, что это непедagogично, и от использования детского труда отказалась. Бабушка тоже неплохо разбиралась в экономической географии и знала, что на копиях Сьерра-Леоне чернокожие дети работают почти задаром. «Не надо делать из бабушки монстра», — заявила она родителям, а Славика предложила вести дачную бухгалтерию, записывая в тетрадку доходы и расходы. В обмен на ее бесценный экономический опыт, который помогал Славика зарабатывать пятерки в школе.

Какие, уважаемые родители, тут могут быть письма, если в домашних заданиях еще конь не валялся? Только кот Доллар разлежся на тетради, развернутой для написания эссе по деньгопользованию. «Сейчас я устрою тебе падение на целых сорок пунктов», — мстительно подумал Славик, скидывая кота со стола. В докризисные годы кот носил более гордую кличку и назывался Нефтедолларом. Но когда в экономических новостях сказали про то, что экономика, ориентированная на экспорт сырьевых ресурсов, — это неправильно, Славик разжаловал кота в простого Доллара.

Нет, правда, какие тут могут быть бесплатные подарки, когда в стране кризис? Пред-

приятия, понимаешь, сворачивают производства. Даже гиганты содрогнулись. Вот и акции кыштымского завода упали, о чем Вера Рублёва в школе плакала уже третий день и спрашивала у отличницы Зачёткиной, что ей теперь с ними делать. Зачёткина пожимала плечами и говорила, что в биржевой игре у каждого должна быть своя стратегия и своя голова на плечах.

– Ну, действительно, не может же Дед Мороз существовать столько лет, бесплатно раздавая подарки? – думал Славик. – Давно уже пора ему прогореть.

Но родители продолжали наседать – напиши да напиши...

– Короче, – предъявил ультиматум родителям Славик, – я напишу Деду Морозу письмо, если вы скажете, откуда он берет деньги на свой бизнес, который по непонятным для меня причинам еще не рухнул? Собственник ли он этого бизнеса? Или только управляющий? Какую зарплату он получает, ну и так далее...

– Ну, Славочка, – изумилась мама, – он, наверное, туристов в свою резиденцию за деньги пускает...

– По моим расчетам, – гнул свою линию Славик, – на приобретение подарков только для российских детей этих доходов никак не хватит. А как же другие дети?

– Сыночек, в других странах – другие Деда Морозы, вот пусть они о других детях и пекутся... – распереживалась мама.

– В эпоху глобализации и транснациональных корпораций успешное развитие этого проекта возможно только под единым брендом при условии генерализованной стратегии, – настаивал Славик.

– Вячеслав, о чем мы спорим? – вмешался тут папа. – Напиши письмо уже, в конце концов, и сам спроси его об этом.

– А правда, – подхватила мама. – Все ему пишут: «Дай да дай». И только ты поинтересуешься его проблемами. Он не сможет не ответить.

– Я напишу, – зловеще (только бы отстали!) сказал Славик, – я ему такое напишу...

Целая неделя у Славика ушла только на штудирование учебников по экономической теории. Школьная библиотекаря удивленно сдвинула очки на кончик носа, когда Славик попросил у нее учебник за шестой класс. За седьмой брать не стал – просто унести бы не смог. У студента-пятикурсника Славик

взял пару дополнительных уроков по экономической географии, чтобы выяснить, может ли в окрестностях Великого Устюга расположиться гигантский концерн по производству игрушек. Студент сказал, что не может, потому что чего-то там утилизация отходов и логистика, и транспортное плечо на Дальний Восток будет раза в три длиннее, чем на российский запад. И бесплатную доставку игрушек на Камчатку и даже на юго-запад Сибири надо будет либо дотировать государством, либо вводить понижающий коэффициент к тарифу на перевозку. Что экономически не оправдано. Если бы студент был Дедом Морозом, он хотя бы поставил фабрику где-нибудь посередине. Или не ставил бы вообще, а размещал заказы на других фабриках.

И через неделю в Великий Устюг почтовым поездом поехал выстрадавшее Славиком письмо с заковыристыми вопросами по экономической подоплеку проекта «Дед Мороз».

31 декабря утром под наря-

женной елкой Славик обнаружил конверт. В нем лежал листок, который хрустел, как снег под ногами в морозный полдень. И на нем было написано: «Здравствуй, Славик! Я постарался ответить на твои вопросы, как мог. Но не на все, сам понимаешь. Как будущий экономист, ты должен знать, что существует коммерческая тайна, и я, будучи собственником проекта, заинтересован, чтобы тайна сия таковой бы и осталась. Могу только сообщить, что оборотные (было написано «оборотные») средства я пополняю за счет прибыли, получаемой за передачу права использования созданного мною образа бородатого старика в красном кафтане в рекламе, мультипликационных и художественных фильмах. Ты прав, – писал Дед Мороз, – данный проект должен быть транснациональным, и я уже получил кредит Главбанка на приобретение образов Санта-Клауса, Пэр-Ноэля и прочих Йоулупукки. Еще я вложил средства в покупку акций мировых игрушечных концернов и, как их мажоритарный акционер, получил эксклюзивное право ежегодной выплаты дивидендов продукцией. В связи с этим пользуюсь случаем и прошу тебя передать твоим одноклассникам, чтобы они писали письма заранее, а то в декабре все эти фабрики работают в бешеном форс-мажоре, чтобы выполнить ваши пожелания. Ты спрашиваешь, с чего я начал свой бизнес. Так вот, от отца Мороза Ивановича мне досталось довольно большое наследство – сколько деньгами, а остальное золотом самородным, камнями самоцветными («самоцветными» – снова перешел автор на старый стиль), прочей роскошью. Ну, ты же сам понимаешь, деньги, если они лежат в сундуке, год от года точит инфляция. Вот я их и инвестировал в разные инструменты с высокой степенью доходности, в банки положил под максимальный процент, иной раз дефицитный бюджет какого-нибудь государства прокредитую на выгодных для себя условиях. Зарплаты, Славик, у меня нет. Я на правах собственника беру себе полпроцента из годовой прибыли предприятия. А насчет доставки ты прав, над созданием четко продуманной логистической сети еще предстоит подумать. А то олени, печные трубы да самоходные сани – это прошлый век. С уважением, Дедушка Мороз».

– Это что же получается, – недоуменно вскинул на родителей глаза Славик, – Дед Мороз существует?

– Ну да, – переглянулись родители.

– Тогда почему письмо есть, а подарка нет?

– Как же! Как же! – хлопнул себя по лбу папа и выбежал на лестничную площадку в коридор, который назывался «тамбур». И через секунду вкатил шестнадцатискоростной! – у Славика аж дух захватило. Настоящий! Горный! Велосипед!

– Ну? Как тебе машина? – папа выглядел настоящим победителем. – Это же явно лучше контрольного пакета кыштымского металлургического? А, сынок?

– Определенно, – сказал ошеломленный Славик.

Он даже забыл, что просил у Деда Мороза вовсе не велосипед, но акции какого-нибудь предприятия из Силиконовой долины, пусть даже самого маленького, или сто тысяч рублей, с которыми начинающему биржевому брокеру не стыдно и на площадке РТС появиться.

*Рисунок
Ольги
Московка.*

Беседовал Сергей Мансков.
Фото В. Дубровского.

КЛАССИКА КАК КИСЛОРОДНАЯ МАСКА

Кухня, неспешность, черный чай – вот атмосфера серьезной беседы с поэтом, писателем, лауреатом премий Белкина, Соколова-Микитова, Шишкова, Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» и премии первого редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига «За верность слову и Отечеству» Михаилом Тарковским.

– Михаил, традиционные константы русского духа (соборность, софийность, родовое начало, нестяжательство) были сформулированы в начале XX века, когда Россия была аграрной страной. Сейчас мы страна городов. Остались ли территории, где сохранились эти ценности?

– Мне кажется, что фундаментальные ценности не связаны с географией. Особенно сейчас. Деревня выживает нынче

жестко, трудно и жестоко, по законам самого затрапезного городского захолустья и совсем не по принципам, о которых ты напомнил. К этим принципам, пожалуй, ближе всего сегодня некоторые старобрядцы. В целом хранителей и продолжателей русского мира сейчас больше в городках и городах, где шире людское разнообразие, больше учреждений, связанных с культурой, и больше людей работающих с детьми: в музейном деле, в ремеслах, в музыке, например, в казачьей песне. Именно эта среда породила нынче явление подвижничества в различных направлениях деятельности. Оно, кстати, и с мастерскими делами так же. Так, в городах появилось много высококлассных плотников, рубящих совершеннейшие срубы для богатых, и парадоксальным образом центр плотницкого мастерства переместился из глуши в цивилизацию.

Русский дух вмещает не только традиционные константы, которые долго сохранялись в заповедных удаленных территориях и, безусловно, ослабли в постперестроечной России, да и вообще слаbnут с ростом городов. Вот этот самый русский дух изменил структуру. Он пополнился носителями, осознающими свою миссию, остро чувствующими наступления чуждого духа и обеспокоенными этим. Кстати, национальные движения чаще возникали именно в столичных городах, где наиболее остро сталкивалось родное с чуждым. Особенно в нынешних

вавилонноградах, испытывающих небывалое нашествие иноплеменников. И никогда — в деревнях, где все было и так монолитно и не требовало идейного вмешательства.

— **Что пришло на смену аграрной традиции?**

— На смену пришло чиновничество и бизнесменство с психологией так называемых граждан мира, которые последовательно проводят замену традиционных духовно-нравственных ценностей русской цивилизации на западные. Это касается в первую очередь самого главного — образования. Один аспект. В книжных магазинах засилье общеобразовательной переводной литературы, написанной людьми с англосаксонским менталитетом. Поскольку подобных русскоцентристских энциклопедий и справочников почти нет по понятным причинам, то книги эти наполняют школьные библиотеки даже в самых медвежьих углах. По ним русские дети изучают устройство земной жизни на английских и американских реалиях, и основы жизни с детства перевязываются с ценностями чужой цивилизации. Все делается для того, чтобы те, кто сюда потом придет, чувствовали себя как дома. А ты говоришь «константы»... При положении, когда в стране официально отменена идеология, говорить о какой-либо защите национальных интересов нельзя. Рынок, то есть конкуренция, то есть пожирание одних другими, — целью существования общества быть не может. Слова, что, мол, не можем придумать, вокруг чего объединиться, — отговорки. Есть же отличная формула — «служение Отечеству». Спокойно и мягко, и твердо, и вполне в имперской многонациональной традиции.

— **Как сберечь оставшееся?**

— Защищать и наступать не шадя живота. Больше ничего.

— **В сегодняшнем литературном процессе обычно выделяют два направления: тексты-игры (постмодерн) и тексты-откровения (мимезис). Что ближе тебе и почему? И пережили ли мы массовое засилье постмодерна (В. Сорокин, В. Пелевин, Т. Толстая)?**

— Насчет засилья ничего сказать не могу, видимо, его не ощущал, так как мало хожу в магазины. Я почему-то не думаю, что простой народ будет восторгаться Толстой или Пелевиным. Мы их сейчас продефектуем, как соболя перед сдачей. Сказать чуждо и противно — не убедительно. Сказать, что не согласуется с многовековой нашей литературой, твердо стоящей на фундаменте православия и народности, — не ново, хоть и справедливо. Так же как и с задачей духовно-нравственного воспи-

СПРАВКА «БАРНАУЛА ЛИТЕРАТУРНОГО»

Михаил Александрович Тарковский, русский поэт и писатель, член Союза писателей России. Племянник Андрея Тарковского, внук Арсения Тарковского. Родился в 1958 году в Москве. Окончил Московский педагогический институт им. В.И. Ленина по специальности «География / биология», затем, уже в 1991 году окончил Литературный институт им. А.М. Горького, заочное отделение, семинар поэзии В.Д. Цыбина. В 1981 году уехал в Туруханский район Красноярского края, где почти сразу же начал писать стихи, где работал сначала полевым зоологом на биологической станции, затем охотником в селе Бахта и где живет по настоящее время. Много времени проводит в Барнауле, вместе с женой, известной барнаульской поэтессой Татьяной Баймундузовой (Тарковской).

Автор стихов, рассказов, повестей, очерков. Лауреат премий журналов «Наш современник», «Роман-газета», «Новая юность» и других, в частности, премий Белкина, Соколова-Микитова, Шишкова, а также Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» и премии первого редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига «За верность слову и Отечеству». Автор книг: «Стихотворения», «За пять лет до счастья», «Замороженное время», «Енисей, отпусти!», «Тойота-Креста», «Избранное», «Сказка о Коте и Саше». Главный редактор альманаха «Енисей».

тания граждан на основе традиционных ценностей русского мира. Не зря русскоязычный постмодернизм на Западе так любят. Еще черта: постмодернизм сиюминутен — страшно любит, подобно эстрадным острякам, носиться с реалиями данного часа. Но главный дефект — не дает ничего. К классике ты припадаешь как к кислородной маске. Такую силу там черпаешь! Причем по всем ипостасям — и мастеровой, и языковой, и художественной, и национальной, и философской, и духовной. Полное совершенство. В плане эмоциональном в лучших местах — воистину молитвенное состояние, мурашки по хребту, слезы и очищение немислимое... Да разве это снилось какому-нибудь Сорокину?

Продолжаем «прием пушнины». Что-то действительно с сортностью у ребят: не работают с русским языком. Не относятся к нему как к носителю национального, как к духовной сущности, вмещающей миры, глубинные ассоциации, восходящие к временам, когда одна буква означала целый космос (веди — ведать). Не, ребят, разве третьим сортом приму — лучше французам сдайте, оне еврами заплатят.

А главное — у игрунов конструкция, отдельная забава. А человеку нужна история другого человека, история души, исповедь. Чтобы сравнить со своим собственным путем, ощущением жизни. Чтобы убедиться, оказывается, и у писателя «так же». Значит — не один.

– А тебе какие условия необходимы для того, чтобы погрузиться в работу и писать?

– Условие: покой, отсутствие перспективы перемен, суеты, дерготни. Ощущение коридора долгого покоя. Хотя, если все пойдет и сложится повесть, я через месяц захочу вскочить на снегоход и дунуть за сотню верст в избушку. Но это мое право.

Самое трудное – нащупать новое произведение, выстроить полностью и хоть как-то набросать. А когда уже есть с чем работать, когда соболь уже в капкане, могу писать, пусть на плечах хоть десять беспоконнейших, проказливейших, возмутительнейших ребятенков.

– Ты начинал как поэт. Как происходил переход от поэзии к прозе?

– Происходил как-то естественно. По какой-то молодой охотке... От чувства, что ли, жизненной шири. Путевой поступательности, усложнения ступеней. От того, что казалось – движение будет бесконечно. От того, что странно было остановиться на стихах, когда такая даль впереди. Не знаю. Если мозгами и самокритично, то, наверное, стихи были все-таки не так и сильны. Не давали всеобъемлющего ощущения. Окружающая жизнь была в сотни раз огромнее и подробнее, и составить опись кулемок, гор и собак было сподручнее в прозе. Тем более что для описания поразивших людей рассказ более подходил. Разве очерк, к примеру, заменит стихотворение? Влияло, что и окружающие подталкивали, мол, че со стихами тут возишься. Попробуй прозу. Конечно, прозы много читал, понимал базовость ее, что ли.

Может быть, в стихах сильнее канон, и классический строй стиха не особо сочетался с броднями и азмами? Вряд ли. Можно, наоборот, на контрасте шедевр создать...

Прозу начал так. Написал «прозаический этюд» – сам так назвал – «Проверка сети». Как-то осенью, когда уже снег на берегах Енисея, я поехал сеть проверять. «За моей спиной оглушительно орал тридцатисильный «вихрь»». И у налима на голове белесый след от нитки (от сети, в смысле) – как на шляпке гриба отгиск травинки. А потом вернулся в деревню, зажег керосиновую лампу и до ночи читал. Потом еще пытался рассказ написать, как мы забрасывали моих друзей Толю и Сашу Устинова на охоту. Рассказ не получился. Помню, описывал, как Саня (в рассказе Стас), проезжая в пороге камень, у которого когда-то перевернулся и чуть не утонул, снял шапку. Я это потом куда-то вставил. А рассказ зачах на словах: «Стас, кудлатый конь, как-то там сидел на нарах».

А потом через несколько лет сочинил рассказ «Таня». Вернее, часть рассказа,

почти основу, а через год вернулся к нему и доделал. Рассказ писал еще как стихотворение, художественная проза в чистом виде. До сих пор считаю его лучшим.

Затем через много лет взялся писать «Тойоту» и, обессиленный неспособностью справиться с огромностью задачи, взялся за вспомогательные ухищрения. Подпоры. Как у зарода. Эпиграф, например. Потом в конце первой части, тогда еще единственной, – смена третьего лица на первое. А затем вдруг стихи. Они меня самого поразили. Помню, так и носился с ними как с незаслуженным откровением. Что было завоеванием? То, что в юности стихи меня вели куда хотели и правили мной, как худым возницей, а тут вот прямо как захотел – так все и получалось. То есть правил сам.

– Ты хорошо знаешь Сибирь. Есть ли «лица необщее выражение» у Барнаула?

– Города... Какие они? Какие у них выражения лиц? И выражения лиц граждан? Все это давно меня привораживает. Все время думаю о том, какой Владивосток, Южно-Сахалинск, Хабаровск, Иркутск, Норильск, Красноярск, Барнаул, Новосибирск?

Первый раз увидел Барнаул в 1998 году. По просьбе друзей писал отчет по состоянию пушного промысла в Алтае-Саянском регионе. Прилетел на вертолете из Шушенского через Таштып в Горный. Оттуда на автобусе в Барнаул. Там ночевал в гостинице «Турист» на Красноармейском проспекте. Я уже тогда всюю разглядывал города, и Красноярск казался самым лучшим (и как сейчас, но это биографическое). Время было голое, и я все пытал города на потери от перестройки, сравнивал раны. И вот тогда мне Барнаул, да и вообще Алтай, показался самым раненым.

Потом я оказался здесь в 2011 году. Город уже был другим. Оправившимся и приодетым наравне со всеми. Но если с Красноярском сравнивать – Барнаул намного мягче. И не из-за того, что меньше промзон и тайги с горами нет в версте от проспекта. Больше дело в людях – они тоже как-то мягче. И вот в этом тепле, наверное, самое главное, самое особенное. Красноярск такой жесткий, заводской и сурово-живописный. А здесь на почту заходишь или в магазин, или в аптеку... Немного как будто в средней полосе. Не знаю. Хотя при этом плоть от плоти Сибири.

Если о внешности... Ловил себя на том, что все наши сибирские города похожи: заводы, новостройки, площади с райкомами, небольшие центры с купеческими домами... И даже играл – иду по Барнаулу и сам себя спрашиваю, а может такое место быть в Красноярске? Конечно, может...

А вот какой самый дорогой портрет Бар-

наула? Наверное, с моста через Обь, когда по трассе подъезжаешь. Аж шемит.

– **Сегодня много спорят о патриотизме. Что это понятие значит для тебя? И как быть патриотом?**

– Мне кажется, что разговоры о патриотизме, скажем, на аппаратном уровне кощунственны на фоне того планомерного разрушения русского мира, которое продолжается все эти годы. Какой патриотизм может быть-то? Повторюсь: ребенок принес из школы, из библиотеки американскую космическую энциклопедию. А там за граница – русскими буквами только про Гагарина два слова, одни астронавты... Да не в них дело. А в том, что с детства детям закладывается другая матрица. Вот плакат со стены одного из русских детсадов, причём элитарных (курсив мой):

«1. Внедрение новых технологий обучения.

2. Программа «Мир открытий».

3. Обучение грамоте: формировать элементарную лингвистическую и культуроведческую грамотность.

4. Развитие логического и творческого мышления с использованием развивающих игр в воспитательном и образовательном процессе.

5. *Обучение английскому языку и приобщение детей к культурным ценностям англоговорящих народов – иноязычной культуре.*

6. Элементарные математические представления.

7. Элементарные естественно-научные представления».

Раз такая обстановка, разжую: о русском воспитании не сказано ни слова!

Какой патриотизм, когда изощреннейшим способом идет дискредитация нашей Церкви? Когда все делается для того, чтобы вызвать раздражение масс тем, «что попы на лимузинах ездят»? Созданы такие условия бессмысленного стяжательства, такая обстановка безответственного отношения к гражданскому долгу, что дух этот коснулся даже Церкви. О каком можно говорить патриотизме! И какой смысл усиливать армию, то есть броню, оболочку, если у нее будет другое содержание?! Поскольку идет работа именно по скорейшей его замене! Но разрушение русского мира внутри страны сопровождается усилением государства на внешней арене. И все ломают голову, как же это так и какая здесь логика? И к тому же склонны преувеличивать значение Америки в современном мире, которым давно правит всем известный транснациональный капитал в лице нескольких десятков банкиров. И вот это банковское ядро все почему-то отождествляют именно с Америкой или с Англией, или с Израилем. Хотя оно по неведомым

большинству граждан причинам может перекатиться в любую страну, чему будет предшествовать как раз ее усиление. Поэтому все делается для того, чтобы будущим хозяевам было здесь надежно. Как дома. В случае, например, если их перестанет интересовать Америка. Когда там, наконец, шарахнет доллар.

– **Получается, все предопределено?**

– И все-таки о патриотизме мы будем говорить. Во весь голос и спокойно. Как и говорят у себя дома. Мне кажется, что главное в патриотизме – чтоб он был всеобъемлющ. Патриот – это тот, кто чувствует и понимает Россию исключительно в совокупности всех ее сторон, пространственной, временной, духовной, военной, воспитательной, художественной и так далее, так как пренебрежение хоть одной из этих арматурин грозит ампутацией России, чем многие сейчас и занимаются. «Не признаю языческий период, только православный.» Или, наоборот: «Только языческий, православье – иудейская ересь». Или: «Признаю только Русь до 1917 года. Все, что после – не Русь». Или наоборот... И это мы только русское время затронули. В чем беда ампутаций? Выделяем идею, которая кажется важной, и забываем о поколениях русских людей, живших в те или иные времена. Думаем: да с какого лада мы должны принимать все это иерусалимское приложение к христианству? Ветхий Завет особенно? (Говорю, потому что меня это самого волнует.) Какое имеет отношение к этой тайге, избам, дорогам, бородастым нашим мужикам привнесенные и абсолютно чуждые реалии и образы? Согласен. Но думать-то надо не о чужеродности лавров, а о десятках поколений русских людей, живших в великую православную эпоху. Об их победах. О том, каких духовных и ратных высот они достигли, развивая учение Христа, совершенствуя свое собственное видение, свою русскую душу, каких гениев дала наша земля на этом пути. Какие достижения явила в святоотеческой литературе, в иконописи, в архитектуре и прочем, прочем. Думать о самодержавии. Думать о казачестве. О старообрядчестве. О русской песне... То есть думать о своем, а не о лаврах... (в обоих смыслах). Это и есть патриотизм.

– **Михаил, можешь назвать имена современных русских патриотов?**

– Для меня примером наивысшего патриотизма является мученик во Христе великий наш соотечественник пресветлой памяти воин Евгений Родионов, казненный врагами за отказ снять нательный крест. Будешь мерить судьбу Жениным подвигом – все на места встанет. Аминь.

Михаил
Тарковский.

К СОЖЖЕНИЮ ГОТОВ

Глава из книги «Тойота-Креста» (ударение на е. – Прим. авт.).
В предыдущих главах описывается путь героя книги Евгения Барковца из Владивостока на свежкупленной машине.

*- Распутин он наш христовый, кишошный.
Любовь Карнаухова, бывшая
жительница Кежмы.*

Снова было выбиратье из Иркутска с плотной и беспорядочно-суетливой ездотней, такой нелепой по сравнению с полетом по ночному безлюдью, что, несмотря на удобство многополосной дороги, Женя ждал, когда она кончится.

После воспоминания об Алтае он особенно отчетливо ощущал присутствие над иркутской землей еще одного человека, чьи книги давно стали частью души и придали мироощущению ту горькую крепость, которая, словно угаданный угол заточки инструмента, навсегда дает верный рез действительности.

В детстве и юности все настолько перемешалось в голове, что он порой и не знал, что вычитал, а что просто пришло снаружи. И, перебирая повесть, с удивлением обнаруживал, что какая-нибудь жизненная запчасть, давно вросшая в общую картину мира, живет себе, здравствует на такой-то странице. А случалось, что, наоборот, целый пласт дорогого открывал по книге, а потом, сверяясь, еще и покрикивал на жизнь за расхождения. И всегда радостно было сознавать образующую силу литературы, так покорно разгребавшую каждый завал и всегда берущую главное. И прочищающую, будто дворником, залепленный обзор, так что мир после выхода книги становится обостренно прозревшим.

С такими мыслями выбрался Женя на привычное двухполосное полотно. Впереди были Ангарск, Усолье, Черемхово и Зима. Хотя дорога от Иркутска до Красноярска очень плохая, Женя чувствовал себя почти дома и, несмотря на историю с колесом, рассчитывал к ночи быть в Нижнеудинске у своего кореша Серёги, бывшего вертолетчика.

Ближе к дому стало встречным снежком набрасывать беспокойство. И он поймал себя на минутном и грешном нежелании возвращаться домой – настолько знал эту привычку забот копиться в его отсутствие. И, чуя его приближение, посыпались звонки, словно он, попав в зону обнаружения, стал вдруг всем ненормально нужен.

Едва проехал Усолье, позвонил Михалыч – ему только что поставили телефон. Как раз в этот момент Женя обгонял фуру, а сзади лез с обгоном «крузак-сотыга». Фура сначала стояла у обочины с включенным левым поворотом, а потом тронулась и, перестроившись к середине, стала целить на свороток влево. Женя все это видел, но сзади наседали «сотыга», гудя и моргая фарами, и момент был не самый подходящий для разговора.

– Здорово, гонщик! Ты где? – спросил Михалыч.

– Завтра буду к вечеру, если все нормально.

– Ну понятно. Хорошую взял-то?

– Отличную!

– Везет! – не очень убедительно подпустил «леша» Михалыч. «Значит, точно че-то надо. Так просто хрен позвонит», – подумал Женя с раздражением. «Сотыга» резко обогнал его и, увидев встречную «калдину», притормозил, нырнул в закуток меж коптящим зилком с дровами в перекошенном кузове и фурой с кемеровскими номерами: как раз туда, куда метил Женя.

– Везет, кто везет.

– Да лан, я на чужую кучу глаз не пучу. Ты это...

И по своему обыкновению перешел к делу. Суть его касалась последнего охотничьего закона, согласно которому арендная плата за угодыя становилась настолько высокой, что делала бессмысленным занятие промыслом. И Михалыч просил Женю срочно заехать в Департамент и «узнать поподробнее, почем пуд соли стоит», то есть когда закон вступит в силу и нельзя ли как-нибудь его обойти, например, фиктивно урезать участок. И в случае если он не заплатит деньги, то не лишат ли его угодий?

– Ты уж подумай, как ловчее сделать, – закончил Михалыч.

– Ну хорошо, я узнаю, к кому там, если че... – без восторга сказал Женя и подумал: «Взял бы сам, задок-то оторвал да приехал, да и порешал все. Заодно бы и нюхнул... со-

ли-то городской».

— Сделай, Жень. Я уж в долгу не остануся. Да, и еще узнай мне насчет гусянок на «буран», где подешевле. А то снег нынче поздно лег, — неторопливо и причмокивая говорил Михалыч (он, видимо, пил чай с конфетами), — а я по шивьякам осенью ездил, истрепал — аж спицы дыбарем торчат... Если че, возьмешь мне, ага, пару штук? Там деньги мои за пушнину у Тагильцева лежат, у Робки. На Водопьянова... А ты слышал, Робка нынче-то...

— Ну лан, дай доеду, брат, а? Давай. Все. Не могу. Носятся как сумасшедшие. Позвони завтра вечером, — окоротил его Женья, покачав головой: «Со своими шивьяками тут!».

Женья очень ждал встречи с Вэдовым, с которым не виделся незнамо сколько, и звонил ему, но телефон был выключен. Уже настали сумерки и оставалось километров двадцать до Тулуна, как позвонил Валерий Данилыч Татарских:

— Женька, здорово! Ты где?

«Ну началось... в деревне лето».

— Здорово, Данилыч! Иркутск прошел.

— А Тулун?

— Ну вот подъезжаю. А что?

— Ты это... Сильно торопишься?

— А что такое? Говори.

— Помнишь Витьку Шейнмайера?

— А что еще с ним? — обеспокоился Женья.

— Да ниче. Ты... Ну... это... Короче, сможешь его из Братска забрать?

— Че он в Братске забыл?

— Ну, долго рассказывать. Ну забери... Он подстрял, короче... Да там рядом. Полтора верст. Два часа делов...

«Да вы че? Какой Братск?»

— Не полтора, а двести двадцать пять, во-первых...

— Ну, Жень.

— Кого, Жень-не-лезь на рожень! Какого рожна он в Братске делает?! Фельбушмайер твой...

— Шейнмайер, — облегченно сказал Данилыч, — ну слётай. («Шмеля нашел!») Надо мужика выручить. У него там эта буча с затоплением...

— Да знаю я! — отрезал Женья и добавил уже мягче: — Ну ладно...

— Ну отлично, — вздохнул Данилыч, — я тебе его номер сброшу, позвони ему, подъезжать будешь. А то у него денег нету. Ну, давай, Жека, спасибо!

— Спасибо будет, когда привезу Швеллера твоего! Такое... на кедровых орехах и с груздочками, — рыкнул Женья.

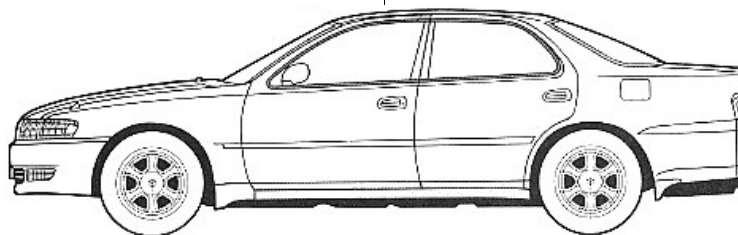
— Беспреткновенно.

— Ну тогда и утешься, муже, — ответил Женья в тон. — Буду твоему блудному Шершебелю аки путевождь. Давай, Данилыч, все нормально будет! — попрощался Женья бодро и весело. И, покачав головой, бросил телефон на пустое сиденье: «Совсем охренели! Братск еще какой-то...».

Витька Шейнмайер был ссыльный и очень беспокойный ангарский немец из Кежемского района, вместе со всеми жителями потерпевший от грядущего затопления Ангары выше Богучан, где возрождали стройку гидростанции. В истории этой он занял показательную правдоискательскую позицию и уже получил на этой почве небольшой инфаркт.

Село Кежма, давшее многих замечательных людей, было центром особого нижнеангарского уклада, многовекового, крепчайшего и достойного отдельного повествования. Богаче Енисея по природе и пригоднее для жизни, Ангара в отличие от него течет широченным разливом меж многочисленных островов, изобилующих покосами. Разнообразно чудны ее перекаты, шиверы и разводья, да и нерестилищ трудно найти лучше, чем протоки меж островами. До стройки трех гидростанций — Иркутской, Братской и Усть-Илимской — эта единственная вытекающая из Байкала река поражала кристальной водой, из Байкала она и по сю пору такой прозрачно-синей и вытекает. А сколько рыбы было! А как хороши были ушедшие под воду поля и покосы на длинных, как ножи, островах, многие из которых были жилими! А стоявшая на Селенгинском острове деревянная церковь, которую разобрали и увезли как памятник зодчества и которая так и лежит несобранная на промбазе под Кодинском!

Ангаре и повезло меньше, чем Енисею, — ее сильно подкосили леспромхозы, пластавшие прекрасные боры и привлечшие прорву шатучего сброду, смешавшего и замутившего вековойный уклад и усилившего отток молодежи с земли на временные денежные работы. Но и к этому прискрипелся ангарский много-

жильный народ — больно крепко стоял он на этих обжитых прапрапрадедами берегах.

Сейчас после долгой передышки возобновлялась стройка Богучанской ГЭС, поэтому Кежма и все села выше, и на островах, и на берегу, подлежали ликвидации: Мозговая, Аксёново, Паново, Селенгино, Усольцево. Деревни со всеми стайками, сараями, банями сжигались, чтоб не засорять ложе будущей акватории «заиляющими остатками» жилого хлама. Народ перевозили в Кодинск. Витька сказал, что никуда не поедет, пока не дадут жилье в крае, по его мнению, достойное тех потерь, которые он понесет при переезде. Ничего такого никто ему давать не собирался. То, что предлагали, его не устраивало, он пошел на принцип и со всей немецкой дотошностью бросился писать, взывать, судиться, а главное — продолжать жить в своем доме посреди пепелища.

Был он небольшой, худощавый, подсохлый, с носатым несимметричным лицом и абсолютно неотличимый от любого сибирского жителя, такой же измочаленный жизнью, но неунывающий и шептливый. Слыл доскональнейшим механиком, до винтика знал всю прежнюю грузовую и тракторную технику. Был рыбак, охотник и матерщинник, любил выпить и считал себя коренным ангарцем.

Женя не мог понять, как из Кежмы он попал в Братск, когда дорога в Красноярск шла через Канск. И удивлялся, как повалила вдруг в его жизнь Ангара: нижеудинский Серёга, к которому он стремился, как домой, был женат на коренной кежмарке. Могилы ее родителей в ближайшее время должны были уйти под воду.

— Не дают доехать по-человечи... — досадовал Женя. — Да ладно, заберу.

В глубине души он испытал облегчение от этой отсрочки — слишком многое предстояло разгрести по приезду, включая новый дом, куда он недавно переехал и где было невпроворот работы. Он с тоской предчувствовал первые дни, когда надо будет отвыкать от втягивающей силы трассы. Когда опадут дорожные крылья и он с неделю будет маяться, трепыхаться, пока уже сам себя не обрастит новым и крепким домашним пером. «Как линный крохаль, хе-хе»...

Тулун Женя проехал в полных сумерках и ушел на Братск. Проскочив километров шестьдесят по полупустой дороге до небольшого поселка, он без труда нашел в плотном ряду домов заезжий двор. Заснув пораньше, он хорошо отдохнул и бодро двинул по утреннему морозцу. В рассветной синеве тянулись березовые околки, поля, а ближе к Братску стали проклевываться сопки с антеннами голых листягов над золотоногим сонником — необыкновенно светлая, красивая и радостная тайга. Перед Братском пошла капитальная двухполосная дорога времен прежнихстроек, заботливо оборудованная разделительной бровкой и бетонными фонарями. Вид ветшающего этого бетона и старого асфальта в трещинах пронзил Женю ощущением конца эпохи. Было дико, что правильная, грамотно сработанная задумка казалась теперь приметой прошлого, и он будто ехал по памятнику.

Виктор толкся в шиномонтажке на просторном въезде в город. Дул ветерок, и наносило сероводородом из какой-то развороченной теплотрассы. С узлом и ногой от мотора в мешке Виктор кинулся к Жене:

— Здорово!

— Здорово!

— Ни хрена — агрегат! Дорого небось отдал?

— Не дороже денег... Здорово, зимогор! Здорово! — они долго стучали друг друга по спинам.

Потолклись у машины, загрузили в «собачатник» узел, из которого Витя сразу достал плотную котомку со свертками.

— Ну че, всё? Поехали?

— Поехали! — Витька довольно уселся, отладил сиденье, все кряхтел, гнездилися. — Ты с востока? Че там? Как сам? Как здоровье?

— Нормально. По пробегу здоровье. Щас заправимся только. Ты голодный?

— Да нет, у меня тут все... Вот... Сало тут, кульбаны копченые...

— Водки хочешь, Вить, владивостоцкой? А?

— Давай! — обрадовался Витька, — А то тут с этой нервотрепкой. Короче, вчера...

— Ну погоди, ладно, намахни сначала, успеешь рассказать. Там вон кружка... А вот здесь бутылка, под седушкой пошарь. Ну че, есть?

— Е-есть. Куда денется! Ну, елки... А нож есть? Хотя нет, постой, у меня тут свой — с рельсовой пилы, щас покажу. Бриткий, главное, такой, зараза. Ну, хорошо...

— Ну вот и давай!

— А ты?

— Ты че — я же... — Женя похлопал по рулю.

— Тыфу ты, — шлепнул себя по голове Шейнмайер. — Я совсем уже прибурил с этой катавасией! От Витька — прибурок дак прибурок! Так-так-так... Че-то ведь хотел... Во! Мужикам отзвониться, сказать, что все, еду...

— На, с моего.

Витька позвонил, подуспокоился, потом еще выпил владивостокской, и его прорвало...

— Ну хоть ты забрал меня. А тут, видишь, че, ты в курсе же, наверно, что у меня творится тут?! Короче — надо в Красноярск срочно, а денег вообще ни копейки, все потратил на свистопляску эту. И никто, как назло, не едет. А тут мужики наши из Кодинска как раз поехали катер продавать в Братск... Ну продавать-то в смысле не в Братск, а одному там, на Байкал. Ну который-то берет, коммерсант, — он сам в Иркутске живет, а катер надо было только до Братска... — Женя не успевал за Виктором и только кивал. — А им самим потом в Красноярск. Ну, короче, у них там... — все это лилось из Витьки, переложенное хорошими матками.

— А че они, порожняком до Красноярска?

— Ну да. Вернее, нет. У них от Канска. А они кенты мои. Ну и я с ними, дай, думаю, уеду, день-два потеряю, зато хоть с места пошевелюсь. Сюда приехали вчера. Все. Главное, в город заехали, и, представляешь, шесть утра, и вдруг — кляц! — удар такой сзади, мы даже не поняли че к чему. Короче, пацан в дымину кривой с девкой на «хондаре» со всего маху в задний мост! Представляешь, балку — ба-алку! — пополам! Это с какой скоростью лететь надо! «Хондарь» в хлам — сами живые, правда. Девка ревет, а этот артист в автобус — все это на остановке — в автобус полез. Удират с места. Хорошо Колька его уцепил за шкварник — тот трясется, ничего не соображает, еще и обколотый, видать. Оказалось, сынуля чей-то, батя у него зубные клиники держит. Приехал на «крузак» — все на себя взял. А я Данилычу звонить, чтоб денег на дорогу выслал...

— Н-да, история. А ты точно сытой?

— Да, сытой... — и он перешел к главному. — Ну все, а нас перевозят, ты в курсе? Дома погжи на хрен! Все деревни: Мозговая, Паново... И главное, смотри, падла, — кричал Виктор, — прислали каких-то утырков чуть не с Москвы, чтоб не свои, чтоб не знали никого. Народ собрали со всех деревень на баржу, все это враслопырь, нахрапом, погода еще такая, низовка дерет чуть не со снегом. Ну и потом чтобы в Кодинск, а там квартиры не готовы ни хрена. И такой бардачина на барже этой, все впопыхах... Шмотки все поперепутались, никто ниче найти не может путем. Давай жрать на костре готовить... У меня все на камеру заснято, я тебе покажу...

— А у тебя-то у самого че за картина?

— У меня картина-задолбанная-плотина: гараж, два сарая, лодка-обяшка с булями, мотоцикл, «буран», вот только каретки перебрал, мотор «вихрь»... А кому они теперь на хрен там нужны? Я их даже продать не могу. Сын в Хабаровске... Так вот всю жизнь пропахал — и, сука, на тебе на старости лет медаль Сутулова! Подляна такая! Ухожья все с избушками, с путиками, пять избушек, центральное зимовье с баней — тоже никому.. Вернее, так-то возьмут, потому что видят, человеку даваться некуда. А за деньги нет. И собаки еще! Кобель, главное, такой гавкий по зверю... Да, елки!

Звучал знакомый кежемский говорок: ухожья — охотничьи угожья, ночевка на сендухе — то есть в тайге у костра, кульбан — язь, низовка — север (ветер). Подкруживать — подвирать...

— Я еще жажну, наверно!

— Конечно, Вить, че спрашивашь!

— Ладно, Женька! Спасибо, что не бросили меня! Спасибо! — сказал он с силой и тронул за плечо, закусил хлебом, пососпел.

— Я не хочу никуда переезжать, это мой дом, я — ангарец! Мне по хрен! Когда это все началось переселение, тут насулили чуть не новых квартир в Красноярске, в Сосновоборске на крайняк. Пока суть да дело, все шишки нахватались, ну и кто поближе к начальству... А как остальные-то чухнулись, началось — Ачинск, Шарыпово, Минусинск, Кодинск... Причем хлам всякий предлагают. Доброго ничего — старье одно... А я так считаю: вы нас топите, а не мы вас. Это вам надо. Поэтому — или давайте мне путнее жилье в путнем месте! С гаражом! С сараем! — Витя орал. — С погрёбкой! Так? Давайте мне все потери оплачивайте, будьте любезны, давайте переезд оплачивайте! — он с жаром загибал пальцы. — А нет — значит, под воду пойду к налимам и не пошевелюсь! Я сказал! Я все равно добыюсь! Я и дом свой не дал палить, вышел с эскаэсом — пошли на хрен, козлы, не вы меня ссылали, не вам и высылать! Вы вообще здесь не местные! Токо, сука, подойди — как стегану, б..., по кишкам! Я жежмарь, мне по хрен! О-о-ой, сил нет! — прохрипел Витя, качая головой. — Давай еще вмажу!

— Обожди, я еще в газету напишу... — вязко проворчал он сквозь сало.

— Зачем?

— Чтoб им стыдно стало!

— Ви-тя! Ты че такой? Им стыдно не станет. У них в том сила вся. Братан, если б им могло быть стыдно, все не так было бы. Тут брату старшему на совет письмо с края пришло за подписью: почту им невыгодно держать, либо сами содержите, либо закроют, понял, да? Начальник почтамта — прикидываешь? В добрые времена после таких писем — или в отставку шли, или пулю в лоб пускали... А этим по хрен! Сты-ьдно! — Женя раздраженно

замолчал. — Не смейся мои подметки, махни вон лучше стопаря еще...

В Покосном перекусили, несмотря на отнекивания Виктора, который тут же набросился на борщ и пельмени, добрав под них владивостокскую. Двинулись дальше, Витя заклевал носом, и Женя переселил его на заднее сиденье, где он моментально заснул.

От Тулуна неслись по лесу по широкой желтой дороге из смеси песка, глины и льда. В Нижнеудинск приехали рано. Расслабленно стали на постой в большом деревенском доме Серёги. Вечером смотрели кино. Сначала хозяин поставил фильм, снятый его знакомым, томским промысловиком.

Там был смешной эпизод розыгрыша охотника. Автор надел специально изготовленные чеботы из медвежьих лап с подушками и когтями и, встав на четвереньки, пересек лыжню, по которой вот-вот собирался идти другой охотник. Здесь же спрятался оператор с камерой. И вот появляется долговязый мужик с двумя мерзлыми соболями в руках (ружья почему-то у него не было — видимо, решил просто по-быстрому пробежаться по путику). Увидав следы, он озабоченно замедляет ход, всматривается, водит головой и вдруг резко разворачивается и, пытаясь убежать, путается в тальниках скрестившимися лыжами, падает, роняет шапку и соболей. В это время автор фильма рычит из засады, и охотник, выростав ноги из лыж, позорно удирает. Автор выходит, подбирает соболей и говорит в камеру:

— Вот как, ребята, промышлять надо!

Потом смотрели Витины ангарские съемки. По большей части это были записи разных людей, в основном пожилых. Одна бабушка рассказывала, покачиваясь на лавке, на фоне ковра и желтых фотографий:

— Приехали. Заходят. «Кто такая? Ты в списке есть? Так... Усольская?» — «Ково, Усольская — Усольцева!» — возмущенно передразнила бабушка. — «О-о-о... Не признала свинья своего поросенка!» Переселять он меня приехал! Я грю, ты меня селил сюда? Так я и поехала... Как переселять?! Как переселять-то удумал меня, со стайкой, что ли, да с огородами? С картошной ямой? Ой-ой-ой... А оне, веришь ли, Ветя, оне как тут по кладбишшу зачали ровнять этим... бульдозером, — черепа, сына, каталися поверху катком, катком каталися... — она махнула рукой и заплакала.

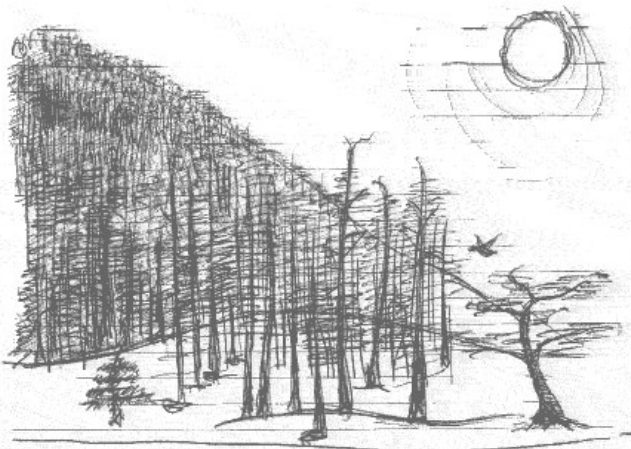
— Я грю, ты, уродова рожа, знашь, как мы жили? В ямшину как ходили? Тут конна дорога была в Эвенкию... В войну на Ванавару обозы муку да зерно с Кежмы возили. Тут станки через пятьдесят километров были... Мороз не мороз, а дорога она есть дорога — то некачь, то ропухи. А морозы такие ране стояли! Калач токо из-за пазухи вынешь, идешь, грызешь. А ты тут мне — Усольская... Я грю, люди страх совсем потряли... Если б старики посмотрели, упали бы замертво».

Татьяна, хозяйка, вытерла рукавом глаза. Она готовила стол и все смотрела на экран. Ее оставшийся от родителей дом сгорел в их отсутствие. Подождли соседний, но был ветер, и пожар перекинулся. Погибли все вещи, лодка, мотор, снегоход, уазик.

Когда сжигают под затопление, прибирают вокруг, чтоб потом не плавало. Виктор снял такой дом. Прекрасный сосновый пятистенок стоял, обставленный палками, досками, рулонами бересты, черешками от лопат, бастриками. Так у путного хозяина вдоль стены сарая выстроены лопаты, ломы, грабли, пешни вверх острием, чтоб не гнили, не тупились о землю.

Так и стоял дом с обреченно строгим видом, будто готовый в дальний путь, смиренно ожидая участи и докладывая: к сожжению готов. И глаза смотрели тихо своими вековыми переплетами, с заботливо согнанными рамами, с подоконниками, у которых специально сделаны желобки для талой воды со стекол. С сениями, еще недавно заставленными та-

ким живым, нужным, насущным — кадушками, пестерями, туесами, канистрами. И сама на листовяжном окладе изба, беленая, штукатуреная, со стенами из сосны, которые в лесу поди сваля, отсучкуй да раскряжуй безо всяких бензопил. Да привези на коне по снегу, да шкури, да руби. Пази, углы заделывай, да ворочай, одно — хоть семь большие были в прежние времена. И на аховые работы, вроде подъема самого тяжелого, подмогу звали. А так — бревна приготовь на балки, на матицы да на стропила, да стропила подыми, да на обрешетку напили продольной пилой, да на полы, да на потолки, да тес на крышу или дранку сосновую, да по тесу еще канавки прогони водосточные... Да печку глинобитную набей, да глиной стены обмажь, да известку выжги на костре плавничном на берегу — это сколь камня натаскать надо! А косяки,

а рамы, а двери, а наличники... И, пока строишь, сколько еще каждодневного надо успеть.

И так вот закончит неподъемную стройку хозяин, приляжет на койку и, глядя на беленую матицу с крылами потолочных досок, смотрит и не верит, что все это его руками сработано, только спина сорванная подскажет да напомним локоть с застуженным суставом...

А тут уже все: и женушка сначала с беленкой, а потом с самоткаными дорожками, и ребятишки лезут, обживают, наполняют теплом, суетой, и ты со своими перетруженными руками и ни при чем вроде бы... Славное чувство — и сколько всего впереди! Сколько радостей и горя, размолвок, трагедий и примирений... Сколько латок на семейном полотне... Сколько рождений и смертей, праздников и поминок натянут эти стены. Война, укрупнение, леспромхозы, последнее разорение, мамина болезнь... Как подумаешь — какое огромное государство, какая страна, бесконечно слоистая прошлым, эта наша деревенская изба — в холод спасающая, в долгую зиму в своем теплом теле хранящая, в жару охлаждающая, с дороги принимающая под бел потолок. Она как часть тебя, живая, дышащая, когда горько — поддерживающая, когда бессильно — ворочающая тебе твой труд, твой пот... Греющая, усыпляющая и укачивающая... Кров твой, твой корабль в пучине жизненной. Никакими метрами-верстами не измерить толщину стен твоих, высь потолка твоего, даль родимую, видную из зрячих окон твоих.

Нет ни одного дома одинакового, как нет одинакового дерева, одинакового человека. У каждого дома — своя судьба. И у всего, что внутри, тоже своя судьба — у каждой балки, доски, косяка. У всего, куда ни глянь, — у стола, лавки, табуретки, полки, полочки, спичек. И даже в спичечном коробке пятьдесят судеб.

Бедная моя спичка! Ни в чем не повинный отщепок дерева. Сколько сестер твоих спасали на промысле мужика, еле живого, замерзающего, онемевшими пальцами, еле чувствующими падучий коробок, твою неверную тонщину, неподъемный твой вес. Сколько помогли растопить печь притащившейся с работы хозяйке. Чем прогневала ты судьбу? За что такой позор навлекла на спичечную родоу свою? Лучше б было тебе просто сгореть со стыда вхолостую. А вот перекались ты в другой коробок, может быть, свечку зажгла бы в божьем храме пред образом Богородицы «Неопалимая Купина».

А может быть, прикурил бы от тебя трясушей рукой безутешный кежмарь, глядя, как управляется заезжая бригада с приговоренной деревней. Как ходят, пряча глаза, тропливые бригадники вокруг его дома. А он стоит и ждет роковой минуты, когда обольют его соляркой и поднесет проклятую спичку чья-то спичечная рука. И нехотя затрещат вековые стены, а потом разойдутся веселее, полопаются окна, и ухнет тяга, и пойдет дело, распахнутся вразвал стены, разлетятся искрами остатки кровли стубленного дома, и душа его крылатой матицей улетит в высокое небо...

— Не могу больше! — вскрикнула Татьяна судорожно, скомкано и, взхлеб зарывдав, выбежала в кухню.

— Ты понимаешь, что это кранты, — говорил сам себе Женя, лежа на белоснежных простынях, проваливаясь в мягчайшую перину, — это полные и беспреткновенные кранты. Писал человек книгу, не спал, плакал над лучшими местами, душу выворачивал, чувство привычки к жизни, прикипелость постылую отдирав вместе с глазами своими, снимал слой за слоем, рискуя ослепнуть. Зачем? Чтоб прокричать для таких же, как он сам, ненормальных, раненных сердцем? А казалось, все закончилось, страшное и нелепое, и вынесен приговор, и книгой уничтожена сама возможность повторения подобного. Казалось, книга неимоверным усилием взяла в себя, иссушила и искупила, вытянула этот великий грех, подобрала все капли слез и именно поэтому и снарядила такой силою слово. И прибранная жизнь потихоньку оправилась, засветилась и двинулась дальше... А пристыженный мир, извинившись, еще долго боялся пошевелиться, сделать грубое движение... Но, выходит, нет — ничего не изменилось. И мир не то, что не глох — он и слушать-то не собирался...

Ну что, Жека, теперь ты чуешь парное дыхание вечности, обжигающее ее прикосновение... Чуешь, как мироустройство сквозь века огромной и гудкой листоватой балкой отдалось в нутро, расщепившись, провернулось там ржавыми трехрожками, мотануло навильник сокровеннейших жил твоих? Это ты его удостоен — раз опрокинуло навзничь и спину заломило, раз в перину вдавило-бросило, что все валишься и не долетишь никак до упора, только мутит да звездочки мелькают.

Ну, теперь-то хоть ты понял, что все по правде? Что вырвало зарезавшийся полоз из снежного плена, бросило сани на ровный и крепкий снег, горящий аки молния, и замерли они, будто вкопанные, посередине села, отданного на сожжение.

И что настанет день, когда придется так же, как эти избы, стоять и ждать спички. И спросишь тогда себя: а что сделала я для этой земли, для этих людей? Сколь вещей слов от глухоты своей уберег? Сколь сел от пожара спас? Сколь бревен ошкурил, сколь паза выбрал и сколь венцов собрал? И что за добро составил рядком у стен рубленой своей души?

Задачу – познать как можно больше, научиться грамотно транслировать информацию и сформировать, прежде всего у наших молодых земляков, чувство сопричастности и гордости за свою малую родину, ее выдающихся представителей, своими делами прославивших не только Алтай, но и Россию берут на себя библиотеки наряду с другими учреждениями культуры и образования.

Ольга
Колбашева,
заведующая
библиотекой
им. В. М.
Башунова..

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ГОРДИТЬСЯ

Фото
из архива
библиотеки.

Россия всегда была и остается страной территорий, разных по уровню развития, численности населения, природных условий, но схожих в одном – имидж этих территорий, прежде всего городов, веками создавался выдающимися людьми, великими историческими событиями, архитектурными шедеврами, произведениями деятелей отечественной культуры, искусства, науки. Каждая территория в силу этих особенностей имеет уникальный образ. Не об этом ли свидетельствуют многочисленные исторические документы, книги, написанные людьми неуспокоенными, радующимися за сохранение, приумножение и продвижение знаний. Но удивительно, что в эпоху всеобщей информатизации наши соотечественники выказывают порой образцы удивительной неосведомленности во многих вопросах, касающихся тех регионов, в которых они проживают. Это относится к уровню информированности наших граждан об историческом прошлом, культурном наследии и даже о современном состоянии своей малой родины. Однако далеко не всем свойственно безразличие и нежелание постигать и открывать окружающий мир, особенно если этот мир начинается в таком благодатном крае, как Алтай, столицей которого является город с удивительной судьбой.

Об уникальности Алтайского края, Барнаула сегодня слышаны, я думаю, почти во всех уголках нашей страны. Но тем и важнее задача – познать как можно больше, научиться грамотно транслировать информацию и сформировать, прежде всего у наших молодых земляков, чувство сопричастности и гордости за свою малую родину, ее выдающихся представителей, своими делами прославивших не только Алтай, но и Россию.

Эту ответственную миссию берут на

себя библиотеки наряду с другими учреждениями культуры и образования. Очевиден огромный потенциал краеведческого материала в процессе формирования патриотизма и гражданственности.

Мое глубокое убеждение, что для любой библиотеки краеведение – одно из наиболее значимых направлений деятельности, емких по наполнению и результативных по отдаче. Понятно, здесь речь идет не о количественных показателях – невозможно просчитать эффект от обладания знаниями по истории, культуре, литературной составляющей жизни отчего края. Но для всех очевидно – грамотно поданная информация, щедро наделенная эмоциональным зарядом, закладывает фундамент в процесс формирования ценностей, пусть и не сразу, но все же помогает осознать себя неотъемлемой частью малой родины.

Следует обратить внимание, библиотеки ориентированы не только на удовлетворение информационных потребностей, но и на предвосхищение культурных ожиданий местного населения. В Централизованной библиотечной системе г. Барнаула заложены давние традиции популяризации краеведческих знаний среди широких слоев населения, накоплен большой опыт работы, но каждый год добавляет новые краски, новые ноты в этот постоянный процесс. Усложняются задачи, стоящие перед учреждениями культуры, в том числе и перед библиотеками, как следствие, появляются новые формы работы с применением новаций. Библиотекари в этом отношении – настоящие изобретатели.

Главное заключается в том, что на смену случайным, эпизодическим мероприятиям приходит последовательное и всестороннее раскрытие той или иной темы во взаимосвязи с общегосударственной проблематикой. Это проявляется прежде всего

в акцентировании работы на приоритетных темах года, на важных исторических и юбилейных датах как государственного, так и местного уровней.

Нынешний год способствовал актуализации деятельности всех без исключения библиотек города по военной тематике, в связи с 70-летием Победы, разгрома милитаристской Японии, 285-летием родного Барнаула и, конечно, по популяризации литературного отечественного и мирового наследия в рамках Года литературы. Самыми яркими событиями для библиотечной системы в этой связи стало участие в городских мероприятиях по программе фестиваля «Барнаульская весна», в Дне города, в Шукшинских чтениях, Дне библиотек.

Книжно-иллюстративная экспозиция «Обрати свою душу к книге», организованная в музее редкой книги Центральной городской библиотеки им. Н.М. Ядринцева, стала своеобразным путеводителем по литературным датам в Год литературы в России. Особое место было отведено книжным собраниям алтайских авторов, чьи произведения вошли в число отечественных и мировых бестселлеров. Поистине уникальным событием для Барнаула стало мероприятие, в которое были вовлечены все библиотеки системы, – карнавальное по форме и просветительское по содержанию – «Аллея литературных героев».

К юбилею города на площади А.Д. Сахарова была подготовлена книжная выставка «Литературная палитра Барнаула», а библиотеки Ленинского района приняли участие в мини-параде национальных культур. Библиотека-филиал № 3 является постоянным участником Малых Шукшинских чтений, которые проводятся возле памятника Василию Макаровичу на одноименной улице. Каждый коллектив вносит заметный вклад в продвижение краеведческой информации, литературного наследия – художественного и публицистического. Различные встречи с писателями, известными людьми города, презентации и виртуальные экскурсии, литературные баталлии и семинары – все эти формы работы активно используются для реализации просветительской и информационной миссий библиотек. И все же эффективность краеведческой деятельности во многом зависит от ее организационного оформления.

Практика показывает, что создание специализированных структурных подразделений позволяет проводить краеведческую работу более масштабно и активно, создавая эффективно действующую систему информационного обслуживания пользователей по краеведению. Таким специализированным подразделением является мемориальная библиотека им. В.М. Башунова.

Содействуя доступу населения к краеведческой информации, формированию

интеллектуального, духовно-нравственного развития личности, библиотека стремится вывести свою деятельность на принципиально новый уровень, стать современным информационным краеведческим центром, деятельность которого базируется на положениях документов с комплексным подходом к работе. Такими документами являются программы и проекты. Так, программа «Алтай на перекрестке путей, времен, народов», реализованная в предыдущий год, способствовала привлечению в библиотеку очень значимых для нас групп пользователей, расширению сферы деятельности, интеграции в другие сферы и отрасли. Благодаря проведению методических дней мы стали полезны педагогам, библиотекарям учебных заведений, а также государственным и общественным структурам городского и краевого уровней, которые в нашем лице приобрели партнеров.

В текущем году библиотека-филиал № 36 работает по проекту «Память поколений», который объединил в себе все приоритетные темы. Выполняя основные задачи этого проекта, сотрудники библиотеки вовлекли в процесс совместной деятельности школьных коллег. Это способствовало привлечению большого количества учащихся барнаульских школ к чтению литературы о Великой Отечественной войне алтайских писателей-фронтовиков, имена которых (столь любимых, известных далеко за пределами края авторов – Льва Квина, Николая Дворцова, Виталия Шевченко и многих других участников войны) стали настоящим открытием для современных подростков.

Для более старшей категории пользователей библиотеки – курсантов БЮИ – реализуется краеведческий просветительский проект «Алтай. Барнаул: исторические этюды», а иностранные студенты АлтГУ вовлечены в процесс познания Барнаула, Алтайского края посредством проекта «Библиогид для иностранного студента».

Целостную картину культурного пространства Барнаула помогли воссоздать крупные мероприятия, среди которых ве-

чер памяти людей творческих профессий из цикла ежегодных встреч «Друзей моих прекрасные черты...», книжно-иллюстративная выставка «Праздник чтения», где были представлены макеты книг алтайских писателей с иллюстрациями, выполненными студентами Новоалтайского художественного училища. Для разных категорий читателей и пользователей библиотеки были организованы презентации книг и встречи с алтайскими писателями, дни информации, гражданский форум и ряд других.

Сегодня мы можем говорить о системе в работе библиотеки по краеведению. Программы и проекты помогают работать, придерживаясь принципа преемственности, сумма знаний формируется постепенно – от простого к сложному – с учетом возраста и приобретенных знаний. Отбор и подача информации основывается на принципе исторической достоверности, с использованием лучших образцов документальной и художественной литературы местных авторов. Придерживаться этого принципа позволяет тесное сотрудничество с государственными музеями и архивом Алтайского края, специалисты которых являются участниками наиболее важных, значимых мероприятий в стенах библиотеки. К таковым относятся проводимые ежегодно Башуновские чтения. Мы – полноценные участники краевого, теперь уже трехдневного мероприятия, которое служит не простому увековечиванию памяти, а прикосновению к высокому образцу алтайской литературы, живому общению с друзьями, родными, коллегами поэта.

Библиотека выступила инициатором проведения фестиваля «Барнаул. Символы современности», в рамках которого в конце прошлого года – Года культуры – была организована научно-практическая конференция «Сохранение культурного насле-

дия в историческом контексте». Ее участники – музей «Город», НПЦ «Наследие», Государственный художественный музей Алтайского края, АКУНБ им. В.Я. Шишкова, ученые, представители творческой интеллигенции. Эта конференция – яркое событие в культурной жизни города. Результатом форума стало издание материалов – докладов участников встречи.

Сегодня много говорится об интеграции учреждений культуры в сферу туризма, ведь именно такое сотрудничество дает возможность формировать позитивный образ Алтайского края и Барнаула как привлекательного региона для туристов и инвесторов. Свою, пусть пока небольшую, лепту вносит и библиотека им. В.М. Башунова. На протяжении четырех лет сотрудники коллектива проводят автобусные экскурсии для горожан, как обзорные, так и тематические.

Наряду с информационной и просветительской деятельностью библиотека им. В.М. Башунова осуществляет культуротворческую деятельность, связанную с выявлением и поддержкой местных дарований (художников, поэтов, музыкантов). Работа павильона современного искусства «Открытое небо», различных объединений и клубов дает возможность реализации творческих планов, наработок как именитым, так и молодым начинающим авторам.

Выстраивая работу по продвижению информации о малой родине, о выдающихся событиях и героях, коллектив библиотеки обращается к истории, имеющей много моментов, которыми можно и нужно гордиться. Донести идею об уникальности Алтайского края, Барнаула – в этом мы видим свою задачу, на это в большей степени направлена краеведческая составляющая нашей деятельности. Информация используется как отправная точка, а форма трансляции содержания – плод творчества библиотекарей.

Известный русский композитор и дирижер Алексей Таскин родился и десять первых лет жизни провел на Алтае.

Он появился на свет 4 февраля 1871 года в Барнауле в семье горного инженера. Впоследствии создал свыше 400 музыкальных произведений, дирижировал, аккомпанировал Фёдору Шаляпину, Леониду Собинову, Анастасии Вяльцевой и Изабелле Юрьевой.

ЖИЗНЬ – В МУЗЫКЕ

ПРИРОДНЫЙ ДАР

Маленький Алексей рано проявил музыкальный дар. Ему не было еще и четырех лет, а он наигрывал на рояле до полусотни популярных мотивов.

Мужчины в семье Таскиных уже несколько поколений были горными инженерами, и Алексей после окончания Петербургского реального училища тоже намеревался поступить в горный институт. Но знакомство с оперным певцом Николаем Фигнером, братом будущей революционерки Веры Фигнер, переменяло его планы – юноша решил всецело посвятить себя музыке.

Начинал Алексей Таскин как аккомпаниатор. С годами этот талант настолько развился, что музыканта приглашали к сотрудничеству выдающиеся русские и зарубежные певцы. А первый публичный успех в качестве аккомпаниатора на благотворительном концерте в 1889 году подтвердил правильность избранного им творческого пути.

Композитор Алексей Таскин уроженец Барнаула.

Анатолий Муравлёв.
Фото из архива автора.

Однако молодой человек рано проявил себя и как композитор. Раскрытию этого таланта способствовало знакомство с профессором Петербургской консерватории Николаем Соловьёвым, у которого Таскин брал курс теории композиции. В итоге уже в 18-летнем возрасте Алексей начал композиторскую деятельность. А всего за жизнь он стал автором более 400 романсов, песен и мелодраматических. Среди них «Бывало-бывало», «Песня цыганки». «Помнишь ночь?», «Тихо кругом», «Я люблю», «Не в силах я забыть», «Солнце заходит» и другие, изданные в Москве, Петербурге и Лейпциге.

И все же, пожалуй, наибольшую известность Таскин получил как автор произведения «Геройский подвиг», которое наряду со знаменитой и сегодня песней «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг» было широко известно в начале прошлого века.

Вообще же исполнителями произведений Алексея Владимировича были выдающиеся отечественные певцы: Медея и Николай Фигнеры, Александр Давыдов, Анастасия Вяльцева и Изабелла Юрьева. О двух последних мы еще поговорим отдельно.

Уроженец Барнаула также занимался педагогической работой, подготавливая с артистами оперные партии. А еще дирижировал симфоническими концертами. К примеру, целых семь лет, с 1898 по 1905 год, – симфоническим оркестром Павловского вокзала.

Интересно, что здание вокзала первой в России железной дороги, конечно же, не строилось для концертов, там не было даже эстрады для оркестра, и музыканты выступали прямо в залах, на хорах или в саду на специально построенной эстраде. Посещение концертов в Павловске было любимым времяпрепровождением петербургской музыкальной публики. Достаточно сказать, что там десять лет дирижировал оркестром Иоганн Штраус, приглашение выступить на Павловском вокзале считали за честь дирижеры Рикардо Дриго, Александр Глазунов, Рейнгольд Глиэр,

Актер Владимир Таскин, сын композитора, в фильме «Римский-Корсаков».

Анатолий Лядов, Даниил Похитонов и другие.

И все же в России Алексей Таскин был больше известен как блистательный аккомпаниатор. Это тот самый случай, когда говорят, что имя гремит по всей стране. Он аккомпанировал не только отечественным певцам Фёдору Шаляпину и Леониду Собинову, но и известным зарубежным исполнителям, таким как Франческо Таманьо, Маттиа Баттистини, Лина Кавальери, Титта Руффо.

В годы революции и Гражданской войны уроженец Барнаула работал дирижером в Современном театре, заведовал музыкальной частью Драматического театра Народного дома и при комендатуре, был военным капельмейстером в 1-м батальоне охраны Петрограда. С 1931 года являлся штатным аккомпаниатором ГОМЭЦ – Государственного объединения музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий, а также «Ленконцерта». За 45 лет работы совершил свыше 450 концертных турне по всей стране, аккомпанировал более шести тысяч раз.

Вероятно, бывал и в Барнауле – городе, где родился, но у меня таких сведений нет. Последние два года жизни Алексей Николаевич провел в ленинградском Доме ветеранов сцены и умер в блокаду 13 ноября 1942 года на 72-м году жизни.

ИЗ КЛАНА ГОРНЫХ ИНЖЕНЕРОВ

Родоначальником горной династии был прадед композитора Николай Таскин, происходивший из солдатских детей, начинавший копиистом в 1796 году на Нерчинских заводах. Его сыновья Пётр, Михаил, Андрей и Алексей получили высшее образование и служили на горных заводах России. Дед и тезка Алексея Таскина был правителем дел Нерчинского округа и начальником отдела Главного управления при генерал-губернаторе Восточной Сибири, а с 1842 года – управляющим Локтевским заводом Алтая. Через два года вновь стал начальником горного отделения и советником Главного управления Восточной Сибири в чине полковника.

Его имя я обнаружил в дневнике Вильгельма Кюхельбекера. 16 июля 1839 года декабрист,

будучи в Иркутске, отметил, что «третьего дня приехал сюда майор Алексей Николаевич Таскин... – очень милый и добрый, вдобавок умный, образованный человек; он здешний уроженец. Читал он мне два своих стихотворения: описание окрестностей Чинданта и поэмку «Два чолдона». Последняя особенно хороша».

Приметой культурной жизни Иркутска в 1840-х годах были любительские спектакли и концерты, которые устраивались у генерал-губернатора Вильгельма Руперта. Современники отмечали, что в них принимал деятельное участие горный инженер Алексей Таскин, обладавший незаурядным драматическим дарованием.

Другой дед будущего музыканта Александр Савицкий происходил из дворян, находился на горной службе на Урале. Его сын (тоже Александр) – дядя будущего композитора – служил на Алтае помощником управляющего Барнаульской главной лабораторией, заведующим библиотекой, музеем, обсерваторией, управляющим Барнаульским окружным училищем, правителем дел Горного совета Алтайских заводов. Известно, что с 1855 года он преподавал в Барнаульском окружном училище французский язык, минералогию, геодезию, маркшейдерское искусство, геогнозию (наука о минералах, горных породах), горное искусство, химию и пробирное искусство. В 1871 году Александр Савицкий-младший переведен на Санкт-Петербургский монетный двор, где дослужился до чина действительного статского советника, равного по статусу генерал-майору.

Отец Алексея Таскина Владимир после окончания горного института также служил на Алтае, занимал должности помощника управляющего Локтевским и Павловским заводами, правителя дел Горного совета Алтайского округа и вышел в отставку в 1881 году в чине полковника.

Дяди будущего композитора Михаил, Николай, Александр Таскины, Александр Савицкий-младший, двоюродные братья Александр, Андрей и Евгений Таскины и другие также являлись горными инженерами.

Семья Таскиных имела родство со многими кланами специалистов горного дела, в том числе и широко известными на Алтае: с Чебаевскими, Пранг, Полетика, Татариновыми, Карпинскими, Фрезе и другими.

Например, известно, что родоначальником клана алтайских Карпинских был двоюродный дед первого президента Академии наук СССР и его полный тезка Александр Михайлович Карпинский. Представительница пятого поколения этого рода Людмила Карпинская была замужем за дядей Алексея Таскина Михаилом Андреевичем. Через Карпинских Таскины были в родстве с горными династиями Брусницыных, Грасгоф, Деви, Меллер, Порецких, Редикорцевых.

А Пётр Фрезе, горный инженер Павловского и Барнаульского заводов, сын начальника Алтайского округа Александра Фрезе, был женат на Надежде Таскиной, двоюродной

бабушке будущего музыканта. Пётр Фрезе вошел в российскую историю как создатель первого российского автомобиля и первого троллейбуса.

У самого Алексея Владимировича было несколько детей. Сыновья Сергей и Владимир учились мастерству у известного ленинградского пианиста Игнатия Гляссера. Первый впоследствии стал пианистом, умер за год до кончины отца, в 1941 году. Второй – Владимир – творческую деятельность начал еще в 1917 году в качестве чтеца на сцене и эстраде Петрограда, затем работал в ряде ленинградских театров, в том числе в Театре имени Ленсовета. Но советской публике он был больше известен как артист кино. Владимир Таскин с 1928 по 1959 год снялся в двадцати фильмах. Среди них «Дубровский», «Юность поэта», «Пугачёв», «Сильва», «Небесный тихоход», «Встреча на Эльбе», «Пржевальский», «Римский-Корсаков» и «Хожение по мукам». Эти картины востребованы и сегодня, фотографии героев Владимира Таскина можно найти в искусствоведческих книгах и в Интернете.

Жена еще одного сына Алексея Таскина Николая – Елена Аносова-Таскина – также была актрисой. А дочь композитора Вера вышла замуж за оперного певца Степана Балашова, бывшего мужа племянницы Константина Станиславского, всемирно признанного теоретика реалистического театрального искусства.

РЯДОМ С «БЕЛОЙ ЦЫГАНКОЙ»

Алексей Таскин еще до революции показал себя как виртуозный аккомпаниатор.

В начале прошлого века он десять лет сотрудничал с исполнительницей Анастасией Вяльцевой, что стало важной вехой его творчества.

Специалисты отмечали, что при внешней виртуозности аккомпанемент Таскина составлял единую музыкально-драматическую интерпретацию песни или романса, создавал ощущение цельного замысла, который воплощался в поразительном слиянии партий солирующего голоса и фортепиано. Алексей Владимирович с хрупкой нежностью создавал узорный фон своего аккомпанеента, полностью оказываясь в мелодике Вяльцевой.

Вот как писала пресса об этом неподражаемом дуэте: «Задорные носовые нотки прозрачных вяльцевских бельканто падали на звуки пианино, словно падает жемчуг на серебряное блюдо».

Сам же аккомпаниатор главной своей задачей считал умение точно уловить желания, намерения и эмоциональное состояние вокалиста. В интервью он подчеркивал: «Чем мягче у аккомпаниатора удар, тем он менее заглушает голос певца и лучше выделяет задуманные певцом эффекты».

После смерти Вяльцевой Таскина пытались ангажировать многие исполнительницы: Мария Башарина, Надежда Плевицкая, а также Наталья Тамара, совершившая с ним большое концертное турне.

Изабелла Юрьева.

В послереволюционный период, в годы нэпа широкое распространение получили различные жанры песенного исполнительства. В 1922 году возник просуществовавший почти пятнадцать лет дуэт Алексея Таскина с Мариной Нижальской. Это был жанр так называемых интимных песенок, или «песен печали и радости».

Таскин, обладавший острым чутьем на таланты, открыл оригинальное дарование исполнительницы романсов Изабеллы Юрьевой. В репертуаре уроженки Ростова-на-Дону были цыганские и русские песни и романсы. В 1922 году она оказалась в Москве и вместе с сестрой Анной пришла в дом на улице Коломенскую, 7, к опытному эстраднему пианисту.

Позже певица вспоминала: «Когда я кончила петь романс, Таскин сказал: «У вас прекрасный природой поставленный голос, можно брать ноты и выходить на сцену». Я оторопела: «Как, сразу на сцену?»».

И верно, вскоре она стала любимой, популярной и знаменитой. Но к концу 1920-х годов атмосфера вокруг исполнителей русского романса, презрительно называемого цыганщиной, начала сгущаться. Изабелла Юрьева вынуждена была на семь лет уехать с мужем во Францию к его родственникам. Ее концерты в Париже имели грандиозный успех, западные импресарио предлагали ей невероятные контракты, приглашали сняться в фильме в роли цыганки. Но Юрьева предпочла возвратиться в Советский Союз.

Увы, дуэт с Таскиным уже не мог получиться. Ее травили в печати, требовали «осветить» репертуар, изменять текст классических романсов. В 1940 году «за неявку на работу» против нее возбудили уголовное дело. В годы Великой Отечественной войны Изабелла Юрьева ездила на фронт в составе концертных бригад, выступала в госпиталях, на призывных пунктах, побывала на Карельском фронте, в разрушенном Сталинграде. Исполняла патриотические песни, но фронтовики требовали спеть «Сашу», «Белую ночь», «Прощай, мой табор!», «Пой, цыган» и другие романсы.

После войны она объездила с гастрольями весь Советский Союз. Исполняла старинные романсы, современные лирические песни. В разгар очередной кампании по борьбе с «легким жанром» певица отказалась петь навязанные идеологами песни. Свой последний концерт она дала в апреле 1964 года в Ленинградском театре эстрады, оставшись в сердцах поклонников легендой, «белой цыганкой», «мадам вечный аншлаг», «королевой романса».

Прославленной Изабелле Юрьевой присвоили звание народной артистки России лишь в 1992 году. Она скончалась в Москве 20 января 2000 года на 101 году жизни. Ее напарник по эстраде Алексей Таскин ушел из жизни почти на 60 лет раньше. Но его имя и имя открытой им несравненной Изабеллы Юрьевой и ныне многое говорят знатокам русской музыки.

Иван Кудинов.
Фото из архива
автора.

ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТУХИН-1980

Знакомство наше с Валерием Золотухиным было сначала заочным. Вернувшийся из Москвы Виктор Ащеулов («друг всех писателей и артистов» — как его называли в шутку) зашел ко мне и прямо-таки торжественно, как некий презент, вручил небольшой аккуратный пакет: «Это тебе от Валеры Золотухина». — «Спасибо, — немало я удивился, — но мы с ним, кажется, незнакомы». — «Вот и познакомься. Там, кстати, два рассказа, — заинтриговал меня Виктор, кивнув на пакет. — Посмотри, может, пригодятся?».

В то время я редактировал альманах «Алтай», и мне, безусловно, был интересен такой автор, как Золотухин, — известный актер, наш земляк... Хотя, грешным делом, я и побаивался: а что это Золотухина потянуло на рассказы, уж не шукшинская ли слава дает о себе знать?..

Однако скоро все сомнения и подозрения отпали, едва я дочитал до конца «Импровизацию». Так назывался один из рассказов, и я ничего в нем «от Шукшина» не обнаружил, зато улыбка золотухинская, как мне показалось, чуть ли не в каждой строке просвечивала. Нет-нет, рассказ не юмористический, напротив, суровая правда (и кривда) жизни. Но, повторяю, весь просвечен улыбкой автора, он же, кстати, и главный герой документально-биографической этой новеллы, написанной, разумеется, от первого лица; хотя и второе лицо не менее примечательно — Владимир Высоцкий.

Вот этот тандем и подкупил меня окончательно, тем более что однажды мне уже довелось лицезреть его, сей тандем, на Таганке — в роли Маяковского... Но об этом чуть позже.

Словом, рассказы Валерия Золотухина

мне приглянулись и вскоре были напечатаны в альманахе «Алтай», чему Валерий был рад. А мне, между прочим, за эту «Импровизацию» досталось на орехи!..

Однако все по порядку.

Лето 1980 года выдалось прямо-таки сумасшедшим — такого жаркого и комариного лета я что-то не припомню. С одной стороны, не знаешь, куда деться от жары, а с другой — ищешь спасения от комаров, которые роем выются, гудят в воздухе, набрасываются с остервенением, облепляя лицо... Вот когда по-настоящему дошел до меня истинный смысл добродушно-ругательной поговорки моего деда, казавшейся когда-то безобидной шуткой: «Заедят тебя комары!». Заедают — спасения нет. Приедешь на дачу, сбежав от жары и суеты городской, чтобы расслабиться и отдохнуть, а еще больше нервничаешь и устаешь от этой бесконечной и яростной борьбы со стихией... Но ведь есть всему на свете какое-то оправдание? «Да что там! — восклицал великий Монтень, усмотрев в такой несурзости естественную закономерность, и советовал: — Покопайся каждый из нас хорошенько в себе, и он обнаружит, что самые сокровенные его желания и надежды возникают и питаются по большей части за счет кого-нибудь другого». И добавлял, как мне кажется, со вздохом: «Природа и здесь верна установленному ею порядку, ибо, как полагают естествоиспытатели, зарождение, питание и рост каждой вещи есть в то же время разрушение и гибель другой...».

Не больше и не меньше! Так что простим комарам их извечную и непримиримую агрессивность по отношению к человечеству... Хотя соглашаться с этим не хотелось. Но у природы свои законы,

подчас несправедливы, как нам кажется, и безжалостны. Вот с такими примерно мыслями и уснул я в тот вечер, кажется, это было 25 июля. А глубокой ночью позвонил Виктор Ащеулов из Белокурихи и, сорвав меня с постели, тихо, почти шепотом, горячо дыша в трубку, сообщил страшную новость: «Умер Высоцкий. Слышишь? Высоцкий умер! Только что Валера Золотухин звонил из Москвы». Мне показалось, что спросонья я чего-то не понял или понял не так — и не поверил: «Как умер? Этого быть не может! Я же еще вчера слушал его песни...».

Ащеулов все так же глухо, со всхлипом сказал: «Ты и завтра будешь их слушать. И послезавтра...».

А Москва в эти дни жила и вздохнула, наслаждаясь волнующими перипетиями летних Олимпийских игр 1980 года, и Лев Лещенко уже затвердил слова песенки о чудесном и добром мишке, который со слезами на глазах улетит в московское небо... Но жизнь — не сценарий.

Пришло письмо от Валерия Золотухина. Довольно грустное. Пишет, что надо бы встретиться. «Думаю-думаю, чего делать и как нашу встречу поторопить? — как бы спрашивает и тут же предлагает: — Давай к тому приложим усилия с двух сторон». Прислал фотографию Высоцкого — что-то трагическое, гаршинское в лице, какая-то неизбежность и обреченность. Гаршину было тридцать три, когда он, душевно больной и мятушийся, бросился в лестничный пролет; Высоцкому едва перешагнуло за сорок, когда он рухнул в такую же бездну... Знаю, Валерий тяжело переживал потерю друга. Да-да, они были очень близкими по духу людьми. В этом и сам Высоцкий признавался, отвечая на одну из последних анкет...

Потом наступила пауза — и ровно через месяц, 31 октября, Валерий подал новую весточку. Сообщал, что получил альманах со своими рассказами, чему безмерно рад — наконец-то и на родине стали его печатать! И что, если все будет путем, в конце ноября можем встретиться: предстоит гастрольная поездка на Алтай! Так что скоро наше заочно-эпистолярное общение перейдет в более конкретное, реальное знакомство. Хотя, по правде сказать, с актером Золотухиным довелось мне встретиться гораздо раньше, а точнее зимой 1967 года. Тогда я учился в Москве на Высших литературных курсах и частенько бывал в театрах — МХАТ, Пушкина, что на Тверском, рядом с Литературным институтом и ВЛК, «Современник», где блистали молодые Ефремов, Табаков, Евстигнеев, Театр на Малой Бронной... Таганка же в то время слыла театром несколько обособленным, элитарным и, если хотите, не от мира сего, спектакли там шли,

как правило, под аншлагом, и попасть на них стоило немалых трудов. И все же удалось мне в ту зиму на Таганку прорваться и посмотреть два спектакля: «Десять дней, которые потрясли мир» и версию, скажем так, жизни и смерти Владимира Маяковского. Последний поразил меня и запомнился тем, что роль Маяковского исполнял не один актер, как это принято, а сразу два, тем самым как бы подчеркивая всю сложность, неоднозначность натуры Поэта. Так они, вероятно, видели, чувствовали и понимали, режиссер Юрий Любимов и актерский тандем — Валерий Золотухин и Владимир Высоцкий. Сказать по правде, это было и неожиданно, и совершенно немыслимо: два разных актера, две личности, два темперамента, эпитетически и по ходу действия сменяя один другого, интерпретируя и трактуя по-своему, отнюдь не раздваивали, как мне казалось, и не разрушали образ, а, скорее, дополняли и привносили в него каждый свое, сохраняя при этом всю целостность и глубину характера... Да, хитер Любимов, этот волшебник театральный, уже тогда обраставший легендами, — такую феерию запустил! Но каковы молодые и темпераментные актеры Высоцкий и Золотухин!

Да, хитер Любимов, этот волшебник театральный, уже тогда обраставший легендами, — такую феерию запустил! Но каковы молодые и темпераментные актеры Высоцкий и Золотухин!

Внешне далекие от Маяковского, они сумели так сыграть (и сыграть) и такой образ слепить на сцене, что создавалась полная иллюзия — вот это и есть настоящий, истинный Маяковский. Можно было, конечно, под воздействием актерской магии ошибиться, не так воспринять, но и Лев Абрамович Кассиль, руководитель нашего семинара прозы на ВЛК, близко знавший Маяковского, говорил,

что у него от спектакля осталось такое же впечатление. Прошли годы. А мне они так и запомнились в единой спайке: Высоцкий – Золотухин – Маяковский. Хотя были у друзей-актеров и важнее, гораздо значительнее роли.

Первый зазимок пал в том году 7 октября. Стало быть, по примете зима должна утвердиться окончательно ровно через месяц – она и явилась ко времени, чуть-чуть даже опередив должные сроки. Снег выпал сахарно-белый, сыпучий. Город как-то враз обновился, похорошел.

А еще пару недель спустя, в конце ноября, как и обещал, приехал в Барнаул Валерий Золотухин. И в тот же день примчался из Белокурихи «друг всех писателей и артистов» Виктор Ащеулов. По правде сказать, он и в самом деле отличный мужик, добрый, отзывчивый и бескорыстный. Знаю, что многие писатели, известные и малоизвестные, под его «патронажем» отдыхали и лечились в Белокурихе, остались довольны и писали потом Ащеулову дружеские письма – переписка у него обширная, интересная, есть письма даже от Мариэтты Шагинян. А с Золотухиным связывала его настоящая дружба, скрепленная давними встречами и в Москве, и в Белокурихе, и на родине Валерия – в Быстром Истоке. Может, потому и моя встреча с Золотухиным при посредничестве Виктора оказалась простой и легкой – будто мы сто лет были знакомы. После ночного перелета – из Москвы в Барнаул – Валерий выглядел усталым, сонным, и мы договорились до вечера не беспокоить его, пусть отдохнет, отоспится, а часам к пяти зайдем. Так и сделали. И ровно в пять, когда мы появились, Валерий был уже на ногах и свеж как огурчик. «Ну теперь я в вашем распоряжении», – весело он объявил. И отправились мы ко мне домой. От гостиницы «Центральная» вниз по Ленинскому проспекту – десять

минут ходьбы. Погода прекрасная. Зима уже крепенько потрудилась, снегу навалило изрядно. Легкий морозец, свежо. И Валерий не скрывал радости: «Ну, братцы, наконец-то я дышу чистым сибирским воздухом! А в Москве сейчас оттепель и слякоть несусветная...». Я не стал его разочаровывать и говорить о том, что воздух и у нас в Барнауле бывает не всегда чистым – заводы и химкомбинаты иногда пускают такие дымы... Но коли воздух кажется ему чистым – пусть так и будет. Как говорится, и «дым Отечества нам сладок и приятен»... Хорошо нам было в тот вечер. И ужин получился славный – Раиса Васильевна постаралась. Но, пожалуй, вкуснее всяких закусок был разговор – о многом, главным образом о том, как легко и сложно живется в нынешнем мире художнику: писателю, актеру, певцу.. «И как сложно было бы жить в этом мире, не будь художников», – задумчиво улыбнулся Валерий. Незаметно перешли на московскую тему, заговорили о театре. И я сказал, что давно и очень хорошо знаю солиста Камерного театра Бориса Тархова. Но, оказалось, и Валерий знает его хорошо – вместе учились. Потом, к этому все шло, разговор коснулся, не мог не коснуться, Высоцкого – еще и полгода не прошло со дня его смерти. Однако Валерий откликнулся сдержанно и как-то неохотно: «Знаете, сейчас все еще слишком открыто, свежо... И толков, перетолков разных, ликований и негодований столько, что мне бы не хотелось вплескивать свою ложку дегтя или... бочку меда. Успею еще прокукарекать и я». Усмехнулся и тут же нахмурился:

– Одно скажу, не надо только считать, как это иным кажется, что гибель Высоцкого напрямую связана с коварными происками скрытых и открытых его врагов, всей нашей системы, создавшей вокруг своего певца и поэта столь тягостную, невыносимую атмосферу, в которой он задохнулся...

– А разве это не так? – спросил Ащеулов.

– Так и не так. Он жил в той же атмосфере, в какой и мы живем, – не больше. Разница лишь в том, что душа у него была шире и нерв тоньше, потому и мир он воспринимал иначе – не кожей, а сердцем... А бедным и несчастным, как это считают иные плакальщики и запоздалые жалельщики, Высоцкий никогда не был, уж мне-то поверьте, я это знаю из первых рук. И уверяю вас, – добавил тихо и твердо, – он был счастливым и богатым человеком: у него были театр и кино, отличные роли, он хотел сыграть и сыграл Гамлета, у него было много друзей, большая любовь к Марине Влади, и он мог почти в любое время сорваться и улететь к ней в Париж, потому

что и невыездным Владимир Высоцкий не был, и загнанным тоже не был...

Ашеулов опять высказал сомнение:

— А как же «Охота на волков»: «Обложили меня, обложили...»?

— Так это он не только о себе, но и о нас всех, — ответил Валерий. — А вот ему больше другое подходит: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее... Умоляю вас вскачь не лететь!».

— Но что-то кони мне попались привередливые, — подхватил Ашеулов, — и дожить не успел, мне допеть не успеть.

— Не успел, — тихо и как-то отстраненно, будто для себя произнес Валерий. — Он и сам всю жизнь, как эти кони, летел вскачь, гнал себя: «Я коней своих нагайкою стегаю — погоняю, что-то воздуха мне мало, ветер пью...». Он сам себя загнал, сам себя сжег, потому что всю жизнь не шел, а мчался, летел «вдоль обрыва, понад пропастью» и рухнул в эту пропасть, не допев... Он был певцом России. И это без преувеличения — большим певцом! А певцы в России чаще погибают... — задумчиво и печально добавил. И как-то неожиданно оборвал разговор — засобирился: пора, пора, завтра столько работы!.. Подарил мне свою книгу «На Исток-речушку, к детству моему», распрощался, поблагодарив за прекрасный вечер, и мы с Виктором уже потемну проводили его до гостиницы. Договорились, что завтра, несмотря на всю свою загруженность, он выберет часок-другой и побывает в писательской организации, встретится с алтайскими поэтами, прозаиками и даже критиками. Он улыбнулся и покивал согласно: «Конечно-конечно, как же без критиков! Давайте часа в два. Идет? — и еще раз улыбнулся, попросив: — Но вы все-таки не гоните коней шибко... Чуть помедленнее!».

Но как «не гнать коней», если времени в обрез? И, надо сказать, оперативность была проявлена, как говорил Золотухин, с двух сторон. Назавтра (25 ноября 1980 года), ровно к двум часам дня, просторная и единственная комната писательской организации была переполнена — литераторы наши выказали большой интерес к своему замечательному земляку, собрались, что называется, и стар и млад. Валерий Сергеевич тоже не заставил себя ждать — явился точно к назначенному времени. И разговор получился по-семейному непринужденный и теплый. Вопросов было много, Золотухин живо и остроумно, с присущим ему юморком отвечал. Говорили о театре, кино, о Высоцком... И, конечно же, о литературе. Тут и я встал словечко, сказав, что два рассказа Валерия Сергеевича мы уже напечатали в альманахе «Алтай», есть и другие, не менее, а может, и более интересные, автобиографичные, тематически связанные с

театром, кино и даже с тем, как, можно сказать, на глазах у Валерия Сергеевича рождалась песня Высоцкого «Протопи ты мне баньку...». Но, думаю, сам он об этом лучше расскажет, — заговорщицки глянул я на Валерия. Он кивнул, улыбаясь:

— Да-да, было такое, кажется, лет двенадцать назад. Ну да, летом 1968 года в Манском районе Красноярского края, в деревне не то Въезжий, не то Выезжий Лог, там шли съемки фильма «Хозяин тайги», в котором я играл участкового, то есть самого хозяина тайги; а тайга там дремучая, деревня глухая, кержацкая, но люди славные, приветливые... Жили мы с Высоцким на постое у милой и доброй хозяйки Анны Филипповны в пустом, брошенном доме ее сына, уехавшего в город, и вся наша мебель состояла из двух мосфильмовских раскладушек... Днем мы снимались — пауз почти не было. А ночью Высоцкий писал, — рассказывал неспеша и задумчиво Золотухин, с какой-то подспудно-грустной усмешкой. — И вот однажды среди глухой и светлой ночи Володя подхватился, разбудил меня и спрашивает: «Валера, а как, говоришь, называется то место в бане, где парятся? Ну веничком хлещутся?». Смотрю на него, глазами хлопаю, не успев еще как следует очнуться. «Полок, — говорю, — полком называется, Володя. А что?». Он смеется: «Ничего, спи». Но и часа, наверное, не прошло, как он снова растряс, растормошил меня, я едва глаза разлепил — и вижу: стоит он уже с гитарой наизготовку, взъерошенный, возбужденный: «Послушай, Валера». И запел свою «Баньку». Да так запел, что вскоре с меня всякий сон слетел, а где-то в середине песни я уже стал подмыкивать, подпевать и вторить ему — мычал и плакал от радости, мычал и всхлипывал, так задела она меня, эта песня, так легла на душу... Вот и вся история, — сказал он задумчиво и все с той же подспудно-печальной улыбкой.

А мне по прошествии многих и многих лет вспоминается другая история, связанная с рассказом Валерия Золотухина, напечатанным в альманахе «Алтай». И даже малостоворчивый и въедливый Е-ко не углядел своим острым цензорским оком ничего в нем опасного для обороноспособности и нерушимости нашей державы — ни в тексте, ни в подтексте золотухинского рассказа, ни в самой «Баньке» Высоцкого, процитированной с любовью и теплотой, и даже такая строчка: «И хлещу я березовым веничком по наследству мрачных времен», не насторожили Е-ко, бдительность которого, как видно, на этот раз притупилась. И рассказ прошел. Однако радость наша была преждевременной: вскоре это обернулось против нас. А вышло так: мы в то время настойчиво добивались перехода на шестизарядный

«Бедным и несчастным, как это считают иные плакальщики и запоздалые жалельщики, Высоцкий никогда не был, уж мне-то поверьте, я это знаю из первых рук. И уверяю вас, — добавил тихо и твердо, — он был счастливым и богатым человеком».

выпуск нашего ежеквартального альманаха «Алтай» — пытались приблизить его к журнальному статусу. Заручились уже и поддержкой крайкома. Но окончательный вердикт должен был вынести сектор печати ЦК КПСС, вопрос мог решиться только с ведома и благословения оно-го сектора, без этого тогда и шагу нельзя было шагнуть.

И вот однажды приглашает меня секретарь крайкома партии по идеологии Александр Николаевич Невский (человек спокойный, мягкий и объективный) и говорит: «Должен тебя огорчить: шестизаровый «Алтай» отменяется, так что надо об этом забыть». «Почему?» — спрашиваю. «Да потому, — говорит, — что сами себе вы устроили «баньку», напечатав рассказ Золотухина... Он, конечно, хороший актер и наш земляк, но в ЦК возмущены этой публикацией и требуют строго указать редактору». Слава богу, думаю, «указать» — это все же не наказать! Невский помолчал, сердито отвернувшись, и сказал затем: «Ладно, тебя мы не тронем, работай. Но с публикациями Золотухина советую повременить». Помню, как после этого почти на всех и всевозможных совещаниях и собраниях долго еще (иногда к месту, а чаще огульно) склоняли нас за эту публикацию, особенно усердствовал один из инструкторов крайкома, ведавших литературой.

Но прошло еще какое-то время — и ситуация резко поменялась, табу на публикации и цитирования Высоцкого было снято, отменено. Больше того, буквально следом в главном партийном журнале «Коммунист» появилась статья о Высоцком, и надо ж такому случиться — именно та же «Банька» изрядно цитировалась.

Вот с этим журналом я и зашел как-то в крайком, встретил уже знакомого нам инструктора (господи, да в нем ли дело!)

и спрашиваю, показывая журнал: «Читали? А ведь это орган ЦК, журнал «Коммунист». Выходит, зря нас ругали?». Инструктор только руками развел, дескать, что поделаешь, времена меняются. Да, говорю, времена-то меняются, да, видно, не все поспевают за этими переменами, а иные и вовсе не хотят их замечать.

Времена меняются... А песня эта — «Банька» Высоцкого — и по сей день продолжает жить, звучать и тревожить, тормошить нашу совесть и память.

И хлещу я березовым веничком
По наследию прошлых времен.

И рассказы Валерия Золотухина печатались потом еще не раз в нашем... ежеквартальном альманахе. И книга его чудесных новелл, полных тепла и доброй улыбки, издавалась на Алтае. И сам он, Валерий Сергеевич Золотухин, частенько заглядывал на родину, на Исток-речушку, к детству своему.

Прощальный концерт Валерия Золотухина (28 ноября 1980 года) — в краевой филармонии. Аншлаг! Праздничная атмосфера. Публика не тят-ляп, а, можно сказать, избранная, знающая толк в искусстве. Золотухин выкладывался в тот вечер, как никогда, много пел, шутил, отвечал на вопросы, а раздольно-печальную «Ой, мороз, мороз...» так выдал — мурашки по коже и буря, взрыв аплодисментов. Bravo! Работал, как говорится, без дураков, на совесть и от души — никакой халтуры. И с публикой установил такой живой, такой доверительно-тесный контакт, что всякая грань между сценой и зрительным залом, казалось, исчезла...

В антракте я подошел к нему за кулисы. Вид у него был усталый, измочаленный, лицо бледное — пятый концерт за день! Мелькнуло: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее...».

— Все отлично, Валера! — говорю, пожимая ему руку. Он посмеивается:

— Не жми сильно, а то упаду.

Однако на сцену вышел быстро — и зрителям видно было, как он легок, стремителен и неукротим. И пел в этот вечер он, Валерий Золотухин, так, словно это был его последний вечер, последняя песня...

Что ж, искусство требует жертв. Но это не просто искусство — это была его жизнь.

Концерт закончился поздно. Только в первом часу ночи мы с Ащеуловым проводили Валерия до гостиницы. Надеялись вечером посидеть вместе, поговорить, выпить на посошок, но вечер был уже далеко позади.

А в восемь утра Золотухин улетал в Москву. И теперь — надолго.

МЕЖДУ РОСКОШЬЮ И ТОСКОЙ

Иван Акаев.

«Между». Альманах сибирской актуальной поэзии. Выпуск 1. Новосибирск, 2015. 248 с.

География издания задана вполне себе по-сибирски — Абакан, Барнаул, Кемерово, Красноярск, Междуреченск, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Томск. В отличие от географии, к подбору авторов есть вопросы. Собственно, об этом прямо пишет и автор предисловия, н-ский доктор филологических наук. Он перечисляет, кого не хватило ему — с полдюжины фамилий могли бы добавить и мы.

Но тут есть маленькая хитрость. По сути, это не альманах, а антология — вот выйдет второй, а лучше и третий номер, будем говорить о периодичности (что альманах и отличает). При этом понятно, почему составители выбрали именно такой статус. Назвались бы антологией — выше были бы ожидания и претензии: почему попало в нее одно а не другое, где X., XX и остальные сибирские звезды? В следующем номере альманаха, теперь могут ответить новосибирские энтузиасты — составители, они же редакторы — О.Полежаев и С.Шуба.

Работа ими проделана достойная. Такого рода издания (их выходило уже немало, но каждый опыт уникален и хорош по-своему) интересны не только читающим, но и пишущим. С кем-то, конечно, региональные поэты встречаются на региональных фестивалях — благо, их в последнее время стало больше, но кто-то по фестивалям и не ездит. Да и вообще, там — шоу, в известной степени самореклама, тут — товар лицом. Весьма полезно чтение справок об авторах — большей их части в районе 30-ти лет, как и составителям. Так же любопытен, хотя и не бесспорен, взгляд на состояние и тренды сибирской поэзии, изложенный в сопроводительной статье (там, кстати, продолжается дискуссия относительно жанра «Между»).

Ну а сами стихи... Да как обычно: много хороших, немало и плохих. То есть, хватает и роскоши, и тоски. Причем в каждой из городских подборок. То ли составители пытались никого не обидеть, то ли намере-

вались вычлениить некую справедливую сумму слагаемых...

Кто же попал туда из барнаульских авторов? Думаем, по подбору наших земляков можно судить о принципах подбора и авторов из других регионов. И придти к выводу: он достаточно случаен. Судите сами.

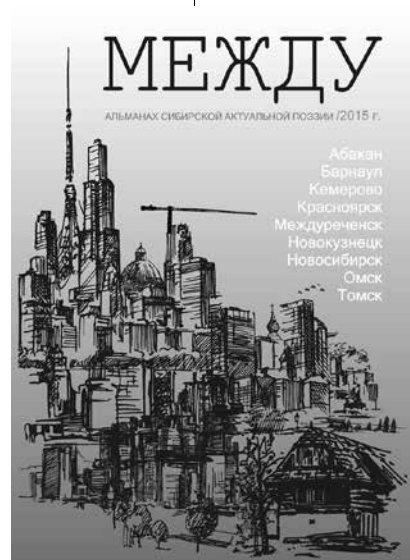
В «Между» наш город представляет неизменная тройка Николенкова-Гундарин-Токмаков и примкнувший к ним в очередной раз Мухачев. В таком составе мы видели барнаульских поэтов неоднократно, и не только на местных вечерах, но и в разного рода сборниках-антологиях-альманахах (включая и столичные). Есть вероятность, что почерпнули эти имена составители именно оттуда.

Об их стихах сказать тут особо нечего — все читали. Отметим только, что В.Токмаков пошел по пути публикации известных вещей, остальные из четверки дали новые стихи. Уровень, скажем так, «не хуже прочих» регионалов.

Но вот выбор еще двух барнаульских авторов вызывает вопросы. Почему Д.Мерзликина и (особенно) А.Аргунов?

Очевидно, последний выбран как представитель некоей «актуальной» поэзии (все прочие представленные барнаульцы работают в традиционной манере). Но это во все не говорит о качестве его текстов — или, по-нашему, не говорит ничего хорошего. Посоветуем в следующий раз составителям обратить внимание, например, на А.Панченко или Е.Гешелину, которые пишут и «актуально», и качественно.

Но важно, чтобы следующий раз был — этого мы авторам идеи искренне желаем. А первый выпуск «Между» можно найти в социальных сетях.

Масштабная персональная выставка — это, в первую очередь, путешествие в мир, созданный автором. В случае с выставкой «В поисках Беловодья» Александра Волобуева — это погружение в сказку, придуманную автором и рассказанную с помощью фотографий.

Автор.

Внутреннее Беловодье Александра Волобуева

Фото
Александра
Волобуева.

Часто выставленные фотоработы являются коллажем из нескольких авторских снимков. Тасуя изображения, Волобуев создаёт несуществующие места и образы, наделяет портретируемых людей героическими чертами. Экскурсия по выставке превращается в путешествие, но двери потустороннего открываются не всем и не сразу.

Узкий коридор — длинное введение к выставке, вдоль которого висят снимки из различных серий автора и тексты о нём: родился, вырос, работал фотожурналистом, участвовал в выставках, стал членом Союза фотохудожников России.

Сам Волобуев первой, открывающей выставку работой считает «Внутренний Алтай». На ней изображён человек, закрытый в сарае и, по словам Волобуева, «отрёпанный от всего и не готовый к взаимоотношениям с остальным миром. Когда он вылезет из своей избушки, он увидит этот мир». Герой снимка — то ли богатырь, пролежавший много лет на печи, то ли Иван-дурак, который вот-вот сделает шаг к грядущим приключениям. В любом случае, это тот герой, в которого превращается зритель на время просмотра выставки: он от неведения через испытания приходит к новому взгляду на мир и себя, к своему Беловодью. Волобуев не

диктует свой вариант этого пути, не выстраивает изображения в историю и зритель делает это сам, становясь соавтором сказки.

На выставке представлено множество портретов, которые Волобуев наполняет деталями и атмосферой, пытаясь рассказать больше о портретируемом человеке. Так, Виолетта Метелица скрыта за морозными узорами на окне, а Наталья Николенкова изображена на фоне грозы и силуэта крыши здания, где рабочие поднимают новый флаг.

Александр говорит: «Ещё одним пластом этой выставки является мысль, что люди культуры — это та самая скрепа,

о которой все говорят, но никто не знает, что это такое., я посчитал, сколько здесь человек умерших, ушедших от нас. Случайно получилось, что их оказалось больше, но по теме это объяснимо: они нашли это Беловодье, растворились там, но они мысленно здесь и наблюдают за нами».

Важным персонажем волобуевской сказки является Сергей Бузиновский — писатель, журналист, друг и коллега фотографа.

Александр Волобуев: «Он говорил о параллельности миров, пронёс через всю жизнь эту идею, что есть множество пространств, которые чем-то отличаются друг от друга. В одном мире человек делает

один выбор, в другом — другой. И во время сна или каких-то умственных состояний эти миры могут пересекаться, они настолько тонкие, что ты можешь наблюдать, что происходит в соседнем».

Точно так, с помощью взаимопроникновения миров, путешествуют персонажи, здания, предметы по снимкам Волобуева, будто между ними истончаются границы. Как, например, на фотографии «Полуторка — машина времени», которую Волобуев снял для газеты «Молодёжь Алтая» вместе с Сергеем Бузиновским в 1986 году. На снимке изображён мужчина, собравший у себя в гараже грузовик старого образца. Пытаясь однажды вспомнить его имя, Бузиновский предположил, что этот мужчина в прошлой жизни был фронтным водителем и погиб в этой машине. Снимок полон цветов яблони: тут и отсылка к 9 мая, празднику, который, возможно, тот фронтник не застал. Цветы эти взяты со снимка из сада матери В.М. Шушкина: весной 2013 года у Волобуева была выставка в Сростках, и эта связь между цветами, символом возрождения и новой жизни, просматривалась яснее.

Ещё один яркий пример воплощения идеи пересечения миров — работа «Символ веры». На пустом холме стоит церквушка, вокруг — ни людей, ни зданий, только сухие кусты на первом плане и тропинки вокруг. Дмитрий Сергеевич Лихачёв утверждал, что в России среда вокруг культурного памятника столь же важна, как и сам памятник, они сосуществуют в гармонии. Спокойствие исходного снимка Волобуев нарушает, заменив небо на розовое, с тучей, которая в наших широтах практически не встречается. Она символизирует тёмные силы, возникает противостояние между спокойствием пейзажа и темнотой небесного урагана.

Среди фотографий внимательные барнаульцы могли разглядеть знакомую им

городскую скульптуру Евгения Скурихина, которая находится на Социалистическом проспекте. По словам автора скульптуры, это — светец, подставка для лучины, но в тесном закоулке центра города он ничего не освещает. Волобуев поместил её в более подходящее место: на плато Укок, на простор и воздух, вместо вырезанных из фотографии двух каменных безликих идолов. Они, в свою очередь, оказались на другом коллаже.

На ударной, последней стене в зале расположены семь работ. Это — стена испытаний, по сути, она и квинтэссенция всего путешествия, и его завершение. На одном из снимков — памятник Николаю Рериху, стоящий на берегу Катуня. За памятником на горизонте виднеется силуэт другого пейзажа, миража, намекающий на существование того, что Рерих искал всю жизнь.

Александр Волобуев: «Я понимал, что здесь и есть ворота в Беловодье, а привратник держит ключи от него, как святой Пётр. Памятник — как камень, на котором написано: «направо пойдёшь — коня потеряешь», и так далее. Правда, на этом ничего не написано, но есть значок тройственности. Я раньше об этом даже не думал, а теперь увидел. В Беловодье просто так не попадёшь, а только через него. Если стена пропустит. А если не пропустит, разворачивайся и смотри выставку заново».

К памятнику слева, с другой фотоработы, летят нежные свиристели: птицы указывают верный путь. Справа расположена важная для Волобуева фотография «Сон из детства», простая, снятая одним кадром и в нужный момент. Автор рассказывает, как он, сделав снимок, вдруг понял, что уже видел это. При взгляде на фотографию появляется призрачное воспоминание, дежавю, и ощутить это — значит, пройти ещё одно испытание.

Крайний правый снимок лучше других поймут жители Алтая: на нём изображена часовня Михаила Евдокимова, а левый верхний угол снимка разрезан самолётным следом, который недвусмысленно врезается в горизонт. Когда проходишь испытания, нужно быть особенно осторожным.

Верхняя работа, венчающая экспозицию, вынесена и на афишу выставки. Пространство в этой работе многослойно: розовые облака, горы, дымка, на первом плане бегут лошади. Работа не подписана, но этого и не требуется. Зритель проходит выставку от состояния закрытого в своём мире человека, через путешествия, встречи с проводниками-героями мира культуры, к испытаниям и ощущению близости к другому миру, которому не счесть названий. И Беловодье — лишь одно из них.

